

М. Д. МАШИН

**ИЗ ИСТОРИИ
РОДНОГО
КРАЯ**

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

**Южно-Уральское
книжное
издательство
Челябинск
1978**

ЧЕЛЯБИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РСФСР

●
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

М. Д. МАШИН

ИЗ ИСТОРИИ
РОДНОГО
КРАЯ

●
ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

**Южно-Уральское
книжное
издательство
1976**

9(С17)
М—38

Печатается по решению редакционно-издательского совета Челябинского государственного педагогического института

9(С17) Машин М. Д.

М—38 Из истории родного края. Оренбург. казачье войско. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1976.

192 с. (Челяб. обл. отделение пед. о-ва РСФСР, Челяб. пед. ин-т).

В книге рассматриваются особенности образования Оренбургского казачьего войска, правовое и экономическое положение казаков, земельные отношения на территории войска, а также участие казаков в Крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева и последующей революционной борьбе эпохи империализма.

М $\frac{0-1-6-4-048}{M162(03)-76}$ ЗЛ17—76

9(С17)

© Челябинское областное отделение педагогического общества РСФСР, 1976.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Изучение истории казачьих войск и казачьих областей, в том числе и Оренбургского, имеет большое научное значение. Не имея ясного представления о процессе образования и развития того или иного казачьего войска, невозможно глубоко и всесторонне осветить ряд коренных проблем истории окраинных районов столь огромной страны, как СССР. Следует отметить, что «казачья проблема» давно привлекает внимание исследователей. Но освещение она получила главным образом на примере Донского, Кубанского и отчасти Терского и Семиреченского казачьих войск.

Наиболее многочисленная литература существует по истории донского казачества. Это позволило советским историкам начать создание работ обобщающего характера. Первые шаги в этом направлении предпринял Б. В. Лунин еще в конце 30-х годов¹. В середине 50-х годов вышел очерк Н. С. Чаева об истории донского казачества XVII в.² В 1961 г. была опубликована книга А. П. Пронштейна, посвященная истории Донской земли

¹ Б. В. Лунин. К истории донского казачества. Ростов н/Д, 1939. Его же. Очерки истории Подонья — Приазовья. Кн. I—II. Ростов н/Д, 1949—1951.

² Н. С. Чаев. Донское казачество. Очерки истории СССР. ПерIOD феодализма. XVII в. Изд. АН СССР, М., 1955.

в XVIII в.¹, а в 1962 г. — монография И. П. Хлыстова, освещающая историю Дона в период капитализма². И наконец коллектив кафедры истории СССР Ростовского государственного университета выпустил «Историю Дона» в трех томах, в которой подводятся итоги изучения рассматриваемой темы.

Что же касается истории Оренбургского казачьего войска, то изучена она мало. Оренбургскому казачьему войску явно «не повезло» в советской историографии. До сих пор нет ни одного обобщающего монографического труда, который бы более или менее полно содержал его историю. Явно недостаточно и научно-исследовательских статей на эту тему.

Оренбургское казачье войско было создано в середине XVIII столетия для закрепления границ Российской империи в Заволжье и на Южном Урале, а также для расширения ее территории на Востоке. В начале XX века оно относилось к числу крупнейших казачьих областей России, уступая по размерам войсковой территории лишь Донскому и Забайкальскому. Хотя население войска и уступало Донскому и Кубанскому, но зато превосходило все остальные казачьи войска: Уральское (235 тыс. казачьего населения), Сибирское (164 тыс.), Семиреченское (59 тыс.), Амурское (50 тыс.), Уссурийское (44 тыс.), Астраханское (37 тыс.), Иркутское (12 тыс.), Енисейское (8 тыс.). Все эти войска, вместе взятые, составляли 539 тыс., тогда как одно Оренбургское насчитывало 553 тыс. В 1910 г. население войска достигло почти 600 тыс. чел.

Занимавшее огромную территорию (7,5 млн. десятин) Оренбургское казачье войско имеет богатую историю, специфическую по содержанию. Это, естественно, привлекает внимание историков. Исследованием проблем образования и развития оренбургского казачества они занимаются давно. Задача сейчас заключается в том, чтобы глубоко, всесторонне осветить эти проблемы, дать им научное обоснование. В этом отношении еще предстоит сделать немало.

Первое серьезное исследование выполнила Оренбург-

¹ А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII в. Ростов н/Д, 1961.

² И. П. Хлыстов. Дон в эпоху капитализма. Ростов н/Д, 1963.

ская экспедиция. В 1734 г. ее руководитель И. К. Кирилов представил два документа: «Изъяснение о киргизкайсацкой и каракалпакской ордах» и «Проект обер-секретаря Ивана Кирилова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими». В них излагалось мнение о мероприятиях правительства, об укреплении русского влияния на юго-востоке. Экспедиция должна была не только изучить возможности строительства крепостей на реке Яик, но и пристани на Аральском море. Кроме того, план работы экспедиции предусматривал рассмотрение, по инициативе И. К. Кирилова, вопросов, связанных с изучением природных богатств края, его экономики, проведение картографических съемок и составление ландкарты. Экспедиция собрала ценные материалы не только для описания флоры и фауны Южного Урала, но и об его истории и этнографии.

Значительную работу по изучению истории Южного Урала проделал П. И. Рычков. В 1759 г. он опубликовал ценный труд «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии»¹. Будучи участником экспедиции, располагая к тому же богатейшими архивными материалами, автор дал подробное описание истории организации и проведения экспедиции. Естественным продолжением «Истории Оренбургской» явилось «Прибавление к Оренбургской истории», которое охватывает события с 1744 по 1751 г.

В 1762 г. П. И. Рычков опубликовал свою знаменитую «Топографию Оренбургскую»², состоящую из двух частей. В первой части первой главы говорится о происхождении названия города Оренбурга и описывается образовавшаяся в 1744 г. Оренбургская губерния. Ценные сведения об административном делении содержатся в третьей главе «О провинциях и дистриктах Оренбургской губернии».

Но основной и несомненно наиболее ценной для историка является вторая часть «Топографии». Она содержит 12 глав, в которых дается подробное описание провинции.

¹ «История Оренбургская» впервые была опубликована в академическом журнале под названием «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1759 г. В дальнейшем «История Оренбургская».

² П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887 (в дальнейшем П. И. Рычков. Топография Оренбургская, 1887.)

дистанции, городов, крепостей, заводов и других населенных пунктов. Уместно заметить, что «Топография» появилась в свет тогда, когда Оренбургской экспедиции исполнилось более четверти века. Это позволило ее автору глубоко продумать и научно осветить историю Южного Урала. Многолетние личные наблюдения, талант исследователя, использовавшего большой архивный материал, делают труды П. И. Рычкова уникальными.

Но говоря о несомненных заслугах П. И. Рычкова следует отметить и серьезные недостатки, присущие его работам. Будучи крупным чиновником государственного аппарата, он допускает излишнюю идеализацию внешнеполитического курса русского абсолютизма на юго-востоке, вопреки фактам стремится показать «миролюбивый» характер внешней политики феодального государства, выражавшего интересы помещиков и купечества. Он стремится также показать внеклассовый характер грандиозной Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева, изображает ее вождя «разбойником» и «вором», войну рассматривает только как «бунт» и «душегубство», а не как законное стремление эксплуатируемого народа к свободной жизни.

Большое значение для расширения сведений об окраинах Российской империи и, в частности о Южном Урале и Зауралье, имел ряд экспедиций, организованных Российской Академией Наук в 60—70-х годах XVIII в. Особенно много ценного материала собрала экспедиция академика П. С. Палласа, в состав которой входил сын П. И. Рычкова Н. П. Рычков, написавший «Дневные записки». Труды путешественников и исследователей, в частности П. С. Палласа¹, имели огромное значение для развития историографии Южного Урала, поскольку они являлись ценными письменными свидетельствами по истории края XVIII в.

В первой половине и в середине XIX в. предпринимаются первые попытки создания обзорных работ по истории края с привлечением статистических и отчасти архивных материалов. Многие авторы книг по истории Оренбургского края в бытность свою являлись крупными чиновниками Оренбургского губернского правления и Орен-

¹ П. С. Паллас. Путешествия по разным местам Российской империи. Кн. 1—2, СПб, 1796.

бургского казачьего войска. Выйдя в отставку, они по-своему, с позиций преданности монарху, начали освещать события, происходившие на Южном Урале. В 1832 г. вышло в свет «Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края...»¹, составленное чиновником по особым поручениям при Оренбургском военном губернаторе И. Жуковским «под непосредственным руководством его сиятельства Оренбургского военного губернатора графа Сухтелена»². Столь официальное авторство определило ярко выраженный официальный дворянско-монархический характер, которым пронизано «Краткое обозрение». Предназначалось оно для «юных питомцев» Неплюевского военного училища. Поэтому в нем нашли отражение те события, которые с точки зрения автора являлись достопамятными и полезными для воспитания будущих офицеров и чиновников в духе квасного патриотизма и слепой преданности престолу. К их числу относятся: восшествие на престол очередного монарха, вручение знамен или каких-либо знаков отличия. Много внимания уделяется тому, как города и заводы были «осчастливлены присутствием блаженной памяти государя императора Александра I» во время его поездки по Оренбургскому краю.

В свете официальной дворянско-монархической историографии составлено «Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии», написанное бывшим гражданским губернатором Оренбургской губернии И. Дебу, вышедшее в 1837 г.³

Идеализируя, а по существу извращая и фальсифицируя внешнюю политику русского царизма на юго-востоке, крепостник И. Дебу заявляет, что цель учреждения Оренбургской кордонной линии заключалась в том, чтобы содействовать будущему благосостоянию «дикого» степного народа и, «охраняя внутренних жителей», послужила в последствии «и к собственному их благоустройству».

¹ Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год, составленное чиновником, состоящим при Оренбургском военном губернаторе по особым поручениям И. Жуковским. Санкт-Петербург, 1832.

² Там же. См. «Предуведомление».

³ И. Л. Дебу. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. Сочинение тайного советника Иосифа Дебу. Москва, 1837.

В таком же духе написаны «Статистические труды»¹ И. Ф. Штукенберга. В «Трудах» восхваляется внешняя политика царизма. Строительство Оренбургской линии крепостей автор объясняет не колониальной экспансией Российской империи, а «склонностью башкиров к возмущениям».

Через два года после появления «Статистических трудов» И. Ф. Штукенберга в Уфе вышло «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» (автор—преподаватель агрономии Оренбургской духовной семинарии В. М. Черемшанский). От всех работ по истории Оренбургского края, вышедших в первой половине XIX в., «Описание» положительно отличалось более широкой источниковедческой базой, включавшей в себя опубликованные в 1839—1841 гг. статистические материалы. Это позволило автору сделать попытку более глубокого описания Оренбургского края, чем это делалось раньше. Работа содержит сведения о промышленности, земледелии, сравнительные данные о государственных, удельных и помещичьих крестьянах. Автор попытался поставить вопросы о «способах пользования землей»², о «движении поземельной собственности и о продажных ценах земли». Но все эти вопросы далеки от научного освещения. Числовые данные, приводимые в книге, не имеют ссылок на источники.

Недостатком труда В. М. Черемшанского следует считать и то, что в нем содержатся крайне случайные сведения об Оренбургском казачьем войске.

Таким образом, период с 1759 г. (т. е. с выходом в свет «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова) до конца 50-х годов XIX в. (до появления работы В. М. Черемшанского) характеризуется тем, что авторы вышедших работ делают попытки дать описание исторических событий, происходивших на территории края, не отдавая предпочтение ни одному из них. Причем события описывались кратко, неполно и отрывочно.

Работы представителей официальной дворянской исто-

¹ Статистические труды И. Ф. Штукенберга. Перевод с немецкого. Санкт-Петербург, 1857.

² В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859, с. 266—270.

риографии первой половины XIX в. И. Жуковского, И. Л. Дебу, И. Ф. Штукенберга, В. М. Черемшанского и других авторов трактатов по истории Оренбургского края оказались как труды исследовательского характера малопродуктивными. Эти труды представляли лишь определенную ценность потому, что они содержали практический материал и результаты наблюдений. Но будучи описательными они не вскрывали классовых причин тех или иных событий, о которых шла речь.

Капиталистические отношения, которые начали бурно развиваться в России после отмены крепостного права, все шире охватывали и ее окраины. Это послужило толчком научному исследованию юго-восточных окраин, в том числе и Оренбургского края. Пореформенный период отличается от предыдущего более глубоким подходом к изучению местной истории и расширением ее проблематики. Появились работы, в которых рассматривались вопросы заселения и освоения обширных просторов Южного Урала¹. Исследования начали приобретать более систематический характер и включали в себя более общие проблемы. В 80—90-х годах появились работы В. Н. Витевского² и других, в начале XX века — А. И. Добросмылова³, А. П. Абрамова⁴, К. А. Стратоницкого⁵, Д. Н. Соколова⁶. Наряду с политической историей в них рассматриваются социально-экономические проблемы. Но в работах, относящихся к этому периоду, как и в предыдущих, сведения об Оренбургском казачьем войске также скудные, отрывочные и случайные.

Когда было отменено крепостное право и в России начал развиваться капитализм, стали появляться работы, посвященные казачьим войскам, в том числе и Оренбургскому.

Еще в начале 60-х годов XIX в., в связи с подготов-

¹ В. В. Зверинский. Оренбургская губерния. СПб. 1871; Н. Новиков. Очерк колонизации Башкирского края.— «Историческая библиотека». Учено-литературный журнал 1878, № 12. СПб.

² В. Н. Витевский. И. И. Неплюев. Казань, 1891.

³ А. И. Добросмылов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1859. Его же. Тургайская область. Исторический очерк.— «Известия Оренбургского отдела РГО». Вып. 15—17, 1900.

⁴ А. П. Абрамов. Башкиры. Русский антропологический журнал. 1907, кн. XXVII.

⁵ К. А. Стратоницкий. О башкирском землевладении. 1907.

⁶ Д. Н. Соколов. Оренбургская губерния. М., 1916.

кой реформы, а затем и отменой крепостного права, в официальных кругах начали высказываться взгляды на то, что роль казачества в истории русского государства якобы утратила свое значение. Официальный ответ на этот вопрос дали высшие чиновники Оренбургского казачьего войска¹. Они отобразили его героическое прошлое, особо отметив высокие боевые качества, которые сохранило казачество и в этот период. Была также высказана мысль об исторической будущности Оренбургского войска. Подобные взгляды были положены в основу официальной концепции относительно происхождения и роли Оренбургского казачьего войска в системе вооруженных сил империи².

Опубликованные материалы вызвали среди высших офицеров войска стремление написать обстоятельную и подробную историю Оренбургского казачьего войска. В 70—80-х годах XIX в. на страницах официальных изданий появились публикации на эту тему³. Тогда же много внимания истории оренбургского казачества, его положению и состоянию уделяли местная печать⁴ и «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии». На страницах «Трудов» были помещены статьи офицеров Оренбургского казачьего войска. При всей противоречивости и нечеткости мыслей и взглядов по вопросам происхождения Оренбургского казачьего войска, его устройства и быта газетные и журнальные материалы содержали некоторые архивные данные и документы, ранее не известные.

В тесной связи с вопросом о происхождении оренбург-

¹ См. «Военный сборник». 1862, № 6. «Правда об Оренбургском казачьем войске» под псевдонимом «Оренбургский казак». Настоящими же авторами статьи являлись: наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор граф Толстой, начальник Войскового штаба полковник Зворыкин, старший адъютант Войскового дежурства полковник Шишелев, дежурный штаб-офицер полковник Агапов, депутат при Главном управлении нерегулярных войск полковник Черков и другие.

² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1903. Вып. 1, с. 13—20.

³ Военный сборник за 1870—1880 гг. См. статьи по истории Оренбургского казачьего войска. См. также журналы: «Казачий вестник», «Русский инвалид», «Разведчик», «Вестник казачьих войск», «Исторический вестник» и др.

⁴ Газеты «Оренбургский листок», «Оренбургские ведомости», «Оренбургская газета», «Оренбургский край», «Тургайская газета» за 70—80-е годы XIX в.

ского казачества встал вопрос и об определении старшинства этого войска. В 1886 г. отмечалось 300-летие Уфы и Самары. Была высказана мысль отпраздновать юбилей и Оренбургского войска, определив его старшинство по самарским и уфимским казакам, которые, согласно широко распространенной тогда точке зрения, положили при заселении Оренбургской укрепленной линии начало Оренбургскому войску.

Вся последующая литература и периодическая печать вопрос о старшинстве Оренбургского войска сделали главным и это отрицательно сказалось на разработке других вопросов истории войска. Духом о старшинстве были пронизаны вышедшие в 1903—1904 гг. «Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска»¹. В выявлении и составлении материалов участвовала большая группа высших чиновников этого войска, которые сосредоточили главное внимание на происхождении то волжских, самарских, алексеевских, то уфимских, исетских и яицких казаков. Но так как все названные казаки имели разные «года рождения», то вопрос о старшинстве был запутан окончательно.

Говоря о методологических приемах авторов по истории Оренбургского казачьего войска², следует отметить, что основа изложения материала — ход политических событий, способствовавших образованию волжского, самарского, алексеевского, уфимского, исетского и других казачеств, составивших в 30-х годах XVIII в. ядро Оренбургского казачьего войска. Авторы стремились охватить

¹ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. (В дальнейшем «Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ»). Вып. 1, 2 и 3. Оренбург, 1903—1904 гг.

² Ф. М. Стариков. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Изд. Оренбургского губернского статистического комитета. Оренбург, 1890. Его же. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карт. Оренбург, 1891. Его же. Откуда взялись казаки. (Исторический очерк.) Оренбург, 1881. А. И. Кривошеков. Исторические судьбы Оренбургского края. Краткий очерк заселения и развития края. Уфа, 1913. П. И. Авдеев. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником войскового хозяйственного правления полковником Н. И. Авдеевым. Оренбург, 1904.

эти события, устанавливая в первую очередь их связь во времени, в хронологической последовательности. Подобное изложение материала преобладало над сюжетным. Это солижало труды по истории Оренбургского казачьего войска с некоторыми традициями дворянской историографии, главным недостатком которой являлся отрыв политики от экономики.

Типичным для авторов являлось пространное изложение различных документов без их критического анализа. Некоторые документы впервые вводились в оборот, но авторы даже не пытались раскрыть социально-политический смысл того или иного документа, считая своей задачей прежде всего поиск фактов. Причем факты, относящиеся к внутренней истории Оренбургского войска, рассматриваются изолированно друг от друга, причины, их обусловившие, не выясняются. Вместо исторического анализа, как правило, дается лишь простое изложение документов. Целиком следуя за источниками, авторы не делают попытки критически проанализировать их содержание, ограничиваясь подробным пересказом текста документов. Обобщающих выводов в трудах почти совсем нет. Поэтому об оценках того или иного события часто приходится только догадываться. Общая особенность работ по истории Оренбургского войска, о которых идет речь, заключается в том, что все они носят в основном фактографический характер, представляя собой, как бы хронику событий, происходивших в Оренбургском войске. При знакомстве с этими работами создается впечатление, что авторы их занимают позиции беспристрастных наблюдателей, поскольку они в большинстве случаев не в состоянии дать политическую оценку приводимым фактам. Это результат идеалистического мировоззрения авторов.

Идеализируя историю Оренбургского казачьего войска, авторы рассматривали казаков как наследников русских богатырей. «Представителем старорусского богатыря, — говорится в «Материалах», — идеалом мощи, отваги и удалства стал казак»¹. Казаки изображаются «передовыми людьми колонизации», «отыскателями путей новых земель». По мнению авторов, для колонизации и защиты

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 1. Оренбург, 1903, с. 28.

новых земель могли быть только «вольные переселенцы и казаки».

Следует особо подчеркнуть, что являясь в большинстве своем высшими чиновниками войска, авторы работ по истории оренбургского казачества главное внимание уделяли военной службе казаков, чрезмерно выпячивали казачью удаль и храбрость. При этом военную службу они рассматривали в тесной связи с особыми заботами русских царей о казачьих войсках. Потому не случайно, что история войска дается ими с позиции апологетов самодержавия. Особенно усердствовали в восхвалении самодержавия генерал-майор Лобов, полковник Генерального штаба М. Хорошхин, войсковой старшина Н. К. Бухарин и другие. Автор «Очерка казачьих войск» полковник М. Хорошхин адресует свое сочинение «Его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу Августейшему атаману всех казачьих войск в высокаторжественный день исполнившегося совершеннолетия». В своем труде М. Хорошхин продемонстрировал холопскую преданность самодержавию, выступив в качестве одного из его самых ретивых защитников.

Все авторы, посвятившие свои труды Оренбургскому казачьему войску — П. И. Авдеев, Ф. М. Стариков, Лобов, М. Хорошхин, Н. Алексеева, Н. К. Бухарин и другие, — изображали отношения между царями и казачеством как мирные, и эти отношения они стремились проследить на протяжении всей истории царизма и казачества. Авторы всячески рекламировали «заботу» самодержавия о «благее» казачьего войска. На самом же деле мероприятия царизма, предусматривавшие учреждение Оренбургского казачьего войска и его устройство, были вызваны отнюдь не заботами царей о благе казачьем; к этому их вынуждали обстоятельства. С одной стороны, самодержцы понимали, что удержать кочевников от разорительных набегов невозможно, с другой, казачьи войска являлись самой дешевой вооруженной силой в империи.

Создание Оренбургского казачьего войска, его военную службу на пограничных кордонах юго-востока авторы объясняли интересами государства как общенародного органа, а не интересами самодержавия и господствующего класса помещиков.

Являясь представителями официальной монархичес-

кой историографии атаманы и высшие военные чиновники войска всячески раздували созданную царизмом легенду о всеобщем равенстве казаков и об отсутствии в их среде классовых противоречий. Они всемерно подчеркивали исключительную устойчивость казачества, его единство и целостность. В своем «Историко-статистическом очерке» Ф. М. Стариков настойчиво пропагандировал идею слепой покорности казаков властям и их беспредельной преданности престолу. П. И. Авдеев в «Исторической записке»¹ проводил мысль о том, что казаки полностью удовлетворены условиями своего социально-экономического быта.

Отрывочные и случайные сведения о социально-экономическом быте казаков, на которые ссылаются П. И. Авдеев и Ф. М. Стариков, не дают возможности составить сколько-нибудь элементарного представления об экономическом положении казачества, особенно рядового, с момента образования Оренбургского казачьего войска вплоть до конца XIX в.

Вообще следует особо подчеркнуть, что вопросы социально-экономического развития оренбургского казачества в дореволюционной историографии совершенно не изучены и не освещены.

Авторы по истории оренбургского казачества (Н. К. Бухарин, П. И. Авдеев, Ф. М. Стариков, Лобов, М. Хорошхин и др.), создавая свои работы, полностью игнорировали историю нерусских народов юго-востока и рассматривали их как объект колонизационной деятельности казачества. С шовинистических позиций христианский Запад противопоставлялся мусульманскому Востоку. Наиболее концентрированно эту концепцию выразил войсковой старшина Бухарин. Говоря о массовом стремлении русского народа на Восток, он писал: «Народ чувствовал, что пришла расплата за татарское иго и по собственной инициативе пошел ломить стеной и разваливать остатки враждебного ему мира. Это был век поэтического увлечения этой борьбой, в котором во главе стало казачество, воплощая собой стремления и народные идеалы». Казаки выступили, по мнению автора, «передовыми борцами православного христианства».

¹ П. И. Авдеев. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления полковником П. И. Авдеевым. Оренбург, 1904.

Некоторые сведения по истории оренбургского казачества содержатся в работе В. Н. Витевского¹. Но схема возникновения и развития Оренбургского войска до 1758 г. в ней носит хаотический характер. Автор неправильно освещает вопрос о его происхождении и составе. «Оренбургское казачье войско,— пишет В. Н. Витевский,— составилось из тех же смелых и предприимчивых людей, как и прочие казачьи общины, имея в своей седой старине кровное родство с донскими казаками и сподвижниками Ермака...» И тут же, в работе высказывается второе положение, противоречащее первому: «Но ближайшими родоначальниками оренбургских казаков считаются самарские и алексеевские казаки».

Нельзя забывать, что материал об оренбургском казачестве не имеет в работе самостоятельного значения, он служит лишь фоном для показа личности И. И. Неплюева и его губернаторской деятельности. Труд Витевского носит подобострастный и верноподданнический характер, он проникнут рабской преданностью одному из колонизаторов Юго-Востока, который действовал в Оренбургском крае огнем и мечом. Однако, вопреки фактам, Витевский старается показать И. И. Неплюева благодетелем всех жителей края, который применял к ним и особенно к башкирам «увещевания, кротость и ласку», обращался с ними «умеренно, не причиняя им ни малейших обид».

В. Н. Витевский резко враждебно относится к Крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева, особенно осуждая участие в ней яицких казаков, которые «опьяненные злобой», «остервеневшись как дикие звери», вели «кровавую междоусобную борьбу» и «самым бесчеловечным образом». Е. Пугачева автор называет «кровавым вороном», а саму войну — «кровавым происшествием».

В дореволюционной литературе содержится материал о городских казаках, о появлении их на исторической арене, о месте и роли в несении сторожевой службы по охране пограничных городов Московского государства в XVI—XVII вв. Первым из дореволюционных историков посвятил городским казакам свое исследование И. Беля-

¹ В. Н. Витевский. И. И. Неплюев. Казань, 1891, с. 45.

ев¹. Он обнаружил в архивах и впервые полностью опубликовал Устав о сторожевой службе этих казаков, составленный и утвержденный царской властью в 1571 г. В целом И. Беляев дал правильную трактовку вопросу о происхождении городских казаков и высказал мысль о том, что «городовых казаков не должно смешивать ни с донскими, ни с волжскими казаками, ибо сии были свободные люди, добровольно или по обстоятельствам, составившие особые общины, ни от кого не зависимые и с своею управою, городовые же казаки, очевидно, учреждены правительством и находились в полной от него зависимости».

Но вследствие своей классовой ограниченности И. Беляев не сумел показать социальных корней генезиса городских казаков, их классовую сущность. Эти казаки совершенно неправильно квалифицируются им как «особый класс служилых воинских людей».

Подобное ошибочное определение городских казаков повторялось во всей последующей литературе. Так, Ф. М. Стариков, собравший значительный материал, касающийся городских казаков (уфимских, самарских, алексеевских)², ничем в своей оценке их не превзошел И. Беляева. Напротив, он повторил его ошибочное определение, считая казаков «особым классом воинских людей». Данное определение не выдерживает научной критики. Городовые казаки представляли не «особый класс воинских людей», а особый разряд служилых ратных людей.

Резко отрицательную оценку городovým казакам дал войсковой старшина Бухарин. Он отнес их к низшему разряду служилых людей. Городовые казаки, по мнению Бухарина, это «оскребыши, собранные силком от нужды и горя». Являясь одним из самых ярких приверженцев

¹ И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. Москва, 1846.

² Ф. М. Стариков. Откуда взялись казаки. (исторический очерк). Составил войсковой старшина Ф. М. Стариков. Оренбург, 1881. Его же. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Составил действительный член Оренбургского губернского статистического комитета войсковой старшина Оренбургского казачьего войска Ф. М. Стариков. Оренбург, 1890.

официального монархического направления в литературе, Бухарин не замечал, да и не мог заметить, что Оренбургское казачье войско было построено на организационных принципах Устава о сторожевой службе городских казаков 1571 г., что Оренбургское войско и есть «собранное силком от нужды и горя» войско. Бухарин не понял, что Оренбургское казачье войско и есть продукт и прямой результат осуществления правительственных мероприятий.

Следует отметить, что все авторы дореволюционной литературы, касавшейся вопроса об образовании Оренбургского казачьего войска, не видели различия между институтами «Оренбургское нерегулярное войско» и «Оренбургский нерегулярный корпус» и оперировали этими понятиями как синонимами. Наиболее ярко это проявилось в докладе С. Н. Севостьянова, с которым он выступил на заседании Оренбургской Ученой архивной комиссии в 1898 г. и затем опубликованном в ее «Трудах»¹. Как член комиссии по выявлению и систематизации материалов об истории Оренбургского казачьего войска С. Н. Севостьянов много работал в архивах. По начертаниям войсковой печати он решил проследить историю учреждения этого войска и, дав в целом правильное описание войсковой печати, предпринял попытку установить связь между ее появлением и историей учреждения войска. Однако С. Н. Севостьянов сделал совершенно неправильный вывод, отождествив учрежденные Оренбургский нерегулярный корпус с Оренбургским нерегулярным войском, и много раз допускает выражение «Оренбургский нерегулярный корпус или Оренбургское нерегулярное войско». Единственным основанием для такого отождествления явилась войсковая печать, которая, по мнению С. Н. Севостьянова, была дана корпусу, ему же принадлежала, и поскольку она являлась единственной, т. е. обслуживала и войско и корпус, это закрепило мысль исследователя о синонимах данных институтов. «Первоначально, при формировании корпуса, когда в него вошли все способные носить оружие и отправлять воинскую службу, под словом корпус,— пишет автор,— и войском разумелось одно и то же понятие, т. е. извест-

¹ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Оренбург, 1898, с. 82—111.

ное количество «нерегулярных людей, поселенных в Оренбурге и Бердской слободе». И далее, какой бы вопрос, касавшийся корпуса или войска, не рассматривался автором, он употребляет эти два термина как одно понятие: «Служащие в комплекте корпуса или войска ничем не выделялись от неслужащих или войсковых».

Отрицая наличие на территории Оренбургской губернии казачьего нерегулярного войска, кроме корпуса, и, не зная как быть с исетскими и уфимскими казаками, которые несли кордонную службу в крепостях Верхнеуральской, Уйско-Тобольской, Самарской и Сакмарской линий, С. Н. Севостьянов объявил всех вышеназванных казаков «нерегулярными казачьими общинами».

Исключение по рассматриваемому вопросу составляет «Записка»¹ генерал-майора Лобова, который первый и единственный в дореволюционной литературе, касающейся истории Оренбургского казачьего войска, увидел отличие этих институтов друг от друга. Но дальше констатации этого факта Лобов не пошел.

Начало XX в. ознаменовалось значительными изменениями в социально-экономической и политической жизни России. Продолжал набирать силу империализм, развивались товарно-денежные отношения, усилилась классовая борьба. В это время впервые появляется работа, посвященная экономическому положению оренбургского казака². Автор подъесаул Д. Е. Серов сделал попытку рассмотреть общественное (станично-общинное) и личное хозяйство казаков. Обнаружив новые моменты в развитии Оренбургского казачьего войска, он высказал мысль об упадке казачьих хозяйств, о пролетаризации казаков, о появлении среди них голытьбы и нищеты. Но все эти явления, присущие капиталистическому образу развития, объяснялись Д. Е. Серовым с идеалистических позиций. Причины всех бед, которые переживало оренбургское казачество в 70—80-х годах, он усматривал в том, что казакам было предоставлено самоуправление на территории

¹ Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска. Составлена отставным генерал-майором Лобовым на основании исторических материалов по приказанию генерал-лейтенанта Сухомлинова 15 декабря 1911 г. Оренбург, 1911, с. 13.

² Д. Е. Серов. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба. (Очерк современного быта оренбургских казаков.) Оренбург, 1900.

войска и учрежден институт исправников. Достаточно было, по мнению автора, в 1891 г. всецело подчинить казаков власти войскового казачьего офицерства, как все бедствия капитализма были нейтрализованы; начался вновь «быстрый рост общественного и частного хозяйства казаков». Д. Е. Серов прославляет господ казачьих офицеров, только благодаря которым, по его мнению, и оказалось возможным благополучие оренбургского казака.

С интересными работами о казаках в годы первой русской революции выступил Б. Воробьев¹. Он резко критиковал существовавшие в то время в казачьих областях империи земельные отношения. По мнению Б. Воробьева, казачество находилось в состоянии «полного экономического упадка» и «большая половина казачества — накануне разорения». Причины этого автор усматривал в тяжелой военной службе и малоземелье, а выход из создавшегося положения — в победе революции.

Важной вехой в освещении казачьей проблемы явилась публикация многотомного юбилейного труда, посвященного столетию Военного Министерства (1802—1902). Четыре книги одиннадцатого тома² были посвящены казачьим войскам империи, в том числе и Оренбургскому.

Наибольший интерес представляла четвертая книга (или четвертая часть). В ней содержалась сводка многочисленного материала, дающего представление о том, как в казачьих областях слагалась и развивалась система землеустройства. Однако дворянско-монархическое мировоззрение составителей многотомника не позволяло им не только понять основные закономерности формирования и развития земельных отношений на территории, занимаемой казачеством, но и правильно сгруппировать

¹ В. Воробьев. О казаках.— В кн.: «Отклики современности», № 1, 1906, 25 марта. «Донская речь». Его же. Земельный вопрос у казаков. СПб, 1908.

² Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Т. XI, ч. 1. Казачьи войска. Главное управление казачьих войск. Т. XI, ч. 2. Военное Министерство. 1802—1902. Т. XI, ч. 3. Военная повинность казаков. Военное Министерство. 1802—1902. Землеустройство казачьих войск. Исторический очерк. Т. XI, ч. 4. Составил статский советник Н. А. Чернощев. Главный редактор — генерал от кавалерии Д. А. Скалон. СПб, 1911.

фактический материал (в том числе и правовой). Это, естественно, в значительной мере снижало значение многолетнего труда.

В целом же авторы дореволюционной литературы, касающейся истории Оренбургского края и истории Оренбургского казачьего войска, не смогли проанализировать имеющийся материал, дать его теоретическое обобщение. Вследствие их классово ограниченной они оказались не в состоянии выявить закономерности возникновения, становления и развития капиталистических отношений в казачьих областях, «переварить» собранные ими же обширные факты.

Приводимый нами краткий обзор свидетельствует о том, что хотя в дореволюционный период и был накоплен довольно значительный фактический материал об Оренбургском казачьем войске, тем не менее его теоретическое осмысление оставляло желать много лучшего. Поэтому свои первые шаги марксистская историография видела прежде всего в изучении важнейших общих проблем и ряда конкретных вопросов истории казачества. Что касается различных сторон хозяйственного развития, социальных отношений, хозяйственной и социальной дифференциации казачества, то эти вопросы вообще не рассматривались дореволюционной историографией. Приоритет в их постановке целиком принадлежит марксистской историографии.

Начало марксистскому освещению истории казачества пореформенной России положил В. И. Ленин. Его труды содержат ценнейшие высказывания о хозяйственном развитии и социальных отношениях в казачьих областях. В многочисленных трудах, посвященных разработке аграрной программы РСДРП(б), В. И. Ленин глубоко исследовал проблемы социально-экономического развития России во второй половине XIX начале XX века¹.

Значение ленинского наследия для изучения пореформенной России заключается не только в том, что В. И. Ленин дал научную трактовку главным явлениям эпохи, но и в том, что он показал образец глубокого ис-

¹ См.: В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч., т. 16. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Полн. собр. соч., т. 17.

следования разнообразных источников, разработал методику их анализа¹.

В трудах В. И. Ленина имеются многочисленные высказывания о хозяйственном развитии и социальных отношениях в казачьих областях. В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику казачества как социальной группы².

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», написанной в конце 1907 года, В. И. Ленин, рассматривая вопрос о размерах крестьянских земельных наделов, отнес казаков к богатым крестьянам, имевшим свыше 30 десятин на двор. «Чтобы судить о том,— писал В. И. Ленин,— из каких разрядов крестьян составляется эта богатая землевладением группа дворов, укажем, что на первом месте здесь стоят казаки», у которых имелось «в среднем по 52,7 дес. на двор»³.

В казачьем землевладении В. И. Ленин усматривал фактическую «муниципализацию», означавшую «сословную и областную замкнутость крестьян», и отмечал, что «на почве этой «муниципализации» развивались «чисто феодальные отношения». Он относил казачество к привилегированному крестьянству, подчеркивая при этом средневековой характер «пользования землей за службу»⁴.

В. И. Ленин отмечал реакционную роль «муниципализации», которая приводила к «отчуждению одной области от другой», закрепляла «средневековую особность областей»⁵. В. И. Ленин указывал, что «представители от-

¹ Значение трудов В. И. Ленина для изучения аграрной истории России конца XIX начала XX века специально рассмотрено в работах: А. М. Анфимов. В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX в. — «Вопросы истории» (1960, № 4) и Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962; И. Д. Ковальченко. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России. — «Вопросы истории» (1970, № 3); Б. Г. Литвак. Ленинские приемы источниковедческого анализа и методика исследования массовой документации. — «История СССР», 1970, № 2 и др.

² См.: В. И. Ленин. Русская революция и гражданская война. Полн. собр. соч., т. 34, с. 220.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 199.

⁴ Там же, с. 315.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 316.

дельных, хорошо поставленных, областей»¹ всегда направлялись самодержавием на борьбу с революцией, благодаря чему оно одерживало победы.

Говоря о казаках, как о непременных и постоянных участниках расправы с рабочим классом России, В. И. Ленин, о чем свидетельствуют его многочисленные статьи, ставил их как душителей свободы рядом с полицейскими и жандармами.

В статье «Новое побоище» В. И. Ленин, имея в виду стачку рабочих Обуховского сталелитейного завода, отмечал, что она превратилась в побоище, где самодержавие предоставило «поле действия полиции, жандармам и казакам, которых угощают камнями»².

В другой статье «Начало демонстрации», посвященной студенческой демонстрации в Харькове, В. И. Ленин писал: «Полиция и казаки, нещадно избивавшие всех и каждого, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали победу над безоружными и торжествуют...»³.

Очень важную мысль о казаках В. И. Ленин высказал в статье «Новые события и старые вопросы». Он отмечал, что «...весь современный строй выступает уже здесь врагом народа, против которого ополчаются местные и петербургские власти, полиция, казаки и войско, не говоря о жандармах и судах, дополняющих и завершающих, как всегда, всякие народные восстания»⁴. Из приведенного высказывания видно, что В. И. Ленин включил казаков в состав самодержавного строя, поставил их рядом с местной и центральной властью, полицией и войском.

Анализируя Кровавое воскресенье, В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года» с особой силой подчеркнул контрреволюционную роль казаков. «Вызываются войска. Уланы и казаки бросаются на толпу с холодным оружием, стреляют в безоружных рабочих, которые на коленях умоляли казаков, чтобы их пропустили к царю»⁵.

В своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», В. И. Ленин, касаясь причин поражения революции

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 316.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 17.

³ Там же, с. 371.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 61.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 306.

1905—1907 гг., назвал муниципализацию казачьих земель, которая являлась гарантией от революции. Особенность казачьих областей, отмечал В. И. Ленин, притупляла в казачестве «сознание необходимости централизованной аграрной революции»¹. «Казачьи земли в России,— писал он,— представляют из себя уже муниципализацию. Именно это раздробление государства на отдельные области было одною из причин поражения революции в первой трехлетней кампании»².

Но казачество не только выполняло полицейские функции внутри Российской империи; на него возлагалась роль душителя революционного движения и за ее пределами. На эту сторону защитников престола В. И. Ленин обратил внимание в статье «Горючий материал в мировой политике». «За подвигами расстрелов, карательных экспедиций, избиений и грабежей в России следуют подвиги тех же казаков по подавлению революции в Персии». И далее: «...Роль международных палачей не первый раз выпадает на долю христоробивых российских воинов»³.

Таким образом труды В. И. Ленина имеют огромное значение для разработки проблем истории казачества России начала XX в.⁴

Первые попытки осветить некоторые вопросы истории Оренбургского казачьего войска были предприняты в 1927 г. коллективом авторов в работе «Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии». Являясь в основном работниками Оренбургского окружного земельного управления, авторы решили изложить материал по сельскохозяйственному краеведению. Поэтому большая часть статей была посвящена описанию климата, почв, растительного и животного мира и т. д. В книге выражалась надежда, что она «послужит пособием в работе на местах агроному, землеустроителю,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 316.

² Там же, с. 165.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 174.

⁴ Изучению трудов и высказываний В. И. Ленина о казачестве посвятил ряд статей Л. И. Футорянский. По интересующей нас проблеме см. его сообщение — В. И. Ленин о казачестве в революции 1905—1907 гг.— В кн.: «Материалы и тезисы докладов XVIII юбилейной научной конференции». Пермский, Оренбургский госпединституты, Оренбург, 1970.

школьному работнику». В предисловии отмечалось, что «работа эта представляет из себя компилятивный труд».

Один из авторов, губернский землеустроитель С. А. Девяткин опубликовал две статьи: «Историческая справка об Оренбургской губернии» и «Землепользование». Сообщив самые общие сведения из истории края, он коснулся некоторых вопросов истории Оренбургского казачьего войска. Определенный интерес представляют данные, содержащиеся в статье «Землепользование», в частности о фактических размерах казачьих наделов на душу населения в некоторых станицах и поселках, относящихся к концу XIX — началу XX вв.

Однако данные, приводимые С. А. Девяткиным, относятся только к тем станицам и поселкам, которые располагались на территории первого военного отдела, т. е. части Оренбургского и Орского уездов. Поэтому сделать какие-либо выводы о фактических размерах казачьего землевладения на всей войсковой территории автор не смог. К тому же использование материалов, содержащихся в статьях С. А. Девяткина, затруднено — они не имеют ссылки на источники.

В 1928 г. вышла книга А. Ф. Рязанова «Оренбургский край. Исторический очерк»¹. Наряду с общими сведениями по истории Оренбургского края, автор дает краткий очерк истории Оренбургского казачьего войска с момента его образования до 1914 года. А. Ф. Рязанов первый в советской литературе обратил внимание на то, что Оренбургское казачье войско возникло иным путем, чем Донское, Астраханское и Яицкое, образовавшиеся из вольных казачьих общин. «Оренбургское же войско,— писал А. Ф. Рязанов,— было сформировано в административном порядке царским правительством». Отмечалось, что оренбургские казаки никогда не знали вечевого устройства «вольных казачьих общин». Но в целом правильные суждения автора об образовании Оренбургского казачьего войска носят декларативный характер и фактическим материалом не подтверждаются. В работе содержатся сведения об административном делении Оренбургского края и Оренбургского казачьего войска.

Заканчивается «Очерк» кратким обзором экономи-

¹ А. Ф. Рязанов. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928.

ческой жизни оренбургского казачества накануне первой мировой войны. Однако автор при этом не сумел преодолеть широко распространенного в дореволюционной литературе мнения о том, что правительственные меры, осуществленные царизмом после 1905 г., «дали толчок к развитию благосостояния казачьих хозяйств». А. Ф. Рязанову не удалось обнаружить далеко зашедший процесс хозяйственной дифференциации казачества, увидеть ни бедные, ни средние слои казачества. Вообще теоретическая основа очерка очень слабая, а фактический материал, содержащийся в нем, не подвергся строгой обработке.

Весьма краткие сведения из прошлого Оренбургского казачьего войска, начиная с момента его образования и до Великой Октябрьской социалистической революции есть в книге Н. Евсеева¹. Но в ней дается слишком упрощенная картина образования оренбургского казачества и его последующего развития до 1917 г. По содержанию эта книга значительно уступает труду А. Ф. Рязанова.

В 50-х годах возникли наиболее благоприятные условия для развития советской исторической науки. В этот период значительно расширилась источниковедческая база. К исследовательскому процессу привлекаются массовые источники, усовершенствуется методика их анализа. Тем самым были созданы возможности для более глубокого проникновения в закономерности исторического развития.

Большой вклад в изучение Оренбургского края внес профессор П. Е. Матвиевский². В 1962 г. вышла его книга «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года». Автор собрал большой и интересный фактический материал, почерпнутый из самых разнообразных источников — центральных и местных архивов, библиотек Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Оренбурга, археографических публикаций и литературы. В книге дан обстоятель-

¹ Н. Евсеев. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Государственное издательство, Средне-Волжское отделение, Самара, 1929.

² П. Е. Матвиевский. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Ученые записки Оренбургского государственного пединститута. Вып. 17, 1962. (В дальнейшем П. Е. Матвиевский. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года.)

ный анализ состояния края на рубеже XVIII—XIX вв.

П. Е. Матвиевский правильно отмечает, что «многонациональный по составу населения и обширнейший по своим пространствам Оренбургский край со времени своего возникновения (1735 г.) и до второй половины XIX в. считался пограничным и находился в состоянии непрерывной колонизации (заселения)». В книге определена география переселения в Оренбургский край из Рязанской, Тамбовской, Вятской, Казанской, Пензенской губерний, подчеркивается прогрессивная роль русских переселенцев для местных жителей края, которые «исподволь и незаметно усваивали передовые формы русского хозяйства и культуры, проникались мало-помалу и освободительными антифеодальными интересами русского народа». Приводится мысль о том, что исторические особенности пограничного края, постоянно нуждавшегося в значительных вооруженных силах, накладывали свой отпечаток на экономику и быт, социальное положение и национальные отношения его жителей.

Обстоятельно проанализировав данные «Генеральной таблицы», составленной по материалам 3-й ревизии 1762 г., автор отмечает, что по сословному делению, национальному составу и податному положению население Оренбургского края было «действительно самое пестрое и делилось на податную и неподатную категории или на плативших и не плативших податный «оклад». В книге содержатся разнообразные цифровые данные не только о податной и неподатной категориях, но и называется та особая категория, которая была представлена нерегулярными войсками края и насчитывавшая 27 865 человек войскового населения.

В своем исследовании П. Е. Матвиевский показывает значение Оренбургской пограничной линии как оплота русского царизма для проникновения России через казахстанские степи в среднеазиатские страны и города. Правильно обращается внимание на то, что устройство пограничного края сопровождалось развитием и ростом феодально-крепостнического и национального гнета, экспроприацией лучших башкирских земель и лесов, ломкой векового уклада народной жизни. Из всех пограничных военных сил края автор на первое место выделяет оренбургских казаков, которые, по его меткому замечанию, «в основном и несли пограничную сторожевую службу на

определенной дистанции Оренбургской линии, по крепостям и форпостам».

Первый в литературе и довольно полно П. Е. Матвеевский показал участие народов многонационального Оренбургского края в военных действиях против наполеоновской армии.

Заслуживает внимания глава «Казачьи и национальные полки края в Отечественной войне и заграничном походе». В ней высказан ряд ценных положений о значении Оренбуржья в освободительной борьбе против Наполеона и особенно нерегулярных войск, при этом правильно говорится, «что их значение определялось не столько численностью, сколько профессиональными навыками и боевыми качествами, которые неослабно воспитывались и укоренялись в казачьем быту». Автор дает высокую оценку оренбургскому и уральскому казачьим войскам, рассматривая их как хорошо обученную и организованную военную силу, которая «умело бившая врага и мужественно стоявшая за Родину, понадобилась в дополнение к вооруженным силам России уже в начальный период наполеоновских захватнических войн».

В книге содержится обильный материал, показывающий масштабы участия оренбургских и уральских казаков в Отечественной войне 1812 г. В частности, отмечается, что только Оренбургское казачье войско выставило из своего состава на внутреннюю и пограничную службу, на борьбу с Наполеоном свыше 5000 вооруженных и обмундированных на свой счет казаков. Сообщаются интересные данные о том, что в разгроме Наполеона участвовало около 40 тыс. казаков и рекрутов из русского и нерусского населения края. Ярко показан героизм, проявленный оренбуржцами на всех этапах Отечественной войны 1812 г.

В исследовании Л. А. Селивановской¹, вышедшем в 1958 г., на основе фактического материала прослеживается процесс классового расслоения оренбургского казачества, происходивший в пореформенной России в условиях развивающегося капитализма. Автор уделяет внимание экономическому положению трудового казачества, в среде которого в начале XX в. наблюдалось оживление демо-

¹ Л. А. Селивановская. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX — начале XX вв. Ученые записки. Серия историко-филологических наук. Вып. 13. Оренбург, 1958.

кратических идеалов. Таким образом, Л. А. Селивановская положила начало изучению социально-экономического положения оренбургского казачества в пореформенный период.

В 1968 г. с сообщением о результатах изучения разложения казачьей общины Оренбургского войска накануне 1917 г. выступила Г. В. Пожидаева¹. Но ее особенно интересовали такие внешние факторы, которые влияли на расслоение казачества, например, часто повторяющиеся засухи и низкие урожаи в засушливые годы. Что касается главного — проникновения в условиях развивающегося аграрного капитализма во все поры жизни казачьей общины товарно-денежных отношений, обусловивших ее разложение изнутри, — то это оказалось вне поля зрения автора. К тому же читатель не обнаружит четкого разграничения понятий «разложение казачьей общины» и «казачьего сословия». Невольно создается впечатление, что это одно и то же, хотя это далеко не так.

Ряд важных положений о казачьих войсках XIX в. можно встретить в монографии Л. Г. Бескровного², где, в частности, приводится структура управления каждым казачьим войском и отмечается, что это управление разделялось на главное и местное. Главное управление осуществляли командиры корпусов (или генерал-губернаторы) через войсковой круг, местное управление включало в себя войсковое и станичное.

Очень важной является мысль автора о том, что с 1862 г. по 1871 г. казачьи войска были радикально перестроены и что итогом преобразований должно было явиться приближение нерегулярных войск к регулярным. Правильно отмечалось, что в последующие годы этот процесс продолжается. Автор освещает ряд вопросов, связанных с подготовкой офицерских кадров для казачьих войск, порядком отбывания воинской повинности казаками и т. д.

Особо привлекает своим содержанием докторская

¹ Г. В. Пожидаева. Разложение казачьей общины накануне 1917 г. (По материалам Южного Урала.) — В кн.: «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири». Доклады и сообщения научной конференции на тему: «В. И. Ленин и социалистическое преобразование сельского хозяйства Урала и Западной Сибири» (23—24 декабря 1968). Курган, 1971.

² Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. «Наука», М., 1973.

диссертация Л. И. Футорянского¹, в которой собран и обобщен огромный фактический материал, взятый из самых разнообразных источников, центральных и местных архивов. При этом многие документы вводятся в научный оборот впервые.

Основной проблемой данного исследования является казачество в период буржуазно-демократической революции в России. Большую ценность представляет глава «Социально-экономическое развитие казачества в конце XIX — начале XX вв.». Автор обстоятельно рассматривает ряд узловых аспектов «казачьей проблемы» на примере всех одиннадцати казачьих войск империи. Совершенно правильно отмечается, что изучение социально-экономического развития казачества важно для выявления общих закономерностей и специфических черт аграрных отношений на юго-восточных окраинах России, для познания политических явлений, происходивших в среде казачьего и крестьянского населения.

Л. И. Футорянский впервые обнаружил и ввел в научный оборот подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по нескольким станицам Оренбургского казачьего войска. На их основе устанавливается система земледелия, структура распределения наделной земли, совокупность фактов о земельной аренде и т. д.

Следует отметить, что в имеющейся литературе нет четкого суждения о том, что представляли из себя казачья община и казачье сословие в эпоху империализма, каковы были их правовая основа и правовое положение, правовая регламентация.

Решение социально-экономических вопросов невозможно без дальнейших серьезных исследований самого разнообразного характера — нового теоретического осмысления уже накопленного фактического материала и конкретно-исторических изысканий в масштабе всех казачьих войск и локальных работ в рамках казачьих областей, отдельных аспектов общей «казачьей проблемы» и т. д.

Данная работа представляет собой первую попытку

¹ Л. И. Футорянский. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России. Докторская диссертация. М., 1973.

исследования по истории Оренбургского казачьего войска с момента его образования и до начала первой мировой войны. Современное состояние разработки проблемы (недостаточная изученность истории образования и укрепления Оренбургского казачьего войска) требует вовлечения в научный оборот большого фактического материала, особенно законодательно-правового, показывающего конкретный ход образования и преобразования Оренбургского казачьего войска.

Для изучения Оренбургского края и Оренбургского казачьего войска представляют интерес материалы, собранные в первой половине XIX в. путешественниками, естествоиспытателями, топографами и учеными других специальностей.

Наряду с частными экспедициями в этот период стали часто повторяться военные рекогносцировки. Производившиеся топографические съемки дали ценные сведения о Южном Урале и Зауральских степях. Многие путешественники опубликовывали собранные материалы.

Своеобразным итогом длительных топографических съемок территории Южного Урала и прилегающих к нему западных и северных районов Казахстана явилось «Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии», составленное по рекогносцировкам и материалам, которые были собраны офицерами Генерального штаба в Оренбургском крае. Наряду с общими сведениями о губернии (население, пути сообщения, промышленность, земледелие) в «Обозрении» даются и специальные сведения: о расположении войск Оренбургской военнопграничной линии, о гарнизонах и военных учреждениях, приводятся данные о состоянии и положении Оренбургского и Уральского казачьих войск и Башкиро-Мещеряцкого войска.

В 30-х — 40-х годах XIX в. на страницах центральных журналов и газет стали появляться отдельные сведения, касавшиеся экономики Оренбургского края, а в 60-х—70-х годах впервые увидели свет статистические сборники, содержащие цифровые данные по экономике, географии, численности и этнографическому составу населения края, в том числе и об Оренбургском казачьем войске. Но материалы этих сборников являлись не только краткими и неполными, но и противоречивыми. Это касалось прежде всего «Списков населенных мест», в которых селения,

имевшие двойное название, показывались двумя отдельными поселками. В то же время 142 населенных пункта Оренбургской губернии не были включены в «Списки».

Издававшиеся в 80-х — 90-х годах XIX в. и в начале XX в. «Списки» носили более качественный характер, но по содержанию по-прежнему оставались неполными и скудными, в них продолжал отсутствовать материал о торговле, промышленности, сельском хозяйстве и социальном составе населения края.

Ценные экономические материалы содержали во многих случаях сборники «Статистический обзор современного положения казачьих войск» и «Статистика землевладения 1905 г.»

Наибольшее значение, имея в виду круг исследованных вопросов, широту и полноту охвата объекта изучения имели «Всеподданнейшие отчеты Главного управления казачьих войск» за период с 1850 г. по 1917 год, а также отчеты Военного Министерства за 1861—1912 годы. К этой группе источников следует отнести годовые отчеты войсковых и наказных атаманов Оренбургского казачьего войска, которые первоначально отправлялись губернаторам и генерал-губернаторам Оренбургского края, а впоследствии — в Главное управление казачьих войск. Большой частью упомянутые материалы публиковались в издании Оренбургского статистического комитета «Историко-статистический очерк Оренбургской губернии 1868 года». С этого же времени, особенно с 80-х годов XIX в., отчеты войсковых и наказных атаманов Оренбургского казачьего войска стали публиковаться периодически.

С 1906 и до 1915 года отчеты об Оренбургском казачьем войске подразделялись на две части: «Отчеты о состоянии Оренбургского казачьего войска. Часть гражданская» и «Отчеты о состоянии Оренбургского казачьего войска. Часть военная». С введением в 1902 г. должности войскового агронома Оренбургского казачьего войска начинают ежегодно печататься «Отчеты о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1902—1915 гг.».

Немало ценных сведений об экономическом состоянии, хозяйственном и военном устройстве Оренбургского казачьего войска содержал «Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск

генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско».

Но весь этот обширный документальный материал, особенно статистический, имел большие недостатки. Состояние «казачьей статистики» было таково, что в ней не содержалось и малейшего намека на классовое расслоение казачества. Официальные издания носили отпечаток монархической историографии. Особенно в сугубо официально-монархическом плане составлялись и выпускались годовые отчеты наказных атаманов и ежегодные всеподданнейшие отчеты главного управления казачьих войск.

Наиболее ценную группу источников по истории Оренбургского края и Оренбургского казачьего войска за период с 30-х годов XVIII в. представляют законодательные акты центральных органов власти и управления, которые при издании объединялись в сборники: «Полное собрание законов Российской империи», «Собрания узаконений и распоряжений», издававшиеся правительствующим Сенатом с 1863 по 1917 г., тематические «Своды законов Российской империи» (по 15—16 томов в каждом), ведомственные своды. Это, например, «Свод военных постановлений», «Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам», «Военный сборник 1877—1878 годов», «Действующие в иррегулярных войсках постановления», «Сборник военных и гражданских узаконений и положений, касающихся казаков Оренбургского казачьего войска». Исключительно важное значение перечисленных сборников, особенно Полного собрания законов Российской империи, состоит не только в том, что они содержат все указы императоров, относящиеся к вопросам формирования Оренбургского казачьего войска, но и в том, и это следует специально подчеркнуть, что в них опубликованы доклады начальников «Оренбургской экспедиции», а позже — губернаторов Оренбургской губернии. Причем доклады эти подробные.

Большой правовой материал, охватывающий период образования Оренбургского казачьего войска (от 40-х годов XVIII в. до конца XIX в.), содержат «Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска». Сборник является ценным прежде всего в том отношении, что в нем публикуются разнообразные по содержанию законодательные акты центральных и местных органов, например, указы «Военно-походной кан-

целярии И. И. Неплюева», многочисленные предписания, инструкции, приказы, циркуляры военных губернаторов, генерал-губернаторов, наказных атаманов, войскового штаба, доклады, сообщения и записки офицеров и чиновников Оренбургского казачьего войска.

Обширные законодательные акты были опубликованы в сборниках документов, составленных А. И. Добросмысловым¹ и Ф. В. Петровым². Все эти многочисленные и объемные труды имеют самый полный и богатый правовой материал, касающийся военно-организационного устройства Оренбургского казачьего войска, его преобразования, укрепления и превращения войска в особое сословное и военно-феодальное учреждение.

При изучении группы вопросов относительно внутреннего устройства и управления поселками, станицами и военными отделами Оренбургского казачьего войска немаловажное значение принадлежит многочисленным инструкциям, правилам, положениям и другим правовым материалам, разработанным и составленным на основе общеимперских законодательных актов войсковой администрации. Так, на основе «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск 1891 г.» войсковое хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска разработало и издало в 1898 г. «Инструкцию станичным и поселковым обществам и должностным лицам общественного управления», а также выработало в течение 10 лет, начиная с 1892 г. по 1902 г., целый ряд правил, положений, частных инструкций (всего около 18) по разным вопросам общественного управления и издало их в виде «Приложения» к названной выше инструкции станичным и поселковым обществам. «Инструкции» и «Приложения» составляют в общей сложности 1400 страниц большого формата и убористого шрифта (в том числе собственно «Инструкции» — 330 страниц). Данная объемная книга, составленная весьма обстоятельно, может слу-

¹ А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. I—II. Оренбург, 1900.

² Ф. В. Петров. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа 1911 г. узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживающих в казачьих поселениях лиц невойскового сословия, с разъяснениями текста закона Правительствующим Сенатом и Военным Советом. Изд. II, исправленное и дополненное. С.-Петербург, 1911.

жить отличным справочным материалом, который в процессе исследования многих конкретных вопросов незаменим. Этот огромный правовой материал, рассредоточенный в многочисленных сборниках, не подвергался до сих пор специальному исследованию и еще не введен в научный оборот.

Широкое использование законодательных актов: именных императорских указов, инструкций, резолюций, решений, положений, правил, инструкций центральных и местных военных и хозяйственных властей Оренбургского казачьего войска придало нашей работе историко-правовой характер. Кроме того, в ней нашли отражение архивные материалы центральных и местных архивов.

Автор настоящей работы не ставил перед собой задачу осветить на конкретном примере формирования и укрепления Оренбургского казачьего войска все аспекты «казачьей проблемы». Он попытался дать сквозное и более систематическое описание истории Оренбургского казачьего войска с момента его образования, т. е. с 30-х годов XVIII в. до первой мировой войны. В целях более обстоятельного анализа некоторых аспектов проблемы круг их был преднамеренно ограничен.

РАЗДЕЛ I

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ПЕРИОД СВОЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (с 30-х годов XVIII в. до начала XIX в.)

ГЛАВА I

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО НАЧАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

§ 1. Первые шаги русской колонизации Южного Урала

Естественные богатства, плодороднейшие земли и пастбища превратили Южный Урал в исторические ворота народов Европы и Азии, через которые волны азиатских кочевников прокатились из Азии в Европу, а позже — потоки переселенцев из Европы в Азию.

На обширном пространстве Южного Урала издавна сходились, враждовали, мирились и перемешивались различные кочующие племена, уступая постепенно господство над краем русским людям. Не случайно этот район, где проходили и пересекались дороги многих кочующих племен, явился местом более ожесточенной борьбы между ними, чем на флангах — в районе реки Миасс и в районе Яицкого городка.

История отвела Южному Уралу роль посредника в меновой торговле между Европой и Азией. Петр I рассматривал его как широкие ворота в Азию.

Начиная с XVI в. постепенно усиливается поток переселенцев из Европы в Азию. Доступ на Южный Урал для русских был открыт после покорения Казанского и Астраханского ханств; с тех пор здесь начинают возникать русские поселения. Заселение края происходило двумя путями: вольная крестьянская колонизация и правительственная военная колонизация. Оба пути колонизации обусловили и два способа образования тут казачества — Яицкого и Исетского, с одной стороны, и Оренбургского — с другой.

К первым русским колонистам на Южном Урале относятся вольные волжские казаки, которые в официальных документах назывались «воровскими». Их опорными пунктами являлось самое узкое место между реками Волгой и Доном — Переволока и Самарская лука (Жигулевские горы) на реке Волге. Теснимые царскими войсками эти казаки, частью покоряясь, остались на месте, остальные или самостоятельно или, переходя на службу к русским купцам, продвигались дальше на восток: в Сибирь и на реку Яик, где и оседали. В зависимости от места поселения они получали свое название: волжские, самарские, уфимские, исетские, яицкие, сибирские и т. д. Так, одна часть волжских казаков, потерпев поражение от царских войск в конце 70-х годов XVI в., ушла на реку Яик и, поднявшись на 60 верст вверх по реке, обосновала свое поселение — Казачий яицкий городок. Он сразу же стал центром Яицкой вольницы, местом сосредоточения раскольников и старообрядцев, беглых крестьян и холопов. Ряды яицкого казачества быстро росли, расширялась и территория, которую оно занимало.

Первоначально по отношению к яицким казакам московские цари в большинстве своем проводили двойственную политику: с одной стороны, против них направлялись правительственные войска, с другой — предпринимались попытки привлечь их на государеву сторону и использовать против степных кочевников. Чтобы достигнуть этой цели, царское правительство особой грамотой признало за яицкими казаками право на «владение рекою Яиком с сущими при ней реками и притоки и со всеми угодьями от вершин той реки и до устья». Таким образом казакам отводилась для заселения вся территория по реке Яику.

Но яицкие казаки так и не смогли полностью воспользоваться царской милостью. Дальше Илецкого городка вверх по реке Яику они не поднимались и никаких укреплений не имели. Объясняется это тем, что сил у казаков для того, чтобы сдерживать натиск степных кочевников по фронту более чем в 700 верст, по свидетельству П. И. Рычкова, было недостаточно. К тому же их попытки продвинуться вверх по реке Яику встречали мощное сопротивление башкирских кочевников. Наконец, пространство от Илецкой защиты до реки Миасс и от реки Яик до реки Тобол продолжительное время являлось «яблоком раздора» между башкирскими, казахскими и

кара-калпакскими кочевыми народами. Именно в том месте, особенно в летнее время, были сконцентрированы большие отряды кочевников. Таким образом на пути вверх по реке Яику перед яицкими казаками встала мощная преграда, которую вплоть до первой четверти XVIII в. они не могли самостоятельно преодолеть. В 1720 г. на северных границах Яицкого казачьего войска сходцами из Сибири был построен Сакмарский городок. К сходцам, как утверждает П. И. Рычков, примкнуло несколько яицких казаков.

Другая часть вольных волжских казаков под предводительством Ермака направилась через Урал в Западную Сибирь. Здесь в 1582 г. они захватили столицу Кучумова ханства. На помощь казакам правительство направляло вооруженные отряды во главе с Семеном Болховским, Иваном Глуховым, Иваном Мансуровым и др. Однако окончательное и планомерное продвижение в Западную Сибирь началось в 1586 г. С этого же времени путем постройки сети укреплений с постепенным увеличением численности русских войск начинается закрепление новых территорий.

Когда в 1586 г. была построена Тюмень, а в 1587 г. — Тобольск, русские начинают заселять не только Сибирь, но и Зауралье. В Зауралье так же как и в Сибири появляются крепости, первоначальный гарнизон которых составляли участники первых походов и служилые люди, переведенные сюда на жительство из русских городов. В дальнейшем для пополнения гарнизонов туда, наряду со служилыми людьми, направлялись и ссыльные. Из числа их, в основном, формировались низшие разряды служилых людей — казаки. В XVII в. они составили главную силу гарнизонов. В своих записках о казаках Западной Сибири Завалишин пишет: «Остававшие казаки в городах: Березовске, Сургуте, Пельми, Таре, Туринске и Тобольске суть потомки и сподвижники Ермака Тимофеевича». Казаки эти получили название от местностей, где они обосновались, например, в Березовске стали называться березовские, в Сургуте — сургутовскими, на реке Исети — исетскими и т. д.¹ Первоначально исетские казаки жили при устье реки Исеть в реку Тобол, а в середине

¹ З а в а л и ш и н. Описание Западной Сибири, с. 277. Дополнение к историческим актам. Т. 2, с. 201.

XVII в. стали постепенно расселяться в верховьях Исети и ее притоках. Таким образом, двигаясь с востока на запад и юго-запад, они положили начало заселения Зауралья и северо-восточных районов Южного Урала. Первым основателем острогов на Исети был конный казак Тобольского разряда Давыд Андреев, который в 1649 г. по приказу из Тобольска основал Красный бор. В 1650 г. Андреев положил начало Усть-Миасскому и Исетскому острогам. Все эти остроги явились первыми опорными пунктами исетских казаков против башкир и других степных кочевников. Тобольские воеводы, опасаясь совместного выступления башкир, казаков и др. кочевников, предписывали исетским казакам усилить вместе с пашенными крестьянами строительство крепостей по рекам Исеть, Миасс и их притокам. Земля, расположенная вокруг острогов, отдавалась казакам, при этом им представлялось право набирать с новых острогов пашенных крестьян и людей гулящих, а также вольных казаков с Волги, Дона и Днепра, и разного рода пришельцев. Во второй половине XVII в. по берегам рек Исеть, Миасс и их притокам появляется сплошная цепь крепостей. Так, в 1659 г. был основан Катайский острог, в 1660 г. — Мехонский, в 1668 г. — Терсютский и Шадринский, в 1669 г. — Бишкильский, в 1671 г. — Красногорский, в 1676 г. — Ингалинский, в 1677 г. — Арамильский и Средне-Миасский (позже Окуневская слобода), в 1682 г. — Белоярский, в 1685 г. — Верхне-Миасская (затем Миасская станица), в 1687 г. — Бродокалмакский, в 1688 г. — Багарякский и Новопесчанский. Всего в течение 30 лет на реках Исеть, Теча и Миасс возникло 14 острогов¹. Все они составили сплошные линии укреплений, растянувшиеся с востока на запад. Между острожками всех линий были устроены форпосты, сторожки и маяки. По мере превращения острогов во «внутренние поселения» и роста здесь жителей они приобретали название «слобод»².

¹ Н. В. Устюгов приводит далеко не полные данные о числе острогов и слобод, построенных в Зауралье. Он пишет, что «за 30 лет (1659—1689) по рекам Исети, Тече и Миассу здесь было основано десять новых слобод и острогов...» См. очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. Изд. АН СССР, М., 1955, с. 802.

² Ф. М. Стариков. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890, с. 11 (в дальнейшем Ф. М. Стариков. Краткий исторический очерк ОКВ).

Новые остроги по реке Исеть и вдоль ее притоков исетские казаки строили и по своей инициативе, и по указам тобольских воевод, которым они подчинялись. Вообще до 1736 г. исетские казаки не имели какого-то отдельного казачьего органа управления и ни в административном, ни в территориальном отношении особого казачьего учреждения не составляли. Исетские казаки жили отдельными казачьими общинами, управляемыми по обычаям своих предков. По традиции во главе общин стоял атаман. Высшим органом общины являлся общинный казачий круг, который мог быть собран по инициативе атамана с согласия всех членов общины. Каких-либо казачьих органов, вышестоящих над общиной, кроме тобольского воеводы, не было. Общинный казачий круг решал все вопросы, начиная от мелких, бытового характера и кончая военными. Любопытный пример о том, как казачий круг рассматривал вопросы переселения на другое место, приводит С. М. Соловьев. Атаман, сняв шапку, информировал собравшихся о положении дела, а затем спрашивал собравшихся: «Гоже ли нам, казакам, оставаться на этом месте или не гоже?» Казаки отвечали: «Не гоже нам здесь жить, идем на рубеж к башкирцам»¹. После они отправлялись на новое место. Продвигаясь вверх по реке Исеть и ее притоку Миассу, исетские казаки с востока вклинивались между башкирскими и казахскими кочевниками, разъединяя их друг от друга непрерывным путем сооружения постов и укреплений.

Таким образом исетские казаки, появившись на Урале по собственному желанию, создали здесь при содействии сибирских воевод целый ряд низовых казачьих общин. Эти общины если и не представляли единого целого и не имели войсковой организации, то были связаны между собой общими интересами борьбы с внешней опасностью, в ходе которой были подготовлены условия для создания войска.

С организационной точки зрения исетское казачество оформилось в 1736 г. Согласно указу императрицы Анны Ивановны, из исетских казачьих общин возникло Исетское казачье войско, получившее временный штат и особую администрацию.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. XI, с. 401.

Из сказанного видно, что на противоположных полюсах Южного Урала возникли вольные казачества: на северо-востоке появилось Исетское, на юге — Яицкое. Они быстро росли. Сюда шли все те, кто находился под гнетом нищеты и бесправия в центральных районах, кого душило рабство и крепостничество. И те и другие казаки принимали в свою общину всех. Важно, чтобы вступающий был храбрым, ловким и деятельным, а главное христианского вероисповедания. Среди таких людей было немало крестьян, холопов, посадских, принадлежавших к различным национальностям. Столь этническая, социальная и сословная пестрота под влиянием своеобразной боевой обстановки и казачьих общин быстро стиралась, и из этого конгломерата выковывался самобытный и своеобразный тип казака, обладавшего сильным и смелым характером. Со временем эти разнородные элементы послужили основой возникновения казачьего сословия.

Таким образом можно сделать вывод, что в результате крестьянской и казачьей колонизации на противоположных окраинах Южного Урала образовались исетские и яицкие казачьи общины, которые стали первоначальной базой образования казачьих войск. Именно из вольных казачьих общин возникли исетские и яицкие казачьи войска. Весь их дух был проникнут вечевым устройством «вольных казачьих общин», и весь общественный строй «вольного казачества» базировался на принципах широкого «казачьего» демократизма.

По-иному возникает Оренбургское казачье войско. Создание его явилось прямым следствием военной колонизации, предпринятой правительством. Цель ее заключалась в том, чтобы закрепить за Московским государством Поволжье, Приуралье и Урал; создать здесь цепь военных крепостей и, следовательно, покончить с разорительными набегами, которые совершали на русские земли степные кочевники¹. В 30-х годах XVIII в. начинается сооружение Оренбургской линии крепостей.

¹ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. 1. Составил А. И. Добросмыслов. Оренбург, 1900, с. 100 (в дальнейшем — Материалы по истории России. Составил А. И. Добросмыслов).

§ 2. Внешнеполитическая обстановка на юго-восточных границах Русской империи до начала деятельности Оренбургской экспедиции

В 30—40 годах XVIII в. для закрепления границ русского государства в Заволжье и на Южном Урале, а также для расширения территории на юго-востоке, было создано Оренбургское казачье войско. Этот акт явился результатом определенной внутренней и внешней политики класса феодалов, господствующего в стране.

Марксизм-ленинизм учит, что всякая политика носит классовый характер, т. е. выражает и защищает коренные интересы определенного общественного класса. Область внутренней политики составляют отношения между классами и нациями той или иной страны. Что касается отношений между государствами, классами и нациями различных стран, то они составляют область внешней политики и характеризуют деятельность господствующего класса данного государства на международной арене. Внешняя политика русского государства определялась его классовым содержанием, природой его общественного строя.

В XVIII в., как и в предшествующий период, внешняя политика России была неразрывно связана с ее внутренней политикой, а та и другая — экономическими интересами господствующих классов. В. И. Ленин указывал, что самые глубокие корни и внутренней и внешней политики государства определяются экономическими интересами, экономическим положением этих классов¹.

Со времен Ивана III Русское феодальное государство в области внешней политики, наряду с такими историческими задачами как воссоединение украинских и белорусских земель и возвращение берегов Балтики, решало и другую — довести до конца борьбу с татарами и установить на юге и юго-востоке прочные и безопасные границы. Отношения с татарами имели для русского государства большое значение, т. к. соседние страны, особенно Турция, Польша и Швеция, занимали по отношению к нему резко враждебную политику. На протяжении ряда столетий эти три страны, в зависимости от конкретной исторической обстановки, проявляли агрессивные и враждебные

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 327.

выпады против России, а иногда и объединялись против нее.

Однако, несмотря на это, Русское государство систематически раздвигало свои границы на юго-востоке. Во второй половине XVI в. оно ведет успешную борьбу с усилившейся крымско-татарской агрессией. В результате ликвидации Казанского и Астраханского ханств к России было присоединено Поволжье и открыт широкий простор для освоения новых земель в восточном направлении. После покорения Сибирского ханства русские стремительно начали продвигаться в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Уже к середине XVII в. они вышли к Тихому океану.

Для закрепления власти на вновь присоединенных областях правительство строило города-крепости, посылало туда отряды служилых людей во главе с воеводами. Отряды несли гарнизонную и сторожевую службу. В 1584 г. были построены города-крепости Бирск и Мензелинск, в 1586 — г. Уфа и Самара. Особенно большое значение приобрела Уфа. Построенная в центре Башкирии, она являлась первым опорным пунктом русского царизма на Южном Урале.

В 50-х годах XVII в. возник ряд новых крепостей по реке Черемшане: Тинская, Билярская, Шешминская и др. Они составили так называемую первую Закамскую линию укреплений, протянувшуюся от Белого Яра на луговой стороне Волги до Мензелинска и Бирска.

Во второй четверти XVIII в. внешняя политика России на юго-востоке явилась продолжением курса, наметившегося в предшествующее время. Свое конкретное проявление эта политика нашла в деятельности Оренбургской экспедиции, руководимой Кириловым.

Непосредственным поводом к снаряжению экспедиции послужили крупные политические события, происходившие в Казахстане в 30-х годах XVIII в., когда началось присоединение этого края к России.

Вхождение казахского народа в состав Русского государства было подготовлено всем ходом исторического развития. Феодалная верхушка Бухары и Хивы продолжала вытеснять казахов с Сыр-Дарьи. Но самым опасным соседом Казахстана на его восточных границах в XVII в. становится Джунгария — сильное феодалное государство, образовавшееся в начале XVII в. из ряда ойротских

племен. Огромное бедствие казахам принесли вторжения джунгарских войск в конце XVII — первой четверти XVIII вв.; районы Сыр-Дарьи и Семиречья были разграблены, коренное население лишилось богатейших пастбищ. К началу XVIII в. джунгарская агрессия распространяется на северо-восточные районы Казахстана. Остановить экспансию джунгарских феодалов в начале XVIII в. оказалось невозможным. Этому во многом способствовали феодальные междоусобицы в казахских ханствах.

В этих чрезвычайно трудных условиях казахский народ, продолжая упорную и справедливую борьбу с Джунгарией, находит поддержку и военную помощь со стороны России.

В 1716 г. посольство хана Тауке в Тобольске поставило вопрос о принятии казахами русского подданства. Переговоры о присоединении Казахстана к России возобновились в 1726 г., когда хан Младшего жуза Абулхаир направил посольство в Санкт-Петербург. Переговоры были закончены тем, что в феврале 1731 г. Анна Ивановна подписала жалованную грамоту о принятии в подданство Младшего жуза¹. В конце 1731 г. добровольное подданство России принял и Средний жуз.

Царское правительство не преминуло незамедлительно воспользоваться этими событиями и активизировало свою внешнюю политику в отношении Казахстана. Был разработан обширный план проникновения и закрепления русского влияния в этом крае. Статский советник И. И. Кирилов под предлогом оказания помощи киргизам предложил построить крепость при впадении реки Ори в реку Урал. С одной стороны, это должно было способствовать укреплению русского влияния среди башкир и киргизов, с другой — завязать таким образом торговые отношения со среднеазиатскими государствами².

ГЛАВА II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕПОСТЕЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Для осуществления экспансионистских планов на юго-восточных границах империи правительство снарядило специальную экспедицию во главе с крупным царским

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6567, 9 апреля 1734.

² ПСЗ. Т. IX, № 6571, 1 мая 1734.

чиновником обер-секретарем И. И. Кириловым. Наделенная широкими правами политического и военного характера она направилась на Южный Урал.

Ближайшая цель Кирилова заключалась в том, чтобы построить на реке Орь крепость и, превратив ее в опорный пункт, приступить к сооружению целой системы крепостей по реке Яик и ее многочисленным притокам вблизи северо-западных границ Казахстана.

Первоначально правительство намеревалось возвести крепости в промежутке, разделявшем исетских и яицких казаков, и тем самым, соединив их рядом укреплений, закрыть огромную брешь, простиравшуюся от Сакмарского городка на юге до Бродокалмакской и Багарякской слобод на севере. В этом промежутке площадью более 700 км, который разделял исетских и яицких казаков, никаких русских поселений до 30-х годов XVIII в. не было. Во всяком случае в литературных источниках сведения о них отсутствуют.

Первым правительственным поселением на реке Яике между исетскими и яицкими казаками явилась Верхне-Яицкая пристань (крепость), построенная Кириловым в 1734 г. при впадении реки Урляды в реку Яик. Кирилов стремился превратить эту пристань в продовольственную и военную базу. Уже зимой 1735 г. сюда из Екатеринбурга начали поступать артиллерийские припасы, а из Исетских слобод — продовольствие. Эта акция была немногой из тех, которые Кирилов успел осуществить до начала восстания в Башкирии, вызванного его выступлением из Уфы весной 1735 г. в поход, к устью Ори. В создавшейся ситуации Кирилову из обширных замыслов царизма удалось сделать самое минимальное: заложить, да и то в спешном порядке, при устье реки Орь крепость Оренбург. Восстание, начавшееся в Башкирии в 1735 г., продолжалось до 1741 г. Это заставило правительство внести серьезные изменения в его первоначальные планы.

В условиях восстания правительство вынуждено было обратить внимание на закамскую или старокамскую линию крепостей. Оно стремилось превратить закамскую линию в опорный пункт для расправы с повстанцами. Но эта линия, как система крепостей, оказалась слабой. Поэтому ее пришлось срочно укреплять. В именном указе генерал-лейтенанту Румянцеву и статскому советнику Кирилову от 11 февраля 1736 г. предписывалось: «По

Белой и Каме рекам и в других местах, где способность усмотрится, для опасности от нападения, сколько возможно для защиты укрепить палисадником, или по месту смотря, окопать рвами, самими жителями»¹.

Напуганное размахом восстания, правительство предписало И. И. Кирилову временно отложить поход к реке Орь, до расправы с восставшими. Но это предписание запоздало; Кирилов заложил крепость Оренбург и вынужден был с вверенными ему регулярными и нерегулярными командами выступить против восставших, которые при появлении правительственных войск легко уходили от преследования, укрываясь в горах и лесах. К тому же войска Кирилова, не имея опорных баз кроме Уфы, вынуждены были, чтобы пополнить боеприпасы и продовольствие, преодолевать большие расстояния. В августе 1735 г. Кирилов доносил в Сенат: «...Никак невозможно одною Уфою, сколько бы она многолюдна ни была, такую великую обширность обнять, что по меньшей мере до Мензелинска 300, до Сакмарска 300, до Оренбурга 400, а к Верхотурью и Екатеринбург 500, до Сибирских слобод — 700 верст»².

После поездки Кирилова в столицу, куда его вызвали для обсуждения сложившейся ситуации, был окончательно утвержден план строительства крепостей. В частности, вместо Яицкой (Оренбургской) крепостной линии предусматривалось построить Самарскую или вторую Закамскую укрепленную линию. Правительство предписывало Румянцеву «для прикрытия от башкирцев российских жилищ за рекою Камою сделать линию»³. В январе 1736 г. Сенат дал ему указание возвести крепость в Мензелинске. В том же году началось сооружение крепостей по берегам рек Самара, Сакмара, Бузулук, Кинель и др.

На строительство крепостей по реке Сакмаре был направлен отряд во главе с поручиком флота Бахметевым. В специальной инструкции, данной отряду, Кирилов предписывал «...сколь возможность допустить, по той реке построить городки, чтобы один от другого был в расстоянии от двадцати до тридцати и до сорока верст, и в тех

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6890, 1736.

² Материалы по истории России. Т. 2. Составил И. И. Добросмыслов. Оренбург, 1900, с. 83.

³ Там же, с. 206.

городках оставил бы отправленных с ним... военных людей»¹.

По свидетельству П. И. Рычкова, закамская линия включала Кинельский, Красный, Черный, Тарханский редуты, Красноярскую и Черемшанскую крепости, Шешминский и Кичуйский фельдшанцы².

В 1736 г. по берегам реки Самары и ее притоков появились Красносамарская, Бордская, Бузулукская, Тоцкая и Сорочинская крепости, в 1738 г. — Новосергиевская, в 1741 г. — Ольшанская или Ельшанская.

Окончание строительства крепостей вдоль реки Самары и ее притоков позволило соединить Самарскую крепостную линию с Закамской линией. В результате с юго-запада и северо-запада башкирские земли оказались окруженными сплошной системой крепостей. Другим своим концом Самарская линия упиралась в реку Яик и соединялась таким образом с Оренбургом. По мысли Кирилова новая линия крепостей должна была ускорить разгром восстания и создать плацдарм для строительства крепостей по реке Яик. Для обеспечения продовольствием и боеприпасами Оренбурга и Оренбургской линии крепостей вдоль Самарской укрепленной линии был проложен тракт.

Одновременно с Самарской линией ведется строительство крепостей в центре восстания башкир.

В 1735 г., следуя из Уфы в Оренбург, Кирилов заложил в Табынске земляной город. В том же году были заложены Ельдятская и Красноуфимская крепости. В 1736 г. на большой Московской дороге возникла Нагайбакская крепость. Все эти крепости мощным заслоном вставали на пути восставших башкир и, расчленяя их на две части, уменьшали тем самым силу их сопротивления.

Чтобы усилить натиск против восставших, правительство ускорило сооружение крепостей со стороны Сибири. В 1736 г. на берегу Углы-Карагайского озера была заложена крепость Углы-Карагайская, при озере Чебаркуль — Чебаркульская, при озере Еткуль — Еткульская. В том же году на реке Миассе появились Челябинская и Миасская крепости.

Таким образом, башкирское восстание внесло серьез-

¹ П. И. Рычков. История Оренбургская. 1759, с. 214.

² П. И. Рычков. Топография Оренбургская, с. 313—314.

ные изменения в первоначальные планы строительства крепостей только на берегах реки Яик и ее притоках. Пришлось широким фронтом сооружать укрепления на Белой, Каме, Самаре, Сакмаре, Бузулуке, Кинели, Миассе и берегах других рек. Лишь в августе 1736 г. Кирилов донес императрице Анне Ивановне о строительстве крепостей и на реке Яике. Первыми из них явились Озерная, Ильинская, Губерлинская, которые вместе с Верхнеяицкой пристанью и Углы-Карагайской крепостью положили начало созданию Верхнеяицкой укрепленной линии. Но крепости строились медленно. В связи с этим правительство потребовало от начальников Оренбургской экспедиции Татищева, сменившего в 1737 г. Кирилова, а затем и от князя Урусова ускорить темпы работ. Именным указом от 20 августа 1739 г. наряду с переносом города Оренбурга на новое место — на Красную горку — предписывалось «от того места вниз по Яику до пристани и от пристани по Самаре-реке до Красносамарска и от оной же Красной горы вверх по Яику до Верхнеяицкой крепости построить крепостицы...»¹. Указ предусматривал также строительство Уйско-Тобольской линии: «...От Верхнеяицкой крепости, вниз по реке Ую и по реке Тоболу до Царева городища, так же строить крепостицы...».

В 1739 г. Татищев начинает, как этого требовал правительственный указ, строительство Сакмарской линии. Первоначально вдоль реки Сакмары предполагалось соорудить девять крепостей. Но вступивший в должность начальника Оренбургской комиссии действительный тайный советник Неплюев отверг эту идею. Вместо девяти крепостей было построено две. Первая, Пречистинская, располагалась в 30 верстах от Сакмарского казачьего городка, вторая, Воздвиженская, построенная в 1742 году, находилась в 42 верстах от нее. Помимо этих крепостей Сакмарская линия имела два редута: Никитинский и Желтый.

В 1737 г. началось строительство Нижнеяицкой линии. Тогда были заложены Чернореченская, Бердская, Камыш-Самарская (переименованная затем в Татищевскую) крепости. В следующем году возникли Рассыпная и Нижнеозерная крепости. Кроме того, на линии имелось 19 казачьих форпостов.

¹ ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа 1739.

Таким образом, во второй половине 30-х годов XVIII в. сооружение Самарской линии было в основном полностью закончено и тем самым положено начало строительству Нижнеяицкой, Верхнеяицкой, Сакмарской и Исетской линий крепостей. В течение 30—40-х годов все строительные работы были завершены. Кроме того, появилась и Уйско-Тобольская линия крепостей. В это же время четко определились и границы крепостных линий. К началу 50-х годов XVIII в. на Южном Урале была создана целая система таких линий. В состав ее входили:

I. Самарская линия (Красносамарская, Бордская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская, Новосергиевская, Ельшанская крепости). Протяженность линии — от крепости Самара до Оренбурга.

II. Сакмарская линия (от Оренбурга по реке Сакмаре вверх на 136 верст). Линию образовали Сакмарский казачий городок, построенный в 1725 г., Пречистинская и Воздвиженская крепости, Никитский и Желтый редуты.

III. Нижнеяицкая линия (от Оренбурга вниз по реке Яику до Илецкого городка на 125 верст) — Чернореченская, Бердская, Татищева, Рассыпная и Нижнеозерная крепости, 19 казачьих форпостов.

IV. Верхнеяицкая линия (от Оренбурга вверх по реке Яику до Верхнеяицкой крепости протяженностью в 560 верст) — Орская, Карагайская, Губерлинская, Ильинская, Озерная, Каменноозерная, Красногорская, Таналыкская, Уртазымская, Магнитная, Кизильская крепости, три форпоста: Нежинский, Вязовый и Островной, а также 13 редутов: Гирьяльский, Никольский, Подгорный, Разбойный, Калпацкий, Тереклинский, Орловский, Березовский, Грязнушинский, Сыртенский, Янгельский, Верхне-Кизильский и Спасский, построенные в 1740—1743 годах.

V. Исетская линия, идущая с востока на запад от старых Усть-Миасского и Исетского острожков через вновь построенные Миасскую, Челябинскую, Еткульскую крепости до Чебаркульской.

VI. Уйско-Тобольская линия, проходившая по центру Южного Урала с запада на восток от Верхнеуральской крепости через Карагайскую, Уйскую, Петропавловскую, Степную, Коельскую, Санарскую, Кичигинскую крепости на Троицкую, Усть-Уйскую до Звериноголовской. Звериноголовская крепость являлась самой крайней на востоке от Оренбурга крепостью, которая до 1753 г. входила в со-

став Сибирской губернии. Между крепостями на линии имелись Луговой, Кочердыкский и Озерный редуты¹.

Так выглядели главные укрепленные крепостные линии, построенные на Южном Урале в 30—40-х годах XVIII в.

Следует отметить, что строительство линий отвечало как внутренним, так и внешнеполитическим интересам господствующего класса. Сооружение большинства крепостей было вызвано его стремлением быстрее покончить с башкирским восстанием. По мере окончания строительства крепости превращались в опорные пункты борьбы с восставшими, в базы снабжения правительственных войск боеприпасами и продовольствием. Но этим их значение не исчерпывалось. С одной стороны, крепости должны были способствовать утверждению русской власти над башкирами и киргизами, с другой — проникновению влияния России в Среднюю Азию, для развития торговли с ее странами.

Особо нужно сказать об Исетской линии. Являясь с самого начала своего существования главной продовольственной базой снабжения военных поселений Верхнеяицкой и Уйско-Тобольской системы крепостей, эта линия обеспечивала одновременно коммуникационное сообщение между Исетскими слободами и новыми крепостями.

С постройкой разветвленной системы крепостных линий возникли благоприятные условия для хозяйственного и экономического освоения обширного и богатейшего Южного Урала. Укрепленные линии связали между собой все русские поселения, возникшие здесь в XVII и в пер-

¹ Система мелких крепостей, редутов и фельшанцев составлена на основе следующих документальных и литературных источников: Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1903. Вып. 1, 2, 3; Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. 1, 2. Составил А. И. Добросмыслов. Оренбург, 1900; П. И. Рычков. История Оренбургская... 1759; Его же. Топография Оренбургская; Списки населенных мест Российской империи. Т. XXVIII. Оренбургская губерния, СПб, 1871; Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Под ред. Д. Л. Ловырева, Оренбург, 1927; А. Ф. Рязанов. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928; Лобов. Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска. Составлена отставным генерал-майором Лобовым, Оренбург, 1911, и др.

вой половине XVIII в. Цепь военных поселений оградила мощной стеной всех жителей края от разорительных набегов степных кочевников. К тому же система крепостей изолировала кочевников друг от друга, лишила их возможности свободного общения. Так, Самарская линия отделила башкир от калмыков, Нижнеяицкая линия закрыла брешь, через которую на протяжении XVII и первой половины XVIII в. казахские и калмыцкие феодалы-кочевники совершали совместные разрушительные набеги. Верхнеяицкая укрепленная линия, протянувшаяся более чем на 600 верст с юга на север, не только разделила Башкирию на две части, но и, отделив башкир и казахов, положила также конец военно-феодалным набегам, которые они предпринимали сообща.

Военные поселения Новокамской, Самарской, Сакмарской, Нижне- и Верхнеяицкой укрепленных линий позволили окончательно ликвидировать проникновение башкирских, калмыцких и казахских феодалов в Самарский, Сызранский и Черемшанский районы. Юго-восточные границы русского государства были значительно укреплены.

Линии крепостей, вновь построенные по Яику, Самаре, Ую, Миассу и другим рекам, во многом отличались от крепостей Старо-Новокамской линии. Будучи прежде всего военно-стратегическими пунктами, они постепенно превращаются в крупные торговые и промышленные города. Среди них особенно выделяются Оренбургская, Орская, Верхнеуральская, Троицкая и Челябинская крепости.

Центральным стратегическим, торговым и промышленным центром стал Оренбург. Уже осенью 1743 г. сразу же после того, как город из устья реки Ори был перенесен в район наибольшего сближения рек Самары и Яика, к его стенам подошли караваны купцов. Началась меновая торговля с башкирами, хивинцами, бухарцами, казахами. С этого времени Оренбург становится торговыми воротами между Европой и Азией. Город быстро превращается в крупный экономический и торговый центр. Объединив вокруг себя экономическую, торговую, хозяйственную и военную жизнь Южного Урала, он становится столицей края. С Оренбургом были связаны планы усиления торговли не только с Казахстаном и Средней Азией, но и с Индией.

Система укрепленных линий, построенная на Южном Урале в XVIII в., оказалась вполне надежной для закрепления восточных и юго-восточных башкирских земель. Под прикрытием военных поселений начинается колонизация края. Однако, учитывая необходимость дальнейшего продвижения в глубь казахских и тем более среднеазиатских просторов, степень ее интенсивности оказалась недостаточной. Крепости, построенные в XVIII в., являлись небольшими и не справлялись с охраной границ, не говоря уже об отражении внезапных и многочисленных набегов степных кочевников.

Нельзя забывать, что Южный Урал интересовал Российскую империю не только с экономической, но и с военно-политической точки зрения. Юго-восточные рубежи России в случае нападения внешних врагов были уязвимы. Бескрайние степные просторы чередовались в этом районе с пустынными. Равнинная, открытая и слабо пересеченная местность затрудняла возведение искусственных степных сооружений.

Сложными были и взаимоотношения с казахскими ханствами, которые продолжали переживать период феодальной раздробленности.

Подданство, принятое в 30-х годах XVIII в. Младшим и Средним жузами, продолжало носить скорее номинальный и формальный характер, чем реальный и действительный. Против русского подданства продолжали выступать султаны, стремившиеся упрочить связи с феодальной верхушкой Джунгарии. Обострились отношения между старшинами и ханами. Ханская власть не располагала прочной социальной базой. Для упрочения своей власти некоторые ханы, например, Аблай, выдвигали военную знать — батыров, которые являлись своеобразной военной опорой ханов. Но эта мера не давала желаемого эффекта. Феодальные междоусобицы и родовые распри усиливали процесс распада казахских ханств. Они же являлись и одной из причин обострения классовой борьбы в казахском ауле. Важнейшими ее проявлениями во второй половине XVIII в. было участие казахов в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева и восстание казахов под руководством батыра Срыма в 80—90-х годах XVIII в.

В начале XIX в. классовая борьба в казахских аулах усилилась еще более, а в 30-х годах вылилась в мощное

восстание бедноты, которое возглавил Исатай Тайманов.

Сложная внутриполитическая обстановка в казахских ханствах переплеталась с трудностями внешнеполитического характера. Бухарские и хивинские феодалы стремились отторгнуть казахские земли от России. Феодалов поддерживало мусульманское духовенство. Враждебная по отношению к России политика ханов находила поддержку со стороны англичан, пытавшихся распространить свое влияние в Средней Азии и Казахстане. В этих условиях перед царским правительством возникла задача — создать разветвленную систему крепостей, которая способствовала бы более интенсивному и планомерному наступлению на эти районы. Возводится новая крепостная линия, вклинившаяся глубоко в казахские степи. Если в течение 7 лет — с 1803 по 1810 гг. — здесь были построены одна крепость и четыре форпоста, то в 30-х годах XIX в. таких сооружений было воздвигнуто около 30. Вытянувшись почти по прямой от Орской крепости до впадения реки Тогузак в реку Уй, эти сооружения образовали новую укрепленную линию в дополнение к той, которая проходила от Орска через Кизильскую, Магнитную и Верхнеуральскую крепости до Карагайской.

Первоначально были построены крепости Императорская, Наследницкая и Михайловская, немного позднее ряд редутов: Новоорский, Елизаветинский, Атаманский, Екатерининский, Константиновский и другие.

Новые крепости и редуты составили новую укрепленную линию, которая почти прямо на расстоянии 487 верст протянулась от Орской крепости до Березовского отряда.

В 40-х годах XIX в. русский Генеральный штаб произвел рекогносцировку Оренбургского края и на основе собранного материала определил крепости и пограничные линии, имевшие военное значение. Все укрепления были сведены в одну общую линию. Эта линия, получившая название «Оренбургская Военно-Пограничная линия», протянулась на 1780 верст от Гурьева городка до Алабугского отряда, находившегося на границе с Тобольской губернией. От Каспийского моря Оренбургская Военно-Пограничная линия шла вверх по реке Уралу до впадения в нее реки Илека и называлась Уральской или Нижней. У станицы Благословенной линия вновь переходила на реку Урал и следовала по ней до Орской крепости, от

которой сухим рубежом проходила до отряда Березовского, а отсюда по рекам Ую и Тоболу до границ Сибири.

Новые военные поселения возводились по типу крепостей 30—40-х годов XVIII в. Во время их строительства учитывались многие факторы («удобных к поселению и крепких для безопасности местях, изыскивая, чтобы довольные были воды и в близости леса, луга и удобные земли к пашне»¹), но главным из них являлся военный. Крепости строились одна от другой на «расстоянии от двадцати до тридцати и сорока верст...»²

Г Л А В А I I I

ЗАСЕЛЕНИЕ КРЕПОСТЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ЛИНИИ И СОЗДАНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

§ 1. Строители и первые жители оренбургских крепостей

Научное освещение истории создания Оренбургского казачьего войска тесно связано не только с возникновением пограничных крепостей, но и с их заселением. При этом очень важным является вопрос о том, кто осуществлял строительство крепостей, кто нес в них гарнизонную, сторожевую и пикетную службу, короче — к каким социальным группам населения и к каким разрядам служилых людей относились первые жители обширного Оренбургского края. В литературе, особенно в дореволюционной, ясного и четкого ответа на этот вопрос нет. Между тем правильное его освещение имеет большое значение.

В литературе, касающейся вопроса строительства и заселения крепостей Оренбургской линии, авторы высказывают несколько точек зрения, порой противоречивых. Например, офицеры и старшины Оренбургского казачьего войска рассматривали этот вопрос через призму формирования войска. Они единодушно считали, что строительство крепостей, их заселение и охрана, т. е. несение гарнизонной, сторожевой и пикетной службы осуществляли только служилые люди. Такая мысль была, в частности, высказана войсковым старшиной Оренбургского войска Ф. М. Стариковым. Он утверждал, что в Оренбургский край с прежних пограничных линий были собраны

¹ ПСЗ. Т. X, № 7876.

² П. И. Рычков. История Оренбургская... 1759, с. 214.

служилые люди «прежних служб» — бывшие городовые казаки и их дети, дети боярские, рейторы с их семьями, закамские казаки, малороссийские и слободские казаки, уфимские, самарские, алексеевские казаки и дворяне. Участие представителей других социальных групп и классов в строительстве крепостей и заселении Оренбургского края Ф. М. Стариков отрицал. Категорически выступал он и против того, что в этом участвовали беглые люди и разного рода ссыльные и что именно они положили начало формированию Оренбургского казачьего войска. «...Сложилось странное убеждение,— пишет Ф. М. Стариков,— будто бы Оренбургскому казачьему войску положили начало... беглые крестьяне и разного рода ссыльные, но... утвердительно можем сказать, что это не верно».

Концепцию Ф. М. Старикова полностью восприняли казачьи офицеры, претендовавшие на роль историографов Оренбургского казачьего войска. Они всячески стремились усилить ее. Так, всех служилых людей, в том числе стрельцов, драгун, служилых дворян, детей боярских, которые принимали участие в строительстве крепостей на Южном Урале, в частности Уфы, составители «Материалов»¹ безоговорочно называли казаками, причем казаками покорными, т. е. городовыми в отличие от «казаков непокорных», т. е. вольных волжских или яицких.

Войсковой старшина Бухарин считал, что в колонизации и защите новых земель могли участвовать «только вольные переселенцы и казаки».

Касаясь вопроса формирования Оренбургского казачьего войска, подъяесаул С. Н. Севастьянов никого, кроме исетских, уфимских и алексеевских казаков, в состав его не включал. Этот же автор не видел и не признавал никаких других социальных или этнических групп, принимавших участие в строительстве крепостей.

Совершенно противоположную точку зрения высказал В. М. Черемшанский. По его мнению, на Южном Урале были беглые крепостные и государственные крестьяне. Но ничего не говорится об уфимских, алексеевских, самарских казаках.

Спустя почти двадцать лет после выхода труда

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 1. Оренбург, 1903, с. 38.

В. М. Черемшанского, в корне иную точку зрения высказал В. Новиков. «Боярские дети, дворяне и стрельцы,— писал он,— поселенные в Башкирии в первые полтора века по принятии ее в русское подданство, явились и первыми земледельцами в крае»¹. «Предки наших уфимских дворян,— говорится далее,— стояли во главе колонизации губернии». Таким образом В. Новиков проводил мысль о дворянской колонизации Южного Урала, а точнее Уфимской провинции.

В последующее время, вплоть до начала XVIII в., заселение Уфимской губернии, согласно представлению В. Новикова, «осуществлялось по инициативе правительства». Дворяне при этом являлись «ревностными исполнителями мер правительства к развитию благоустройства и благосостояния края, в котором так долго и так храбро боролись за русское владычество».

Оригинальную точку зрения на заселение Оренбургского края высказал Д. Н. Соколов, считавший, что существовало три потока колонизации. «Первыми,— пишет он,— двинулись в новооткрытый поселению край татары. В 1745 г. казанский татарин Сеит Хаялин испросил себе разрешение с товарищами в числе около 300 дворов построиться слободой на Сакмаре, между Оренбургом и Сакмарским городком»². Второй поток, считает Д. Н. Соколов, представлен «вольными крестьянами Сибири», которые «во II половине XVIII в. стали заселять Челябинский уезд». В третьем потоке главенствующая роль принадлежала помещикам, хлынувшим из центральных крепостных районов России в пределы Оренбургского уезда. Этот поток Д. Н. Соколов назвал дворянской колонизацией, отметив ее отрицательную сторону. Заключалась она в том, что дворяне «из-за дешевизны покупки накупили более земли, чем могли заселить».

Все эти и другие точки зрения о заселении и строительстве крепостей Оренбургской линии, высказанные во второй половине XIX и начале XX вв. не соответствовали концепции П. И. Рычкова, сформулированной им в «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской»,

¹ В. Новиков. Очерки колонизации Башкирского края.— В кн.: «Историческая библиотека». Учено-литературный журнал, 1878, № 12, декабрь. С.-Петербург, 1878, с. 24.

² Д. Н. Соколов. Оренбургская губерния. Географический очерк. М., 1916, с. 92.

опубликованных в середине XVIII в.¹ Справедливости ради отметим, что П. И. Рычков был ближе всех к правильному решению вопроса о строительстве и заселении крепостей Южного Урала. Согласно его мнению, в освоении Оренбургского края участвовали представители самых разнообразных социальных и этнических групп, включая служилых людей регулярных и нерегулярных войск. Недостатком концепции П. И. Рычкова следует считать ее слабую аргументацию. К тому же он не сумел вскрыть социальную сущность мероприятий царизма, предусматривавших освоение Южного Урала. Многие законодательные акты правительства остались вне поля зрения автора.

Одна из задач нашей работы — показать, как русское феодальное государство осуществляло строительство и заселение крепостей Оренбургской пограничной линии². Но прежде всего следует отметить, что, приступая к колонизации обширного Оренбургского края, правительство намеревалось применить те же методы и способы, которые оно использовало во время строительства Заокских, Белгородских и Закамских укрепленных линий.

Первоначально в местах, близко расположенных к границам Южного Урала, правительство планировало создать боевые силы из потомков бывших вольных волжских казаков, городских казаков и людей «всяких прежних служб». Другими словами, царизм стремился осуществить свои планы с помощью, главным образом, формирования нерегулярных войск в Казанской губернии и входившей в ее состав Уфимской провинции, а регулярные войска использовать только в случае надобности.

В резолюции от 1 мая 1734 г. на проекте статского советника Ивана Кирилова говорилось: «...А войск к тому из Армейских полков не надобно... но довольно из Уфимского полка, который тут праздно живет, батальон и поло-

¹ П. И. Рычков. История Оренбургская. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб. 1759. Его же. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

² В работе только попутно затрагиваются некоторые вопросы, касающиеся в целом заселения и освоения Южного Урала. Например, не рассматриваются вопросы о том, как беглый люд, оказавшись на Южном Урале, устраивает свое жилье на внутренней стороне Оренбургской укрепленной линии. Самостоятельным является и вопрос о промышленном и сельскохозяйственном освоении Южного Урала.

вину дворянских рот и казаков с недорослями, да из казацкого гарнизона, который стал быть внутрь России один или два полка и яикских и сакмарских казаков 500, а башкирские тарханы и мешчеряки сами с охотою, сколько потребно, служить могут и почтут за домашнюю службу, да и то не без пользы, что к работе из русских городов и уездов работников не надобно, а мочно пришлыми в Башкирию, Татарию, Чувашию, Черемисию отправить, хотя им малую часть заработных денег дать»¹.

В инструкции Ивану Кирилову рекомендовалось «для запаса ежели паче чаяния найдутся уфимские дворяне и казаки и недоросли уфимские и мензелинские, так же сакмарские казаки же не оружены: отпустить к тебе из отборного в цейгаузах ружья... человек на 1000, а ...яицких и сакмарских казаков... нарядить сколько нужна требовать будет». А нужда потребовала много военных сил и в первую очередь регулярных войск.

В этой связи представляет интерес состав военных сил, во главе которых Кирилов отправился в экспедицию. Прибыв в октябре 1734 г. в Казань, он принял в свою экспедицию «целый Пензенский полк в 1223 чел.»² и «несколько артиллерийских служителей»³. В ноябре 1734 г. Кирилов был в Уфе, где к его силам были прикомандированы Уфимский пехотный батальон, половина полка уфимских дворян и казаков. Кроме того, в течение зимы 1734/35 года Кирилов из уфимских, бирских и мензелинских недорослей сформировал Оренбургский эскадрон. С Закамской линии для участия в экспедиции в Уфу были направлены 5 рот вологодских драгун. Весной 1735 г. Кирилов выступил из Уфы в устье реки Орь, имея 10 рот пехотного Пензенского и Уфимского полков, три роты Казанского драгунского полка, три роты новоучрежденных оренбургских драгун. Таким образом, в распоряжении главы экспедиции имелось 16 регулярных рот. Нерегулярных же насчитывалось: 150 уфимских и 100 яицких казаков. К этим силам в Сакмарском городке присоединилось еще 100 сакмарских казаков, 15 новокрещенных калмыков, 100 уфимских мешчеряков, около 30 ар-

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6571, 1 мая 1734.

² Материалы по истории России. Составил А. И. Добросмыслов. Вып. 1. Оренбург, 1900, с. 259.

³ П. И. Рычков. История Оренбургская. 1759, с. 113.

тиллерийских стволов разных калибров с прислугой в 115 человек. Эти цифры свидетельствуют о том, что количество регулярных рот значительно преобладало над нерегулярными.

В ответ на выступления Кирилова весной 1735 г. из Уфы в устье реки Орь башкирские мурзы подняли восстание. На его подавление Кирилов бросил большую часть своих сил, за исключением небольшого гарнизона, оставленного на месте строительства крепости Оренбург. Полковник Тевкелев отправился в исетские слободы для борьбы с восставшими и на заготовки продовольствия. В своем распоряжении он имел три роты драгун, несколько сот нерегулярных и около 1000 исетских мужиков, состоявших в провиантском обозе, который весной 1735 г. следовал в Оренбург, но был задержан восставшими у озера Углы-Карагайское. Тевкелев достиг Теченской слободы, сформировал шестисотенный провиантский обоз и в сопровождении нерегулярных рот выступил через Верхнеуральскую пристань на Оренбург. Однако и этому обозу не удалось пробиться через кольцо восставших башкир.

Для борьбы с восставшими в сентябре 1735 г. Сенат предписал Румянцеву послать на Закамскую линию 200 самарских, 100 алексеевских, 50 красноярских, 100 царичинских, 50 дмитриевских, 90 черноморских казаков. Всего было направлено 590 казаков. Кроме того, туда же Румянцев направил и тех из 1500 семей донских казаков, которые решили переселиться на Волгу. В феврале 1736 г. царские власти снарядили для борьбы с восставшими Ямбургский, Астраханский и Вологодский полевые драгунские полки, Казанский и Нижегородский пехотные полки, Сибирский драгунский полк, а также ландмилицкие конные — Шешминский, Билярский, Сергиевский полки, пехотный Алексеевский полк. Таким образом в Башкирию было направлено шесть полков регулярной армии и четыре поселенных ландмилицких полка. Кроме регулярных войск против восставших были брошены две тысячи яицких казаков, три тысячи калмыков, около трех тысяч уфимских служилых мещеряков, служилых мурз и татар Казанской губернии.

В сентябре 1736 г. Сенат приказал сформировать в Сибири «один полк драгунский и один батальон пехотный из тамошних дворян и казаков и из их детей», а в

мае 1737 г. специальным указом отпустил Сибирскому драгунскому полку в составе 1133 человек и пехотному батальону в составе 733 человек определенную сумму денег на содержание.

В течение 1735 и 1736 гг. были сформированы гарнизонные Оренбургский и Уфимский драгунские полки. К сентябрю 1736 г. только под командованием генерал-лейтенанта Румянцева находилось 15 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, в декабре этого года с прежних пограничных линий были сняты «служилые люди прежних служб», городовые казаки и их дети, дворяне, дети боярские, рейтары с их семействами. Всего было набрано 4152 человека. Всех их предполагалось послать на Закамскую линию, но в 1739 г. последовал новый указ¹, который предписывал всех этих людей вместе с закамскими беломестными казаками и другими служилыми людьми перевести на Самарскую и Яицкую крепостные линии.

Таким образом на территорию Башкирии были стянуты значительные военные силы, среди которых преобладали регулярные войска. Все они вместе с нерегулярными принимали участие в подавлении восстания и строительстве крепостей.

В параграфе 39 инструкции статскому советнику Ивану Кирилову говорилось: «Как регулярным так и нерегулярным русским служилым людям, когда случай и поспешность позовет в строении города, или магазейнов и других казенных работ, то их употреблять»². В условиях продолжавшегося восстания башкир правительство было вынуждено ускорить строительство крепостей и привлекать к этому регулярные и нерегулярные войска. Особенно в больших масштабах используются войска при сооружении крепостных линий в начале 40-х годов XVIII в. Так Верхнеяицкая и Уйско-Тобольская укрепленные линии были построены драгунскими ротами и солдатами ландмилицких полков.

Значительную часть крепостей Самарской, Сакмарской и Нижнеяицкой линий возвели яицкие, самарские, сакмарские, уфимские, сергиевские, алексеевские и донские казаки. Так крепости по реке Самаре были заселены

¹ ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа 1739.

² ПСЗ. Т. IX, № 6576, 18 мая 1734.

самарскими казаками. Старшина Сакмарского городка Шацкий, набрав в число охотников 200 человек из яицких казаков, стрельцов, мешеряков и других иноверцев, казачьих и дворянских детей основал и заселил Бердскую крепость, а казак Сакмарского городка Маслов, набрав 200 человек из тех же категорий служилых людей, построил Нижнеозерную крепость. Верхнеозерную крепость построили яицкие казаки. В строительстве крепости Озерной принимали участие 40 семей из Бордской, Бузулукской и Бердской крепостей.

Главной рабочей силой на строительстве крепостей Исетской линии являлись исетские казаки и отчасти исетские государственные крестьяне.

В 1747 г. челябинский казак А. Домнин вместе с 50 казачьими семьями переселился в устье реки Коелги и Увелки и построил здесь крепость Коелгинскую. В 1749 г. еткульские казаки основали Увельскую крепость. Спустя 20 лет казаки из разных крепостей Исетской провинции создали Еманжелинскую крепость.

В строительстве и заселении крепостей Оренбургской линии наряду с яицкими казаками принимали участие и сибирские казаки и дворяне. В указе 15 февраля 1738 г. говорилось, что «для поселения в городках легких войск принять охотников из яицких казаков до пяти сот, из сибирских ближних казачьих и дворянских детей, неверстных и неположенных в подушный оклад до тысячи»¹. К строительству оренбургских крепостей привлекались малороссийские казаки. Параграф 15 императорского указа от 20 августа 1739 г. гласил: «...Для поселения в помянутых же крепостях принимать Вам из Черкас, которые пожелают. Однако же с явным свидетельством откуда они сойдут и прямо ли черкасы»². В мае 1740 г. кабинет министров предписал «принимать из черкас, которые пожелают с ясным свидетельством». Но желающих из малороссийских казаков переселиться на Южный Урал оказалось настолько много, что начали вымирать целые малороссийские станицы и поселки. Атаманы и старшины малороссийского войска, боясь потери служилых казаков и рабочих рук, обратились к правительству с просьбой ограничить набор малороссийских казаков на

¹ ПСЗ. Т. X, № 7514, 15 февраля 1738.

² ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа, 1739.

Оренбургскую линию. Эта просьба была удовлетворена. В резолюции кабинета министров говорилось: «Надо брать, где будет всех семей до 10 или до 20, не больше как десятую семью»¹. И далее: «Возможно выпускать позволить из казаков до четвертой доли одной сотни, а из мужиков до четвертой доли одного села». В начале 1742 г. из Малороссии на Южный Урал прибыло 209 семей, среди которых числилось 849 казаков. Они были размещены в трех крепостях — Чернореченской, Рассыпной и Переволоцкой. Но офицеры — посланцы князя Урусова — призывали малороссийских казаков переселяться на плодороднейшие башкирские земли. На этой почве начались стычки между чиновниками малороссийского войска и желавшими переселиться. Опасаясь серьезных осложнений, правительство запретило малороссийским казакам и мужикам переселение на Оренбургскую линию. Высочайшая резолюция на докладе Сената повелевала: «Малороссиян не набирать»². Но этот запрет привел к тому, что Малороссия превратилась в район, откуда из числа рядовых казаков и мужиков начался поток беглых на Оренбургскую линию.

Продолжая считать строительство и заселение оренбургских крепостей первостепенной задачей, правительство ищет новые возможности для набора переселенцев, ориентируясь по-прежнему на «служилых людей старых служб». Императорский указ от 20 августа 1739 г. предписывал «набрать и поселить в тех крепостях из городских Казанской и других губерний старых служб служилых людей, которые в подушный оклад и в ландмилицию не записаны, до трех тысяч семей»³. В сентябре 1741 г. резолюция на доклад Сената полностью повторила императорский указ от 20 августа 1739 г.

Таким образом в планах правительства о заселении Оренбургского края казачеству и вообще всем служилым людям прежних служб отводилось видное место в создании нерегулярного войска, столь необходимого для возведения Оренбургской линии крепостей и ее охраны.

Одновременно с нерегулярными и регулярными войсками к строительству крепостей широко привлекались

¹ ПСЗ. Т. XI, № 8111, 21 мая 1740.

² ПСЗ. Т. XI, № 8616, 17 сентября 1741.

³ ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа 1739.

люди разных социальных групп и сословий феодальной России. Еще в 1734 г. резолюция на проекте статского советника Ивана Кирилова указывала на необходимость к «строению и работе нарядить тептерей и бобылей, сколько по рассмотрению потребно будет»¹.

Но в связи с продолжавшимся восстанием башкир руководители Оренбургской экспедиции не могли набрать людей столько, сколько этого требовали огромные масштабы сооружения крепостей по реке Яику и его притокам. После подавления восстания правительство потребовало от руководителей Оренбургской экспедиции, а затем и от оренбургских губернаторов, форсировать сооружение крепостей. В 1747 г. Сенат специальным указом обратил внимание Неплюева на то, чтобы расширить фронт фортификационных работ в городе Оренбурге. «Для земляных работ в Оренбурге,— гласил указ,— из Уфимского уезда тептерям и бобылям, вотякам и черемисам велено наряд учинить: с 8 дворов по 1 человеку, что составит 714 человек, да из ландмилицких Алексеевского пехотного, да из Билярского драгунского полков 100; итого 200 человек, 21 ельдяцких казака, 45 к̆заков из Мочинской крепости, из Пензенского полка 100 человек к тому же из башкирцев и мещеряков наряд имеет быть учинен... а именно: из тарханов с пяти, а от башкирцев, мещеряков и служилых татар с восьми дворов по человеку, что сочинит около полторы тысячи человек, от крещеных калмык 300 человек, которые как при Оренбурге и при прочих крепостях для содержания разъездов находятся; из нагайбацких служилых новокрещеных возмется до 100 человек»².

Одним из важных источников пополнения нерегулярных войск, строителей и первых жителей оренбургских крепостей являлись ссыльные и колодники. На них обратил внимание И. Кирилов. Еще летом 1735 г. он просил кабинет министров направлять в его распоряжение «ссылочных».

В феврале 1736 г. Анна Ивановна издала указ, в котором говорилось, что для увеличения на Оренбургской линии русских людей «ссылочных, вместо Сибири, к нему, статскому советнику Кирилову, отсылать». При этом Ки-

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6571, 1 мая 1734.

² ПСЗ. Т. XII, № 9444, 28 сентября 1747.

рилову предлагалось подходить к ссыльным дифференцированно, годных для несения службы направлять в нерегулярные войска, других — на пашню и третьих «за тяжкие вины и к воздержанию ненадежных в шахты определять»¹.

3 августа 1736 г. Сенат предписал всем чиновникам мест заключения империи немедленно отправлять ссыльных в распоряжение Оренбургской экспедиции. 26 августа 1736 г. последовал указ генерал-лейтенанту князю Урусову о высылке в Оренбург жен и детей ссыльных. В ссылку в Оренбург предлагалось отправлять «таких, которые только от жалованья пропитание свое иметь могли»². В январе 1740 г. Урусов получил указание о том, как селить и использовать ссыльных для работы. По мере прибытия таких людей им рекомендовалось поручать повседневные казенные работы в крепостях (по 5—10 человек) с выдачей пропитания и одежды. Но практически это оказалось невозможным. «Между ссыльными, присылающимися в Оренбург,— докладывал князь Урусов,— многие престарелые, такие, кои ни в какую службу и пользу употреблены быть не могут, и расход на них казенным деньгам и провианту бывает туне»³. Урусов просил кабинет министров, чтобы «осужденные в ссылку в Оренбург присылались годные в нерегулярную службу и на пашню, и в работу»⁴.

С 1744 г. в Оренбург стали направлять преступников из купцов, мастеровых и ремесленных людей.

В 1745 г. Сенат разослал во все центральные губернии предписание, чтобы по «силе прежних указов подлежащих в ссылку колодников в Оренбург посылали без задержания»⁵.

На протяжении всей второй половины XVIII в. контингент преступников, направлявшихся в Оренбург, систематически расширялся. Сюда ссылали всех, кто был неугоден господствующему классу, и главным образом тех, кто выступал против феодального гнета, какую бы форму и характер эти выступления не носили. Так, в 1795 г. на Оренбургскую линию были сосланы за участие в выступ-

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6890, 11 февраля 1736.

² Там же.

³ ПСЗ. Т. XI, № 8093, 4 мая 1740.

⁴ Там же.

⁵ ПСЗ. Т. XII, № 9179, 7 июня 1745.

лении против переселения на Кавказскую линию 143 донских казака.

В ряды переселенцев привлекаются отставные офицеры, солдаты, драгуны и матросы. Параграф 4 Указа от 4 февраля 1736 г. гласил: «Отставных драгун, солдат, матросов с свободными паспортами, кто пожелает быть в службе нашей и селиться в Оренбурге и в других тамошних новых местах... принимать и селить...»¹. «Ежели кто пожелает, --- призывал Сенат, — из отставных офицеров туда ехать и селиться, таким позволить...»².

Но желающих переселиться на Оренбургскую линию оказалось мало. К середине 1738 г. их насчитывалось всего шесть человек. В срочном порядке во все губернии и провинции империи было разослано строжайшее предписание, требовавшее от губернаторов и воевод немедленно произвести учет всех отставных нижних чинов и солдат и данные учета представить в Сенат.

В сентябре 1738 г., по сведениям, полученным Сенатом из губерний и провинции, отставных здесь числилось 4152 человека. Об этом доложили императрице, которая 10 января 1739 г. указала: «Из них, кои не весьма дряхлы и надежда есть, что могут жениться и дома свои содержать, всех отправить для поселения в определенные места, и впредь всех наших солдат, которые от полевой и гарнизонной службы отставлены быть, имеют туда ж посылать»³.

Затем последовала резолюция кабинета министров, устанавливавшая не только обязательный, но и принудительный принцип поселения: «С этого времени, — говорилось в резолюции, — отставные не по охоте отправляться туда будут». Вместе с тем кабинет министров установил дополнительные льготы для отставных: «Один солдатский провиант, однако же не больше двух годов» и «на первый случай на семена ржи по одной, овса по две четверти на каждую семью»⁴. В результате к сентябрю 1740 г. на место поселения прибыло 967 отставных или около 1/4 части от общего количества этих людей, имевшихся в империи.

В мае 1741 г. кабинет министров и Сенат вновь вер-

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6887, 11 февраля 1736.

² ПСЗ. Т. IX, 7024, 3 августа 1736.

³ ПСЗ. Т. X, № 7757, 15 февраля 1739.

⁴ Там же.

нулись к вопросу о поселении отставных нижних чинов и солдат в пограничных районах. Резолюция этих органов содержала много нового. Она приоткрывала «секрет» правительства о том, почему оно столь настойчиво добивается переселения отставных нижних чинов и солдат и почему они наделяются землей навечно. Во-первых, «поселившиеся домами,— разъясняет Сенат,— от времени до времени могут множиться и дети их в возрасте употребляемы будут в службу». Во-вторых, все те, кто служил «в полках, увидев то, что по отставке даны им будут земли и, яко помещики, владеть и пользоваться ими будут, от побегов удержания, и бродящих отставных солдат уже не будет». В-третьих, поселившиеся на границах «во время неприятельского нападения не только сами себя, но и других охранять и оберегать могут»¹. Переселение перечисленных категорий людей в далекий Оренбургский край отвечало интересам самодержавия, которое, опасаясь волнений, всячески стремилось избавиться от них в центральных частях империи.

На Оренбургскую линию переселялись также башкиры, киргиз-кайсаки, каракалпаки, индейцы, а также казанские татары, калмыки, грузины и волохи.

В заключение рассматриваемого вопроса необходимо коротко сказать о беглых людях из крепостнических губерний России, и в первую очередь, о крестьянах, беглых от помещиков. Термин «беглые люди» («сходцы с разных мест») объединяет очень широкий круг людей, которые по разным причинам и прежде всего вследствие жестокой эксплуатации покинули родные места и начали по-новому жить на девственной земле Башкирии.

Выше отмечалось, что русские появились на Южном Урале после падения Казанского и Астраханского ханств. В 30-х годах XVIII в. в пределах башкирских земель, особенно в Уфимском уезде и Исетской провинции, беглых крестьян оказалось очень много. Начавшееся в 1735 г. восстание башкир вынудило дворянское правительство обратить особое внимание не только на разгром повстанцев, но и на поиски этих крестьян, скрывавшихся среди башкир, на то, чтобы водворить их на прежние места, т. е. вернуть помещикам. Эта мысль красной нитью проходила во многих законодательных актах.

¹ ПСЗ. Т. XI, № 8368, 1 мая 1741.

Однако все попытки правительства вернуть беглых крестьян их прежним владельцам терпели неудачу. Поэтому власти вынуждены были удовлетворить просьбу руководителей Оренбургской экспедиции — всех беглых крестьян, которые записались в казачье сословие, к помещикам не отсылать.

Представляют интерес высказывания П. И. Рычкова и И. И. Неплюева по рассматриваемому вопросу. В «Топографии Оренбургской» П. И. Рычков, говоря о населении Исетской провинции, отмечал, что в этот край с самого начала его освоения исетскими казаками хлынул поток беглых помещичьих крестьян. Помещики забили тревогу и стали добиваться возврата своих крестьян. Но если бы правительство пошло навстречу помещикам и удовлетворило их просьбу, то вся провинция была бы оголена и превратилась бы в безлюдный район.

И. И. Неплюев, возглавив Оренбургскую комиссию, высказался против возврата беглых крестьян помещикам. В своем докладе Елизавете Петровне, довольно любопытном по содержанию, он указывал: «Все крестьяне, что их ни есть в Исетской провинции, не суть тамошние природные, но сходцы из разных мест, бывшие помещичьи крестьяне... Ежели их всех помещикам из тех слобод отдавать и по прежде писанному штрафы чинить, то оные слободы весьма запустеют... подушного платежа взыскивать будет не на ком»¹.

Далее, касаясь зачисления статским советником Кириловым беглых крестьян в казачье сословие, И. И. Неплюев подчеркивал, что «по освидетельствованию довольно оказалось, что из таких написанных в казаки не малая часть явилась помещичьих, и в подушный оклад положенных и ежели-де их отдать помещикам... то в оных крепостях останется, включая регулярных, самое малолюдство, издержанная на обзаведения их в тех крепостях денежная и провиантская сумма пропадет туне». Выражая и защищая государственные интересы в пределах вверенного ему края, И. И. Неплюев добивался от Елизаветы Петровны специального указания о том, чтобы беглых крестьян, положенных в подушный оклад или записанных в казаки, никому не отдавать. Резюмируя доклад, И. И. Неплюев просил: «1. Живущих ведомства Исетской

¹ ПСЗ. Т. XII, № 9006, 27 июля 1744.

провинции в государственных слободах крестьян никого не высылать. 2. Все беглые, записанные в казаки в новопостроенных крепостях Оренбургской линии, всем так и быть».

Доводы, приведенные И. И. Неплюевым, поставили дворянское правительство в затруднительное положение. Елизавета Петровна запросила мнение Сената относительно доклада И. И. Неплюева. Оно сводилось к тому, чтобы оградить и сохранить интересы помещиков.

В июле 1744 г. Елизавета Петровна утвердила представленный ей Сенатом доклад, в котором говорилось, во-первых, «причислить к Исетской провинции поселившихся в оной крестьян до ревизии 1719 г.; во-вторых, быть «беглым, записавшимся в казаки вечно в сем состоянии при крепостях, построенных по Оренбургской линии»¹. Цитируемый документ предельно ясно выражает второй пункт доклада И. И. Неплюева: «Все беглые, записанные в казаки в новопостроенных крепостях Оренбургской линии, всем так и быть». Что касается первого пункта, то в докладе Сената он изложен очень туманно. Как отмечалось, И. И. Неплюев просил «живущих ведомства Исетской провинции в государственных слободах крестьян никого не высылать». В докладе же Сената речь шла о том, чтобы причислить к «Исетской провинции поселившихся в оной крестьян до ревизии 1719 г.». Однако не ясно, о каких крестьянах говорится. Из доклада Сената можно только догадываться, что имеются в виду беглые помещичьи крестьяне. Но в Исетской провинции их было мало.

В своем докладе, цитированном выше, И. И. Неплюев писал: «А по учиненной из присланных в Сенат из Оренбургской тогда комиссии, в прошлом 1741 году, ведомостей табели показано в оренбургских крепостях сходцев, кои токмо в регулярные и нерегулярные и другие тамошние службы записаны, а именно дворцовых, синодальных, монастырских, помещиковых и разночинцев 5154, в том числе дворцовых 2779, синодальных и монастырских 591, помещиковых 308, купечества 54 и того 3772, а прочие разночины»². Эти данные показывают, что помещичьих крестьян, зачисленных в казацье сословие, оказалось

¹ ПСЗ. Т. XII, № 9006, 27 июля 1744.

² Там же.

весьма незначительное количество (всего 308 человек). И не о них беспокоилось правительство. Речь шла о принципе: беглых помещичьих по-прежнему возвращать помещикам или направлять на каторжные работы, или отправлять в рекруты. И это была не только борьба с беглыми и расправа с ними, но и являлось устрашением для всех тех помещичьих крестьян, которые вздумали бы бежать от своих эксплуататоров, укрыться в крепостях Оренбургской линии.

Обобщая сказанное выше, можно сделать следующий вывод. К строительству крепостей царское правительство стремилось привлечь широкий круг людей, которые являлись представителями самого разнообразного населения тогдашней России. Но свое главное внимание правительство обращает на основную производительную силу феодального общества — крестьянство, как русское, так и иноверческое. В строительстве крепостей принимали участие синодальные, монастырские, государственные, дворцовые и помещичьи русские крестьяне, представители трудового народа из иноверцев: казанские татары, башкиры, тептяри, бобыли, вотяки, черемисы, мещеряки, а также ссыльные колодники всех социальных и этнических групп. Большое внимание уделялось служилым людям разных старых служб, в частности служилым казакам Дона, Яика, Волги, а также служилым городовым, дворянам и казакам и их детям, рейторам, детям бояр и т. д.

§ 2. Первые шаги в создании Оренбургского нерегулярного казачьего войска

Гарнизонную службу в крепостях Оренбургской линии несли регулярные части, преобладавшие над нерегулярными. Причем были крепости, где эта служба поручалась только регулярным частям. Нерегулярных отрядов, особенно казачьих, не было совсем. Например гарнизон Усть-Уйской крепости состоял из двух драгунских рот и одной пехотной. Звериноголовская, Каракульская и Крутоярская крепости имели по две роты драгун каждая. В состав гарнизона Углы-Карагайской крепости входили две драгунские роты и половина пехотной роты, а также несколько семей отставных драгун и солдат. Гарнизон Степной крепости состоял из тех же людей и в том же количестве, что и Углы-Карагайской. Петропавлов-

ская крепость имела две драгунских роты, несколько семей отставных солдат и драгун. По одной роте драгун и по полроты солдат ландмилицких полков каждая имели Ильинская, Губерлинская, Таналыкская, Уртазымская, Магнитная и Красносамарская крепости. Гарнизон Троицкой крепости состоял из двух с половиной рот драгун.

Из 41 крепости, построенных в 30—40-е годы XVIII в., военный гарнизон 16 представляли исключительно регулярные роты.

Но были крепости, военный гарнизон которых состоял из регулярных рот и нерегулярных команд. К числу крепостей, где гарнизонная служба осуществлялась совместно и регулярными ротами и отрядами казаков, относились Переволоцкая, Ельшанская, Бердская, Челябинская, Орская, Красногорская, Озерная. Но и здесь преобладали регулярные части. Например, Ельшанская и Бердская крепости насчитывали по одной роте драгун и по 50 казаков; Озерная — одну роту драгун, полроты солдат и 50 казаков. В Орской и Красногорской крепостях гарнизонную службу несли по две роты драгун, по половине роты солдат и по 50 казаков.

Регулярные войска тут преобладали над казачьими отрядами. И только четыре крепости — Челябинская, Красноуфимская, Ельдятская и Табынская — имели одинаковое (равное) соотношение регулярных и нерегулярных сил. Так, Челябинская имела роту солдат и 354 служилых казака, Ельдятская и Табынская — по полроты и по 100 казаков, а Красноуфимская — пехотную роту и 300 казаков.

Совместное несение гарнизонной и сторожевой службы регулярных и нерегулярных войск и прежде всего казачьих отрядов давали возможность Кирилову и другим руководителям Оренбургской экспедиции сравнить эффективность службы тех и других.

В условиях степных просторов и мало пересеченной местности регулярные драгунские и пехотные роты не могли успешно отражать частые и внезапные налеты степных кочевников и тем более их преследовать. Еще летом 1736 года, сообщая в столицу о положении дел на линиях строящихся крепостей, Кирилов констатировал, что более «полезные службе легкие нерегулярные, нежели регулярные», и предлагал начать в более широких масштабах формирование нерегулярных войск. Кирилов

считал, что нерегулярные части должны преобладать над регулярными и их соотношение должно быть либо один к трем либо один к четырем: «Так, чтобы против числа нерегулярных довольно третья или четвертая доля регулярных»¹.

Кирилов указал и за счет кого можно создать нерегулярные команды — уфимские, сакмарские и самарские казаки, крещеные калмыки, яицкие казаки, проживающие в яицких городах, незаписанные беглые крестьяне, а также служилые иноверцы. Кирилов просил направлять в его распоряжение для создания нерегулярных команд и «ссылных».

Кирилов настойчиво проводил мысль о необходимости организации нового казачьего войска и расселения его по Оренбургской линии крепостей. Что касалось порядка несения военной службы, то он предлагал распространить на новое казачество Устав, существовавший для городских казаков.

Проекты Кирилова получили одобрение. Уже в 1735—1736 гг. гарнизоны вновь построенных крепостей состояли только из казаков. Так, Чебаркульская крепость имела 291 служилого казака, Уйская — 137, Кичигинская — 78, Санарская — 56, Коельская — 94, Миасская — 143.

Продолжая формировать военные гарнизоны из регулярных частей, правительство стремится к тому, чтобы приспособить их к несению пограничной службы, сделать более подвижными, маневренными и способными к отражению набегов кочевников. Так указ от 11 февраля 1736 года предписывал создать из драгунских полков легкие соединения и чтобы «оных в маршах никакая тягость не задерживала, то каждому или двум драгунам по одной лошади иметь, и на тех лошадях провиант (только крупы) вьюками возить»². Этим же указом Кирилову предписывалось: «Для поселения при Оренбурге и других крепостях «легких войск» принять Вам охотников из яицких казаков до 500 человек, да из Сибирских ближних городов казачьих и дворянских детей, неверстанных и неположенных в подушный оклад до 1000»³. Указ считал возможным зачислить в «легкие войска» и сибирских

¹ Материалы по истории России. Вып. 2. Составил А. И. Добромыслов. Оренбург, 1900, с. 271.

² ПСЗ. Т. IX, № 6890, 11 февраля 1736.

³ Там же.

крестьян. В пункте 23 говорилось: «Крайних сибирских, так же и с Течинской слобод из крестьян написать в казаки охотников до 1000 человек и употребить их в разъезды по Тоболу и Ишиму рекам и до Иртыша, в осторожность от зенгорских калмык и кайсаков...»¹. Но этот пункт был отменен Указом от 20 августа 1739 г., пункт 14-й которого гласил: «В казаки из Сибири крестьян не высылать, а выбрать до двух тысяч человек из сибирских казачьих детей и определить в казаки»².

Следует отметить, что большинство авторов работ об Оренбургском казачьем войске не обратили внимание на изменения, имевшиеся в указе от 20 августа 1739 г., по сравнению с указом от 11 февраля 1736 г.³ Указ от 20 августа 1739 г. являлся основным законодательным актом, который предписывал не только где, как и кто должен строить крепости, но и кем их заселять, как вести здесь гарнизонную службу. «Селить,—говорилось в указе,—при тех крепостях ландмилицкие Закамские полки и прочих старых служб, из которых те полки набраны и казаков не меньше двух рот на одном месте, дабы всякий один полк не распространялся далее ста верст, а что близь, то за наилучшее признается, дабы во время неприятельских нападений вскоре собраться смогли»⁴. В большей степени, чем раньше, в указе подчеркивалась важность создания «легких войск» или нерегулярных казачьих войск.

По мере заселения Оренбургской линии крепости Закамской линии превращались во внутренние поселения и необходимость в находившихся там военных гарнизонах отпадала. Поэтому «все по ней учрежденные ландмилицкие полки, а также инженерные и артиллерийские служители с тамошнею артиллериею» переводились на Оренбургскую линию. В 1743 г. из Самары и Алексеевска на Оренбургскую линию были переведены 4 роты казаков, 2 роты дворян и 150 уфимских казаков. Все они первоначально поселились в Оренбурге, а затем были переведе-

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6890, 11 февраля 1736.

² ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа 1739.

³ См.: В. Н. Витевский. И. И. Неплюев. Казань. 1891, с. 44; А. Ф. Рязанов. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928.

⁴ ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа.

ны в особую слободу около него, ставшую в дальнейшем форштадом Оренбурга. Таким образом в начале 40-х годов XVIII в. в крае оказалось достаточно таких контингентов лиц, из которых можно было создать новое казачье войско.

Именно в это время, т. е. в начале 40-х годов XVIII в., вновь настойчиво проводится идея создания в Оренбургском крае такой военной силы, которая бы постоянно находилась в крепостях. Этой силой могло быть вновь созданное казачье войско. Возглавив Оренбургскую комиссию, Неплюев с присущей ему настойчивостью колонизатора стал добиваться его формирования.

В должность начальника Оренбургской комиссии Неплюев вступил в 1741 г., когда, наконец, царизму удалось подавить начавшееся в 1735 г. восстание башкир. Внутренняя обстановка благоприятствовала реализации мероприятий, касавшихся административно-территориального устройства края, учитывая интересы господствующего класса.

Требовалось создать такой местный аппарат управления, который был бы способен не только подавлять, но и предупреждать восстания, практически осуществлять государственные функции. Поэтому деятельность правительства и была направлена прежде всего на организацию системы управления краем, позволявшей твердо держать в узде эксплуатируемое большинство. Речь шла и о введении административно-территориального устройства, дававшего возможность господствующему классу успешно осуществлять и свои внешнеполитические задачи.

В 1744 г. Указом Елизаветы Петровны учреждается Оренбургская губерния, в состав которой вошли Уфимская и Исетская провинция, Яицкое казачье войско, Ставропольский уезд, Младший и Средний жузы и Оренбургская комиссия.

Учреждение губернии усилило власть и влияние русского господствующего класса в обширном Оренбургском крае. Линии Оренбургской кордонной системы были разделены на восемь дистанций: Нижнеяицкую, Верхнеяицкую, Нижнеуйскую, Верхнеуйскую, Красногорскую, Орскую, Сакмарскую, Самарскую и Оренбургский дистрикт. Дистанции включали в себя определенное количество крепостей с их редутами и пикетами. Во главе дистанции стоял офицер регулярной армии. Ему подчи-

нялись все регулярные части и нерегулярные команды, в первую очередь казачьи отряды.

Цель деления Оренбургской линии на дистанции заключалась в том, чтобы упорядочить в крепостях, на пикетах и редутах гарнизонную и сторожевую службы, централизовать управление военной силой, дислоцированной на пограничных кордонах.

Но по-прежнему острым оставался вопрос об увеличении на Оренбургской линии «легких войск». Этому вопросу Неплюев придавал серьезное значение. В своих проектах и отчетах в столицу он настойчиво доказывал, что в несении гарнизонной и особенно сторожевой службы превосходство, по сравнению с драгунскими ротами, не говоря уже о ландмилицких пехотных, принадлежит казачьим отрядам. Неплюев являлся сторонником создания специального органа по управлению нерегулярными отрядами, органа, сконцентрировавшего бы руководство всеми разрозненными и разбросанными по крепостям, редутам и пикетам отрядами казаков.

В 1748 г. коллегия военных дел приняла специальный указ об организации Оренбургского нерегулярного войска и о введении института войскового атамана¹. В состав Оренбургского нерегулярного войска вошли: самарские, уфимские, алексеевские городовые казаки, Ставропольское войско крещеных калмыков, исетские казаки, отдельные команды Яицкого, Донского и Малороссийского казачьих войск, служилые дворяне и боярские дети, отставные солдаты, а также все зачисленные по указу Сената от 27 июля 1744 года «сходцы» (пришельцы), поселившиеся в крепостях Оренбургской линии.

Образование Оренбургского нерегулярного войска внесло серьезные изменения в порядок и характер казачьей службы, службы регулярных войск на всех пограничных линиях Оренбургской укрепленной системы².

В основу службы Оренбургского нерегулярного войска были положены главные принципы Устава о сторожевой службе городовых казаков 1571 г. Поэтому необходимо остановиться, хотя бы кратко, на истории возникновения, характере и сущности службы таких казаков.

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 36.

² Там же, с. 34—40.

§ 3. Городовые казаки

Впервые упоминание об этом военно-служилом сословии встречается в 1444 г.¹, когда расширявшиеся границы Московского государства, особенно на юг и юго-восток, обусловили увеличение пограничной стражи. Именно тогда возникает особый разряд служилых людей — «городовых казаков». Они постоянно несли сторожевую службу, выезжали в степь, наблюдали за движением татар, захватывали «языки» и доставляли их воеводам.

Городовые казаки не имели единой военной организации. Поступившие на службу в одиночку, по примеру стрельцов, формировались в приборы и сотни, которые объединялись в городские полки под началом тех, кто назначался правительством из детей боярских. Части получали наименования тех пограничных городов, в которых казаки несли службу. Использовались части только для защиты городов и для отражения неприятеля на границах.

Более сложные служебные обязанности выполняли станичные и сторожевые казаки, те, которые поступали на постоянную службу Московскому правительству целыми отрядами (станциями) и сторожами.

Станичные отряды сохраняли своих выборных атаманов, подчинявшихся непосредственно городскому воеводе. Правительство поручало атаманам набор казаков под свою команду. В служебные обязанности станичных и сторожевых казаков входили разъезды в глубь степей, наблюдение за движением татар, сбор о них сведений и передача различной информации всем воеводам. В случае внезапного нападения татар казаки должны были защищать пограничные города. За несение сторожевой службы они получали определенное количество земли, особое жалованье, превышавшее жалованья полковых или городских казаков, и вознаграждались за все убытки и потери, которые несли, будучи в разъездах. Вооружение и лошади приобретались за свой счет.

Но несмотря на все эти различия, сторожевые и станичные казаки не составляли особый вид казачества или

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 34—40; Столетие Военного Министерства. Т. XI, ч. 3, СПб, 1907.

военного разряда, а входили в состав городских казаков¹.

С возникновением Заокской, а затем и Закамской линии крепостей, их гарнизоны состояли преимущественно из городских казаков и стрельцов. Так, на юго-востоке империи появились самарские, алексеевские и уфимские городские казаки. С началом зарождения абсолютизма в России происходит ряд изменений в положении и несении службы городских казаков, которые стали поступать на укомплектование специальных (своего рода гвардейских) и пехотных полков, направлявшихся для усиления Закамской линии.

Стремясь к упрочению своей власти и расширению социальной базы феодального государства, русские цари вносят изменения в порядок несения службы городских казаков и изменяют порядок вознаграждения за нее. Если в XVI в. городские казаки получали за свою службу и землю, и денежное, и хлебное жалование, то в XVII в. выдача наделов стала превалировать над денежным вознаграждением. В результате городские казаки стали делиться на поместных и беспоместных. Первые владели поместьями, отбывая за это службу, как дворяне и боярские дети, вторые же составляли род поселенного войска, как стрельцы и рейтары. Поместные городские казаки, как правило, несли конную службу и входили в состав городских полков; беспоместные — пешую и, делясь на сотни, причислялись к войску того города, в котором жили. К службе они привлекались по мере необходимости. Набираемые из вольных и нетяглых людей они могли переходить в драгуны, рейтары и солдаты.

В 1680 г., согласно указу царя, значительная часть городских казаков была переведена «служить солдатскую службу и писать их солдатами»². Однако часть городских казаков осталась. Не коснулся этот указ волжских, уфимских и сибирских городских казаков, которые по-прежнему получали за службу жалование и наделы. Так, например, уфимские казаки совместно с дворянами и иноземцами получили землю, отведенную вокруг города на 15 верст. На этих землях служилым людям были

¹ П. И. Рычков ошибочно считал городских казаков, служивших на конях, стрельцами на том основании, что городские казаки подчинялись стрелецкому приказу. См.: Акты археологические. Комментарии. Т. I, № 289.

² ПСЗ. Т. I, № 844.

«даны четвертные пашни, и всякие угоды отведены».

Хлебопашеством уфимские городовые казаки не занимались, а, имея пастбища и сенокосы, разводили скот. Землей пользовались сообща. Поэтому уфимские городовые казаки не делились на поместных и беспоместных, о чем однако в литературных источниках не упоминается. Вместе с другими служилыми людьми эти казаки составляли городской полк, который находился в распоряжении уфимского воеводы. Эти казаки несли непрерывную разведывательную службу, высылались в караулы и дозоры, а в свободное от этого время заготавливали дрова, выполняя различные строительные и фортификационные работы, разные поручения воевод.

Пополнялись ряды уфимских казаков за счет беглецов и пришельцев. Правда, правительство неоднократно распоряжалось выселять всех беглых с окраин государства за исключением тех, которые на новых местах приписывались к какому-либо обществу. Пользуясь такой оговоркой, беглые крестьяне, холопы, раскольники охотно записывались в казаки или приписывались к городам.

На основании сказанного выше можно сделать ряд выводов. Во-первых, городовые казаки — это особый разряд ратных людей. Он появился тогда, когда царизм был заинтересован в заселении пограничных городов и усилении защиты границ. Во-вторых, военную службу городовых казаков, в том числе и станичных, контролировало государство. Делалось это с помощью лиц, специально назначаемых правительством из числа боярских детей. В-третьих, городовые казаки, как особый разряд ратных людей, набирались из вольных казаков, боевая смелость которых была хорошо известна. Им отдавалась та земля, которую предстояло еще защищать от кочевников, утвердить за Московским государством. Поэтому не случайно, что численный состав городовых казаков постоянно увеличивался. Они представляли не только военную, но и рабочую силу для строительства линий крепостей на Яике и его притоках.

В 1736 г. статский советник¹ И. И. Кирилов, представляя императрице свои соображения об устройстве Оренбургского края, предлагал создать из городовых волжских, уфимских и других казаков отдельное войско.

¹ Пожалован был Кирилов этим званием в мае 1734 г. См.: П. И. Рычков. История Оренбургская, с. 29

Городовые казаки полностью зависели от правительства. В эпоху царствования Ивана Грозного они подчинялись стрелецкому приказу и наравне со стрельцами, в противоположность дворянам и детям боярским, которые находились в ведомстве Разряда, составляли особый разряд войска.

Что же представляло из себя Оренбургское нерегулярное войско, какой характер носила здесь служба, в чем заключалась ее сущность?

Прежде всего следует отметить, что все правительственные указы, предусматривавшие учреждение нерегулярного войска, содержали такие правовые нормы, которые отделяли военную гарнизонную службу в крепостях от сторожевой службы на пикетах и в степи.

Указами определялось содержание гарнизонной и сторожевой службы. В Ставрополе, Самаре и Алексеевске служба 250 казаков состояла главным образом в несении «градских караулов, конвое, содержании почты, посылках в калмыцкие улусы для смотрения за калмыцкими командами»¹. Все казаки, которые несли эти виды службы, жалованья не получали и назывались безжалованными. Они наделялись землей и сенокосами и выставляли из своей среды на постоянную службу не более одной четвертой части безжалованных казаков. В шести крепостях Исетской провинции (Чебаркульской, Челябинской, Миасской, Уйской, Еткульской и Карагайской) одна четвертая часть от 1300 безжалованных казаков несла постоянно «градские караулы», конвой, содержала почту и отбывала сторожевую службу на Уйской укрепленной линии. Одна четвертая часть от 1100 безжалованных казаков Красноуфимской, Ельдяцкой и Нагайбакской крепостей Уфимской провинции несла «градские караулы», а летом, кроме того, отбывала сторожевую службу под Оренбургом.

Все безжалованные казаки Ставрополя, Самары, Алексеевска, Исетской и Уфимской провинции составляли Оренбургское нерегулярное войско. В состав его входили также казаки Бузулукской, Ельшанской, Бердской, Красносамарской, Мочинской и других крепостей. Здесь они прежде вместе с регулярным войском несли гарни-

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 34.

зонную службу, а после образования войска были отнесены в разряд безжалованных казаков.

Сравнивая Оренбургское нерегулярное войско с организационной структурой и сторожевой службой городских казаков времен Ивана Грозного и Михаила Федоровича, можно обнаружить некоторую преемственность.

Однако царизм 40-х годов XVIII в. не просто перенял Устав городских казаков XVI и XVII вв. Он пошел дальше и, совершенствуя организационную структуру городских казаков, значительно ее модернизировал, приспособив к новым условиям, с учетом возросших классовых интересов абсолютистского государства.

Принципиально новым, в отличие от прошлой организации городских казаков, явилось формирование Оренбургского нерегулярного корпуса. Появление его было вызвано необычайно быстрым ростом торговли с казахскими и среднеазиатскими ханствами, центром которой стал Оренбург. Торговля здесь велась круглый год, но особенно интенсивный характер она приобретала летом. В это же время года кочевья многих казахских родов Среднего и Младшего жузов перемещались в междуречье Тобола и Яика. В этом районе концентрировались многочисленные, враждовавшие между собой и с ханами Среднего и Младшего жузов, султаны и бан. Большинство из них продолжали рассматривать набеги и войны как важный источник своего обогащения. Феодалы-кочевники создавали особые конные отряды (100—200 всадников), каждый всадник имел два быстрых коня. Такие отряды были очень мобильны, они совершали внезапные налеты и почти безнаказанно возвращались в свои кочевья, увозя богатую добычу.

К борьбе с этими отрядами регулярные части были не приспособлены и, выражаясь языком указа военной коллегии, «будучи отягощены ружьем и амуницией догонять весьма не могут, чему... были многие примеры»¹. Поэтому «во всех оных местах необходимая потребность состоит, чтобы при регулярных были исправные нерегулярные люди, которые к поискам и посылкам во всякие партии пред регулярными всегда бывают наиболее, особливо в

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 33.

Оренбурге, таких нерегулярных людей для всяких чрезвычайных случаев и командировок знатное нерегулярное войско иметь не только потребно, но и весьма нужно»¹, ибо в летнее время, когда торговля становится более оживленной, учащаются многочисленные набеги кочевников. Для их пресечения в крепостях и форпостах предписывалось содержать регулярные и нерегулярные части, при этом подчеркивалось, что военную гарнизонную службу в крепостях и форпостах должны нести главным образом регулярные войска, а нерегулярные употреблять и посылать в прочие «отводные караулы, разъезды, партии, конвои», а «сверх того, им же всем надлежит и в посылки и в партии во всегдашней готовности быть»².

На пограничных линиях казакам предписывалось содержать пикеты и разъезды, а между пикетами и укреплениями охранять прилинейных жителей, скот, посе-вы и т. д.

Для несения военной, главным образом сторожевой, караульной, пикетной службы, «для всяких чрезвычайных случаев и командировок» было сформировано особое, как выразился сам законодатель, «знатное нерегулярное войско»³ или Оренбургский нерегулярный корпус. Он имел свой особый статут, который устанавливал порядок формирования, определял сущность и характер службы и т. д. Основу корпуса составили самарские, уфимские и алексеевские казаки, находившиеся только в городе Оренбурге, или точнее говоря — в форштадте. В состав корпуса вошли казаки Бердской крепости. Они использовались для несения караулов у загородного дома оренбургских губернаторов, у знамен в Оренбурге и т. д.

Штат Оренбургского нерегулярного корпуса, введенный в 1753 г., состоял из 650 казаков. Из них 550 находились в Оренбурге, остальные в крепости Берде, расположенной в 7 верстах от города. В дальнейшем штат был увеличен.

С момента формирования корпус выступает как особая команда нерегулярного войска и составляет своего рода его гвардейскую часть. Именно на нее и возлагал

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 33.

² Там же.

³ Там же.

Неплюев особенно большие надежды в решении поставленных перед ним задач.

Почти два года Неплюев внимательно следил за тем, как служат казаки корпуса. Высоко оценив их службу, он в декабре 1754 г. представил обширный доклад в Военную коллегию, в котором ходатайствовал об увеличении штата корпуса. Военная коллегия признала доводы Неплюева обоснованными и в 1755 г. утвердила новый штат корпуса. Его личный состав был увеличен до «тысячи человек одних рядовых», а вместе с офицерами и чиновниками — до 1094 человека.

Одновременно с нерегулярным корпусом возрос и личный состав Оренбургского нерегулярного войска.

Особенности образования Оренбургского казачьего войска и его отличия как от городских казаков, так и от казачьих войск Дона или Яика найдут свое подтверждение при рассмотрении штатов Оренбургского нерегулярного войска и Оренбургского нерегулярного корпуса, их системы управления и других атрибутов, из которых складывались эти институты.

ГЛАВА IV

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ОРЕНБУРГСКОГО НЕРЕГУЛЯРНОГО ВОЙСКА И ОРЕНБУРГСКОГО НЕРЕГУЛЯРНОГО КОРПУСА. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКОМ И КОРПУСОМ

Оренбургское казачье войско возникло в то время, когда царизм дал соответствующую оценку положительным и отрицательным сторонам казачества других регионов империи, после активного его вмешательства не только в военную, но и в экономическую жизнь казаков. Особенно решительно изменил внутренний быт всего казачества, его порядок служения русскому государству Петр I. Он сумел воспользоваться казачьими войсками для осуществления своей обширной внешнеполитической программы. С этого момента казачество теряет свою самостоятельность и вливается в единый организм абсолютистского государства. Подчинив казаков военной коллегии, Петр I сохраняет за ними на время некоторое внут-

ренное самоуправление, кое-какие вековые обычаи и старые порядки. Следует отметить, что царь приобщил казаков к хлебопашеству и к коневодству.

По мере расширения границ империи на юго-восток и восток районы вековых казачьих поселений из окраинных и пограничных превращались во внутренние провинции. Управление здесь осуществлялось на основе законов, действующих в стране. Многие старые казачьи порядки, изжившие себя, автоматически исчезали, другие уничтожались высочайшими указами. Если раньше, например, войсковой атаман, избранный войсковым кругом, становился носителем верховной власти в войске без всякого вмешательства извне, то с 1718 года положение изменилось. Избранный атаман утверждался императорской властью.

О том, как использовалось казачество в интересах абсолютистского государства, свидетельствует пример Яицкого казачьего войска. По велению Петра I оно за период его царствования участвовало в одиннадцати походах. В хивинском походе Бековича-Черкасского приняли участие 1500 яицких казаков. С 1724 г. яицкие казаки стали нести службу на Кавказе.

Не довольствуясь временным использованием яицких казаков в военных действиях, Петр I стремился иметь в лице Яицкого войска постоянную и в то же время полностью зависящую от него военную силу. В этих целях он решительно вторгается во внутреннюю жизнь войска, ломая его вековой казачий демократизм. В 1723 г. Петр I отправляет к яицким казакам полковника казанского гарнизона Захарова для реорганизации внутреннего устройства их войска. После этой поездки царь назначил войсковым атаманом Григория Меркурьева. Так был положен конец избранию атамана самими казаками — традиции, существовавшей века. Все войско было разделено на сотни и десятки.

Яицкие казаки встретили преобразования Петра I и особенно его указ о назначении Меркурьева атаманом враждебно. 27 лет они вели борьбу против Меркурьева и только в 1740 г. царским указом он был лишен атаманства.

Тем же указом яицким казакам объявлялось, что отныне на должность войскового атамана они обязаны представлять трех кандидатов. «Всеми яицкими старши-

нами и казаками,— гласил указ,— выбрав, с общего всех согласия, кандидатов 3-х человек из заслуженных, богобоязливых, верных и в войсковом деле по их обыкновению искусных людей и учиня на них выбор, с прописанием службы и достоинства их, прислать в военную коллегию»¹.

Атаман Яицкого войска подчинялся оренбургскому губернатору. Войсковой круг был лишен функции высшего органа Яицкого войска, за ним сохранялось решение домашних и общественных дел (когда проводить рыбный лов, ремонтировать и строить дома и т. д.). Все остальные вопросы входили в компетенцию атамана и старшин на основе «высочайших указов». Предписания, поступившие из центра, от губернатора и атамана, объявлялись в Войсковом кругу и в станичных кругах. При этом мнения казаков не выслушивались.

Посетивший в 1748 г. Яицкое войско по указанию Военной коллегии Неплюев писал: «Ныне те казачьи вольности пообузданы, ибо хотя кто вопреки атаманского и старшинского мнения в кругу что и заговорил, но атаман со старшинами не взирая на то, как надлежит по указам исполняет»².

Таким образом, царизм ликвидировал в среде Яицкого казачьего войска все то, что тормозило достижение главной его цели — полное подчинение казаков феодальному государству, а также использование их в интересах господствующего класса помещиков и зарождающейся буржуазии. Но русский абсолютизм, осуществляя свою внешнеполитическую программу, в частности на юго-востоке, поддерживал самобытные казачьи обычаи, создавал новые казачьи поселения, допуская некоторые элементы казачьего самоуправления, которые, однако, строго подчинялись военным и государственным органам. Это относилось и к Оренбургскому казачьему войску. Оно создавалось в административном порядке в условиях продолжавшегося наступления царизма на казачий демократизм и казачье самоуправление.

Политика царизма, направленная на ограничение казачьей вольности, особо заметно дала себя знать в про-

¹ ПСЗ. Т. IX, № 8215, 25 августа 1740.

² В. Н. Витевский. И. И. Неплюев. Казань, 1891, с. 83.

цессе образования Оренбургского войска и корпуса, организации системы их управления. Если в отношении казачьих войск, возникших ранее, абсолютизм проводил политику ограничения и вытеснения казачьей вольности вместе с ее системой самоуправления, то при образовании Оренбургского казачьего войска и корпуса бывшие казахи устои не вводились. Если они и допускались, то в дозах, очень ограниченных, и в узких рамках. Анализ правительственных актов, содержащих предписания о введении штата и о создании системы управления войском и корпусом, убедительно это подтверждает.

В 1755 г. Военная коллегия утвердила штат Оренбургского нерегулярного войска и Оренбургского нерегулярного корпуса¹. По сравнению со штатом 1753 г. личный состав увеличился. Были определены и «источники» формирования нерегулярного корпуса. Он комплектовался из казачьих детей Оренбурга, Уфы, Алексеевска, Самары и Ставрополя. Кроме того, здесь набрали 450 казаков и всех их расквартировали в Оренбурге. В состав корпуса вошли также крещеные калмыки, находившиеся в этом городе с 1746 г.

Но главным резервом пополнения корпуса являлись уфимские городовые казаки, отнесенные в разряд маложалованных.

Сверх указанного штата, в помощь регулярным и нерегулярным войскам, находившимся в Оренбурге и вблизи лежащих от него крепостей, ежегодно с I мая по I ноября по указанию из центра для «содержания форпостов и по всякой осторожности» направлялись отряды, сформированные из башкир, мещеряков, служилых татар и других «иноверцев».

Так, из Уфимской провинции каждое лето под Оренбург отправлялось 1469 человек; из Исетской провинции на Уйскую линию — 500 человек, от Ставропольского ведомства — 300 крещеных калмыков. Все эти «иноверцы» в дальнейшем были включены в состав нерегулярного войска.

Таким образом правительство, создавая «легкое войско», концентрирует его в районе Оренбурга. Делалось

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 39.

это для усиления обороны города, ставшего к тому времени крупным торговым центром огромного Оренбургского края.

Состав корпуса на протяжении второй половины XVIII в. не был постоянным. Он то увеличивался, то уменьшался. Все зависело от внутренней обстановки и определялось изменениями, происходившими на внешней стороне пограничной линии. В конце 60-х и в начале 70-х годов XVIII в. корпус насчитывал 10 рот, из них две были сформированы из крещеных калмыков.

Оренбургский нерегулярный корпус, как особая команда войска, выделял для несения сторожевой службы в окрестностях Оренбурга и для разъездов в степи половину своего состава, а если того требовали чрезвычайные обстоятельства и больше казаков.

Во время Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева Оренбургский казачий корпус, расквартированный в Оренбурге, сражался на стороне правительственных войск и понес большие потери. С конца 70-х годов XVIII в. к корпусу начали прикомандировываться регулярные части.

В 1785 г. на вновь учрежденную должность Симбирского и Уфимского генерал-губернатора и командующего войсками вступил барон О. А. Игельстром. Состояние войск Оренбургского края, особенно Оренбургского нерегулярного корпуса, он признал неудовлетворительным. Наделенный огромными полномочиями барон приступил к их реорганизации.

Из корпуса был создан отдельный конный казачий полк. Согласно предписанию генерал-губернатора он перешел в подчинение регулярного штаб-офицера полковника Гранкина, а через год — в подчинение командира I батальона мушкетерского полка премьер-майора В. Уварова. Функции войсковой канцелярии сократились, ей поручалось только наблюдение за исправным комплектованием казачьего полка «малолетками». В 1793 г. личный состав казачьего полка возрос до 1094 человек, и он вновь был переименован в корпус. Это название, как и прежде, стало определять всю совокупность казаков, проживающих в Оренбурге и Бердской слободе, с включением и крещеных калмыков, входивших в состав корпуса со времен Неплюева. Но постепенно в отчетах войсковой канцелярии и в докладах Военной коллегии корпус стал име-

новаться «тысячным казачьим полком»¹. Одна треть его казаков несла службу, остальные находились дома и занимались хозяйством. Характер службы, ее место и время оставались в основном прежними.

Так выглядело военное устройство Оренбургского нерегулярного корпуса с момента его формирования до вхождения в единое Оренбургское казачье войско.

Представляют интерес и административные стороны Оренбургского нерегулярного войска.

Как отмечалось выше, в 1755 г. Военная коллегия определила его штат. В состав войска вошли маложалованные и безжалованные казаки Оренбургского и Ставропольского ведомств, Уфимской и Исетской провинций. Так, Исетское казачье войско насчитывало 1380 казаков, в том числе 6 есаулов, 6 сотников, 6 хорунжих и 6 писарей. Исетское войско имело своего атамана, 8 старшин и Войсковую избу.

В состав Войсковой избы входили войсковой атаман, войсковой хорунжий и войсковой писарь. Наличие этих должностей свидетельствовало о некоторой, хотя и очень относительной самостоятельности Исетского войска, а также и о том, что царизм ценил его как военно-административное учреждение и как военную силу. Именно поэтому на протяжении длительного периода он мирился с кучыми остатками казачьей самостоятельности и казачьим демократизмом.

В 1798 г. все Оренбургское казачье войско было разделено на пять кантонов. Исетское войско вошло в состав 1-го и 2-го кантонов. И если исетские казаки до 1803 г. и сохранили некоторые признаки своей относительно былой самостоятельности (свое управление под названием «исетские войсковые дела» и звания «войсковой атаман», «войсковой хорунжий», «войсковой писарь»), то это уже не соответствовало тогдашнему их положению.

Согласно новому штату войсковой канцелярии, оренбургский генерал-губернатор Г. С. Волконский назначил в состав непрременных ее членов войскового атамана Исетского казачьего войска полкового есаула Д. Ханжина, а в состав секретарей — бывшего войскового писаря П. Бухарина. С этого времени звание войскового атамана исет-

¹ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Оренбург, 1899, с. 102.

ских казаков было окончательно упразднено. Упразднились также сами собой и исетские войсковые дела.

Должность войскового атамана исетских казаков просуществовала до 1803 г., т. е. до создания нового штаба войсковой канцелярии.

Каждая из шести крепостей Исетской линии имела своего атамана, старшину, есаула, сотника, хорунжего, писаря и рядовых казаков. Число их для той или иной крепости не было строго определено. Поэтому и количество рядовых казаков являлось далеко не одинаковым. Так, в Челябинской их насчитывалось 354, в Чебаркульской — 291, в Миасской — 143, в Еткульской — 309 и т. д.

Свои особенности имели и городовые казаки Уфимской провинции. За свою службу они получали незначительное жалование из казны и были своеобразным резервом Оренбургского нерегулярного корпуса.

Кроме уфимских городских казаков в четырех крепостях провинции — Красноуфимской, Табынской, Ельдытской и Нагайбакской — находились безжалованные казаки. В штат всех этих крепостей входили 4 есаула, 4 сотника, 4 хорунжих, 4 писаря и 1084 рядовых казака — всего 1100 казаков.

Контингент рядовых казаков по крепостям распределялся неравномерно. Табынская, например, имела 100, Ельдытская — 100, Красноуфимская — 300 и Нагайбакская — 600 рядовых безжалованных казаков. Такая структура в Уфимской провинции действовала до начала XIX в.

В Оренбургское нерегулярное войско входили казачьи отряды, несшие службу на той части территории Оренбургской губернии, которая подчинялась Оренбургскому ведомству. Казачьи отряды этого ведомства, разбросанные по 15 крепостям Нижнеяицкой, Верхнеяицкой и Сакмарской линий, насчитывали 800 казаков: 450 маложалованных и 350 малолеток. В отличие от Исетской и Уфимской провинций, в крепостях Оренбургского ведомства количество казаков было почти одинаковым: по 50 в каждой.

Своей спецификой отличалось казачество Ставропольского ведомства. Прежде всего следует отметить, что главный контингент казаков здесь составляли крещеные калмыки. Военное устройство, введенное для них, напоминало казацкое. Все калмыки были разделены на 8 рот под начальством знатных калмыков (зайсангов), которые

представляли тип казачьего старшины. На службу в Оренбург ежегодно являлись 300 калмыков во главе с лучшим зайсангом.

Кроме калмыцких рот в Ставропольском ведомстве было определено на службу 250 безжалованных казаков, разделенных на три отряда. Каждый из них имел по одному атаману, хорунжему и одного писаря.

Так выглядели те составные части, из которых было создано Оренбургское нерегулярное войско. Несмотря на различное социальное происхождение, на принадлежность к разным сословиям, социальным группам и классам и, наконец, невзирая на неодинаковый уровень экономического положения эти части имели и общие интересы, которые их объединяли, — несение сторожевой службы на пограничных кордонах очень разветвленной Оренбургской укрепленной линии. Разбросанные по обширным просторам Южного Урала и ранее не связанные между собой эти части с образованием войска получили единое военное устройство и управление. Введенный в 1748 г. Военной коллегией институт войскового атамана был распространен и на корпус и на войско.

Атаманом корпуса и нерегулярного войска являлось одно и то же лицо. Первым их атаманом правительство назначило сотника самарских городских казаков В. И. Могутова. В указе Военной коллегии говорилось: «...При всех казаках, где они есть, кроме яицких, быть войсковым атаманом Могутову»¹.

Управляли регулярным войском и корпусом и помогали атаману войсковой есаул и писарь. Все они вместе составляли Войсковую избу или так называемые войсковые казачьи дела, т.е. первое казачье военно-административное управление Оренбургского корпуса и войска. Таким образом, в создании нерегулярного войска и корпуса, а также в организации системы управления ими казаки никакого участия не принимали; они не избирали ни атамана, ни членов Войсковой избы. Замещение всех должностей высшего, среднего и большей частью низшего звеньев осуществлялось центральными и местными государственными органами.

Таким образом царизм, вводя систему управления

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3, с. 42.

нерегулярным войском и корпусом, не допускал никаких выборных начал. С момента образования войска и корпуса он стремится подчинить себе атаманов и старшин. Так, назначенный правительством атаманом Могутов всецело зависел от оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Указ предписывал ему «состоять единственно в команде тайного советника и оренбургского губернатора и Оренбургской губернской канцелярии»¹. Права Могутова были ограничены. Он даже не мог набирать в штат корпуса рядовых казаков и увольнять их, не говоря уже о назначении атаманов и чиновников корпуса. Все эти вопросы решала военно-походная канцелярия Неплюева. Как свидетельствует указ Оренбургской губернской канцелярии от 11 мая 1755 г., все казаки, определявшиеся в нерегулярный корпус, должны были осматриваться лично Неплюевым. Лишь после этого они определялись на службу. Казаки, зачисленные в корпус, принимали присягу и подписывали клятвенное обещание.

Неплюев назначал и войсковых старшин. Производство в хорунжие и в сотники осуществлялось через его военно-походную канцелярию.

Традиционный высший орган власти вольных казачьих войск — Казачий круг (или Войсковой казачий круг), когда учреждалось Оренбургское казачье войско, был решительно отвергнут. Войсковая изба, созданная при атамане, не наделялась функциями верховного казачьего органа в войске и корпусе, а являлась лишь исполнительным органом всех предписаний центральных и губернских государственных ведомств. Войсковая изба напоминала скорее канцелярию по техническому делопроизводству и казачьему «письмоводству».

О том, какие исключительно большие права имел оренбургский губернатор в отношении казачьих войск, свидетельствовал указ Военной коллегии, вышедший в связи с отъездом Неплюева из Оренбурга. Указ предписывал всем войскам, впредь до прибытия нового губернатора, подчиняться бригадирам Путятину и Бахметьеву. Учитывая мнение Неплюева, Военная коллегия разделила все регулярные и нерегулярные части, имевшиеся в губернии, на две бригады. Руководство одной

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 39.

из них — на Уйской линии — было поручено бригадире из оренбургских комендантов Бахметьеву (ему же были вверены также и исетские казаки); вторую бригаду — все остальные регулярные и нерегулярные войска, находившиеся в Оренбурге и губернии, в т.ч. казаки нерегулярного корпуса, Уфимской провинции и по Оренбургской линии, а также крещеные калмыки — возглавил князь Путятин. Обоим бригадирам предлагалось рапортовать о всех делах непосредственно в Военную коллегию.

Приведенные факты наглядно показывают, что Оренбургское нерегулярное войско и нерегулярный корпус полностью зависели от губернаторской власти. Таким образом, Оренбургское казачье войско, как детище царизма, с самого начала своего существования оказалось под контролем абсолютистского государства в лице его местных представителей. В еще большей зависимости от губернаторской власти и от офицеров регулярной армии находились казаки нерегулярного войска, которые несли гарнизонную и сторожевую службу в крепостях и форпостах. Всеми пограничными оборонительными линиями, разделенными на восемь дистанций, руководили командиры из числа штаб-офицеров регулярной армии. В их руках были сосредоточены военные, пограничные, административные, судебные дела и дела «по полицмейстерской части», т.е. вся полнота власти. Крепости, редуты, форпосты и другие военные поселения, находившиеся как вдоль оборонительных линий, так и внутри их, были разобщены. Все они целиком зависели от офицеров регулярной армии, исполнявших обязанности комендантов крепостей, командиров гарнизонов, комиссаров дистанции. Жизнь казаков здесь и во время разъездов в степи регулировалась специальной инструкцией, составленной Оренбургской губернской канцелярией для комиссаров дистанции.

Указы, инструкции Военной коллегии и Оренбургской губернской канцелярии предписывали осуществлять самый строгий контроль над отрядами казаков, «определяя к ним надежных людей», «постоянно проводить им смотры»¹. Отрядам казаков, располагавшимся в кре-

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 35.

постях пограничных линий, только «в особых случаях» поручались наряды на службу от войскового атамана Могутова. Что касалось повседневной службы, то она определялась командирами крепостей и форпостов и осуществлялась под их контролем.

Царизм вел борьбу с казачьей вольностью, игнорировал казачье самоуправление. При этом он опирался на верхушку зажиточной части казачества, которая сама уже давно тяготилась казачьим демократизмом. Не случайно царское правительство во время выборов органов самоуправления настойчиво стремилось к тому, чтобы туда были избраны именно зажиточные казаки. «Особенно смотреть,— говорилось в одном документе,— чтобы их атаманы и старшины были люди добросостоятельные и к воинским действиям благонадежные и перед рядовыми как в лошадях, так и в ружье имели наилучшую исправность»¹.

Этот документ вскрывает всю сущность политики правительства по отношению к казачеству. Материальный принцип бесспорно служил лейтмотивом при назначении атаманов или старшин. Но продолжая наступление на казачий демократизм, царизм использовал малейшие возможности для того, чтобы выборность заменить назначением. И такие возможности находились. В этом плане надо сказать о политике, проводившейся оренбургским губернатором Неплюевым в отношении исетского казачества. К тому времени исетские казаки дифференцировались в имущественном отношении, и все выборные должности занимали очень состоятельные, домовитые казаки. Но Неплюева это не устраивало. Он стремился устранить выборность и ввести назначение на должность. Обнаружив, что среди избранных атаманов, старшин, хорунжих и сотников никто не умеет ни читать, ни писать, т.е. не имеет элементарной грамотности, Неплюев назначил зажиточного грамотного сотника исетских казаков Петра Иевлева атаманом Исетского войска и одновременно произвел его в Оренбургский нерегулярный корпус войсковым старшиной. Однако на должность хорунжего и писаря Неплюев никого из исетских казаков не нашел. Тогда хорунжим и писарем он назначил одно-

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 35.

го из чинов Оренбургского нерегулярного корпуса. Так в Исетском казачьем войске началось назначение губернаторской властью на должности, ранее выборные.

Вытесняя казачий демократизм в Исетском войске, Неплюев следовал совету В. Н. Татищева, который в 1737 г., докладывая правительству о яицких казаках, писал: «Я усмотрел, что атаман и старшины грамоте не умеют, законов знать не могут, и потому войсковой и другие писаря что хотят то и пишут, отчего великие беспорядки происходят; поэтому не соизволено ли будет повелеть им... что впредь безграмотных ни в какие достоинства не производить»¹.

Наступление на казачий демократизм не носило локальный характер, оно касалось не только одного Оренбургского казачьего войска. Это наступление осуществлялось в общегосударственном масштабе. Цель его заключалась в том, чтобы искоренить демократизм во всех казачьих войсках. В 1754 г. Донскому казачьему войску запрещалось производство в старшины без соответствующего представления в Военную коллегию. С 1770 г. утрачивают свое значение решения Войскового круга и усиливается власть старшин. Должность атамана перестала быть выборной, атаманы начал назначать император. Благодаря этому усилилось их влияние на все казачьи дела, атаманы стали почти полновластными. Всем главным старшинам и полковникам, участвовавшим в походах и сражениях, были пожалованы штаб-офицерские чины.

Многочисленные документы, начиная от законодательных актов центральных органов власти² и управления³ и кончая указами, инструкциями и распоряжениями оренбургских губернаторов, губернской канцелярии, Военно-походной канцелярии Неплюева, опубликован-

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 20, кн. 10. М., 1962, с. 602.

² Полное собрание законов Российской империи (три его издания) охватывает законодательные акты с 1649 по 1913 гг.

³ Тематические своды. Например, Свод военных постановлений, 1859 и 1869; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам, 1865; Военный сборник, 1877—1879; Сборник воинских и гражданских положений и узаконений, касающихся Оренбургского казачьего войска и др.

ные во многих сборниках¹, позволяют сделать некоторые выводы относительно образования, устройства и системы управления Оренбургского нерегулярного корпуса и Оренбургского нерегулярного войска.

Прежде всего о дате образования Оренбургского казачьего войска. По нашему мнению, начало его формирования следует связывать с деятельностью Оренбургской экспедиции (1735 г.). В 1748 г., руководствуясь императорским указом Елизаветы Петровны, Военная коллегия ввела институт Войскового атамана². Сюда вошли самарские, уфимские и алексеевские городовые казаки, Ставропольское войско крещеных калмыков, исетские казаки, отдельные команды Яицкого, Донского и Малороссийского казачьих войск, служилые дворяне и боярские дети, отставные солдаты, а также все зачисленные по Указу Сената от 27 июля 1744 г. «сходцы» (пришельцы, т.е. беглые люди), поселившиеся в крепостях Оренбургской пограничной линии. Основу созданного войска составили главные принципы Устава о сторожевой службе городских казаков 1571 г. Но царизм 40-х годов XVIII в. не просто механически повторил Устав городских казаков XVI и XVII веков. Организационная структура городских казаков была модернизирована, приспособлена к новым условиям возросших классовых интересов абсолютистского государства. Для несения военной и сторожевой, караульной и пикетной службы, главным образом в Оренбурге, а также «для всяких чрезвычайных случаев и командировок» было сформировано «особое», как выразился сам законодатель, «знатное нерегулярное войско» или «Оренбургский нерегулярный корпус»³. Его составили те отряды самарских, уфимских и алексеевских городских казаков, которые, находясь под командованием начальника Оренбургской экспедиции И. И. Кирилова, несли службу в Орской крепости, а затем были переведены в Оренбург. Из других крепостей

¹ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Составил А. И. Добросмыслов. Т. 1—4. Оренбург, 1900; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1—3. Оренбург, 1903—1904.

² Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 36.

³ Там же, с. 33.

в состав нерегулярного корпуса вошли казаки только одной Бердской крепости, расположенной в 7 верстах от Оренбурга. Согласно новому штату 1755 г., всего корпус имел 1197 человек.

Одновременно со штатом корпуса Военная коллегия ввела и штат Оренбургского нерегулярного войска, численность которого определялась в 3780 казаков. Всего же в рядах войска и корпуса насчитывалось 4877 казаков. При этом корпус входил в состав войска и являлся его своеобразной гвардейской частью.

Характер образования Оренбургского казачьего войска принципиально отличается от характера возникновения других казачьих войск, например, Донского и Яицкого. Прежде всего следует отметить, что эти войска возникли из вольных казачьих общин, основу жизни которых составляли порядки вечевого устройства, сложившиеся самостоятельно внутри общины. Что касается Оренбургского войска, то своим образованием оно всецело было обязано государственной власти Российской империи.

Возникнув по инициативе «снизу», при активном участии самого беглого люда, развиваясь из казачьих вольных общин, Донские и Яицкие казачьи войска действительно представляли собой самобытные народные войска. Этого нельзя сказать об Оренбургском казачьем войске, сформированном абсолютизмом не только из отдельных, ранее не связанных между собой отрядов уфимских, сарматских и алексеевских городских казаков, но и из других разрядов служилых людей, включая служилых дворян, боярских детей, отставных солдат, драгун и т. д.

Иными словами Оренбургское казачье войско не являлось простой суммой соединения различных казачьих отрядов, а представляло хорошо продуманную систему административных мер, направленных на создание «легкого войска», т. е. казачьего войска, которое являлось дешевой военной силой, служившей для выполнения внутренней и внешней программы абсолютистского государства.

Оренбургское казачье войско не было санкционировано монаршей властью, как это имело место в отношении Донского и Яицкого, которые только после длительного самостоятельного существования стали постоянной и со-

ставной частью русского войска. Оренбургское казачье войско учреждается феодальным государством вновь. Причем в основу его образования были положены не институты вольного казачьего демократизма, а организационные принципы, выработанные Московским государством в XVI в. при создании отрядов городских казаков. Вся военная служба городских казаков проходила под непосредственным руководством со стороны государства.

Создавая Оренбургское казачье войско, царизм 40—50-х годов XVIII в. учитывал более чем трехсотлетний период использования городских казаков на службе Московского государства.

Оренбургское казачье войско было создано государственной властью в период наивысшего расцвета абсолютизма, важным атрибутом которого являлась регулярная армия. Это войско формировалось в районе, где находились значительные силы регулярных войск. Опираясь на регулярную армию, слепо ему повиновавшуюся, абсолютизм с начала возникновения Оренбургского казачьего войска ставит его в полную зависимость от офицеров регулярной армии. В этом и состоит одна из принципиальных особенностей и отличий Оренбургского казачьего войска от Донского или Яицкого. В самом деле, разве могли бы появиться на территории Дона или Яика казачьи войска, если бы там находились регулярные части? Конечно, нет. Донское и Яицкое казачьи войска вообще оформлялись в условиях полного отсутствия войск, не говоря уже о регулярных. Что касается Оренбургского казачьего войска, то оно утверждалось абсолютистским государством при наличии на Южном Урале регулярной армии, большинство офицеров которой прошли выучку в гвардейской школе абсолютизма.

Итак, сформированное в административном порядке абсолютистской властью казачье войско явилось оплотом русской колонизации Юго-Востока. Все отмеченные особенности, принципиально отличавшие Оренбургское казачье войско от Донского и Яицкого, оказали огромное влияние на общий ход экономического и политического развития Оренбургского казачьего войска, на его административный и общественный уклад. Казаки Оренбургского регулярного войска, особенно казаки Оренбургского нерегулярного корпуса, не знали вечевого уст-

ройства «вольных казачьих общин». Не знали они и того широкого казачьего демократизма, которым был проникнут общественный строй вольного казачества.

ГЛАВА V

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОСНОВЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЙСКА

В процессе формирования Оренбургского казачьего войска складывались и материальные принципы службы казаков. В первые годы деятельности Оренбургской экспедиции, в состав которой входили и казаки, четких правительственных указаний об их материальном содержании не было. В инструкции статскому советнику Ивану Кирилову в части, касающейся казаков, говорилось: «А нерегулярные все имели ружье и исправность к воинскому делу, и взять на них жалованье из тех доходов, из каких наперед сего давалось...»¹. Как начальнику Оренбургской экспедиции Кирилову предоставлялось право на месте определять размер жалованья и источники его получения. К сожалению, в докладах правительству Кирилов не указывал, каким образом он решал этот вопрос. В этом отношении существуют только косвенные сведения. Казаки, принимавшие участие в подавлении восстания башкир, получали содержание, т.е. жалованье и наравне с солдатами провиант или, если несли гарнизонную службу, содержались как служилые люди (как городовые казаки, солдаты и т. д.).

С 1736 г. в правительственных актах появляются некоторые указания относительно содержания казаков. Но многие указания носили противоречивый характер и порой были непонятны. Так, именной указ от 11 февраля 1736 г., где говорилось о наборе сибирских и теченских крестьян в казаки, предписывал Кирилову «... подушный за них оклад платить из Оренбурга...»². Какие-либо другие пояснения в указе отсутствовали. Поэтому можно предположить, что сибирские крестьяне, записанные в казаки, освобождались от подушного оклада, никаких других материальных вознаграждений не получали и

¹ ПСЗ. Т. IX, № 6576, 18 мая 1734.

² ПСЗ. Т. IX, № 6890, 11 февраля 1737.

несли службу за свой счет. Это предположение подтверждает указ 1739 г. В нем, в частности, говорилось о том, чтобы набранных в Сибири казачьих детей «...определить в казаки без жалованья»¹.

Однако в данном случае имелись в виду сибирские казаки. Как же обстояло дело с записанными в казаки из других районов и направленных на Оренбургскую линию? Согласно указу от 11 февраля 1736 г. в казаки предписывалось зачислять уфимских служилых мещеряков и «дать им жалованья против волжских казаков». Сведения о размерах жалованья этих казаков имеются в «резолуции кабинет-министров на доклад Военной коллегии». «В прошлом 1734 г.,— говорится в резолюции,— по определению Сената, велено самарским казакам жалования производить из штатс-конторы, а именно: атаману денег 40 руб. да хлеба 12 юфтей, сотникам денежного и за хлеб деньгами по 30 рублей, хорунжим, пятидесятникам, капралам, писарям и рядовым по 14 рублей по 50 коп. в год»².

Но такой размер жалования был установлен только для казаков Оренбургского корпуса. Что касалось остальных казаков, его уменьшили в 2—3 раза и более, причем провиантные выдавались. Так, казаки Табынской крепости получали: атаман—20 рублей, есаул—20 рублей, писарь и сотник—по 10 рублей, хорунжий—8 рублей, урядники по 6 рублей, казаки по 5 рублей в год.

Но и это небольшое жалование табынским казакам выдавалось один год, с середины 1736 г. до лета 1737 г., а позже до 1741 г. оно им не выплачивалось. В результате, как отмечалось в именном указе, они «пришли во всеконечную скудность» и «разбрелись». К 1741 г. вместо 200 казаков осталось 69. В дальнейшем поступило предписание выдавать «казакам заслуженное жалование сколько надлежит», «по силе прежнего указа»³.

В 1742 г. по распоряжению начальника Оренбургской комиссии казакам Самарской линии было определено жалование по 4 рубля в год.

Такая нечеткость в установлении размеров жалования, его неодинаковый размер для тех или иных каза-

¹ ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа 1739.

² ПСЗ. Т. X, № 7735, 21 января 1739.

³ ПСЗ. Т. XI, № 8346, март 1741.

ков, находившихся в разных районах Южного Урала, по подчинявшимся Оренбургской экспедиции, продолжалась до 1755 г., когда в зависимости от характера и особенностей несения сторожевой, пикетной и гарнизонной службы был утвержден штат Оренбургского казачьего войска.

Согласно штату, все казаки войска разделялись на три разряда: а) жалованные, находившиеся на службе постоянно и полностью содержавшиеся за счет казны; б) маложалованные, получавшие жалование только на свою воинскую справку, а прочее содержание обеспечивалось путем предоставленных им сенокосов, пашен, рыбных и других промыслов; в) безжалованные, содержание которых обеспечивалось за счет предоставленных им земельных угодий под пашню, сенокос, пастбища и выгоны.

Штат 1755 г. определял 1099 жалованных казаков, 703 маложалованных и 3080 безжалованных, составлявших Оренбургское нерегулярное казачье войско. Кроме того, казаки всех трех разрядов получали ежегодно на 815 рублей пороха и свинца. На каждого казака приходилось по полтора фунта пороха и по фунту свинца. Все расходы в этом отношении покрывались казной, часть за счет губернских доходов.

Таким образом, степень обеспеченности казаков прямо зависела от характера их службы. Размер жалованья для казаков Оренбургского нерегулярного корпуса был неодинаковым. Атаманы получали 100 рублей, есаул — 50 рублей, сотник — 30 рублей, сотенные, писари и рядовые казаки — 15 рублей в год.

Следует отметить, что сумма жалованья казаков часто колебалась в зависимости от того, где они несли службу. Например, каждый из 800 казаков, находившихся в крепостях, расположенных по рекам Самаре и Яику, получал в год по 3 рубля, хорунжий — 7 рублей, атаманы по 9 рублей.

Мизерное денежное жалованье не могло быть для казаков, за исключением казаков Оренбургского нерегулярного корпуса, источником существования. Оно являлось источником для «воинской справки», скорее подспорьем для приобретения служебного снаряжения.

Основу существования казака составляла земля. Это

хорошо понимало правительство. Оно считало, что наделение казаков земельными участками будет способствовать военной и экономической колонизации края. Еще в 1740 г. в официальных кругах высказывалась мысль о замене денежного вознаграждения казаков за службу натуральным. Эта мысль нашла отражение в императорском указе, в котором вопрос ставился так: «...А впредь не лучше ли будет и всех казаков в крепостях, вместо жалованья, удовлетворять землями»¹.

С самого начала работы Оренбургской экспедиции правительство уделяло большое внимание наделению казаков землей. При возведении Оренбургской линии крепости предписывалось строить так, чтобы они не только могли быть удобными для обороны и отражения набегов кочевников, но «чтобы довольные были воды и в близости леса и луга и удобные земли к пашне»².

Одним из главных мотивов выбора места для строительства Оренбурга, где он стоит сейчас, послужило то, что земли вокруг будущего города являлись благодатными для земледелия. В докладе на высочайшее имя И. И. Неплюев писал: «Из всех по Яику мест лучше тут хлебопашество усмотрено и пахотной земли, сенных покосов, рыбных озер, одним словом всего того при великом городе к довольству людскому на всегдашнее время нужно»³.

Складывавшиеся земельные отношения служилых людей разных служб по своей правовой природе не были одинаковыми и порой довольно существенно отличались. Так, набранные из служилых мещеряков и казаков в нерегулярные команды охотники наделялись земельными участками так же, как и уфимские служилые городовые казаки и служилые дворяне, которые еще в конце XVI — начале XVII вв. получили землю, отведенную им вокруг города Уфы на 15 верст.

В указе от 11 февраля 1736 г. говорилось: «Учредить служилых мещеряков охотников и казаков и ссылочных до 300 человек, и земли и угодии им отвести, против поселенных на Уфе и в других тамошних местах»⁴. Параг-

¹ ПСЗ. Т. XI, № 8011, 25 января 1740.

² ПСЗ. Т. X, № 7876, 20 августа 1739.

³ ПСЗ. Т. XI, № 8630, 15 октября 1742.

⁴ ПСЗ. Т. IX, № 6890, 11 февраля 1736.

раф 20 того же указа предписывал Кирилову при наборе на Оренбургскую линию охотников из яицких казаков, сибирских казачьих и дворянских детей, уфимских служилых мешчеряков «для их содержания под селение и под пашню отвести им земель и прочих угодий против того как давано уфимским дворянам и казакам»¹.

Таким образом, решая вопросы земельных наделов, правительство руководствовалось ранее изданными законодательными актами, касавшимися уфимских служилых дворян и казаков. Но при этом оно отнюдь не заботилось о выделении земли каждому из служилых людей, т. е. не устанавливало какого-то определенного порядка пользования ею, полагая, что существовавшее в то время внутреннее распределение земель между служилыми казаками не представляло большого интереса для государства и вполне его устраивало без специальной на то регламентации.

Но так правительство поступало не всегда, а только в тех случаях, когда речь шла об охочьих казаках, набравшихся для Оренбургской линии целыми казачьими отрядами (50—100—200 человек) и размещавшихся в крепостях для несения сторожевой и гарнизонной службы. Таким казакам, в зависимости от местных условий и численности отряда, отводились земельные угодья вокруг крепости на 10—12—15 верст. Если же охочьи люди набирались правительством из других разных служб и разных губерний, то размер земли, которой наделялся доброволец-переселенец, определялся заранее. Например, для отставных солдат, драгун и матросов земельные участки согласно императорскому указу от 11 февраля 1736 г. (§ 4) устанавливались «от 20 до 30 четвертей на семью, и на проезд, и на обселение, ссуду деньгами и хлебом дать от Оренбургской экспедиции, по усмотрению пути и времени, покаместь от собственной своей пашни пропитание получать»².

Отставные офицеры, священники и церковнослужители получали земельные участки значительно большие, чем отставные нижние чины. В Сенатском указе от 1742 г. говорилось: «Отставным офицерам... отводить из таких же пустых земель и угодий, а именно: капитанам по 100,

¹ ПСЗ. Т. IX, § 20, с. 744, № 6890. 11 февраля 1736.

² ПСЗ. Т. IX, № 6887, 11 февраля 1736.

поручикам по 80, подпоручикам по 70, прапорщикам по 50 четвертей»¹. Еще большие размеры земельных владений за участие в подавлении восстания башкир получили служилые мещеряки. «...Земли, угодья те, конми они по найму у башкирцев владели, а те башкирцы были в воровстве и бунте: те дать им вечно безобратно, указанные дачи, первому старшине 200, есаулам, писарю, сотникам по 100, рядовым по 50 четвертей»². Если к этому добавить, что пункт 16 Сенатского указа разрешал «земли и угодья тамошним жителям дворянам и офицерам и мещерякам покупать и за себя крепить позволить», то можно представить, как раздавались земли на территории Оренбургского края. При этом размеры покупаемых земельных участков в законодательном порядке не определялись и не ограничивались. Налицо было стремление самодержавия расширить феодальную собственность на Южном Урале.

Императорские указы от 11 февраля 1736 г. и от 27 декабря того же года, высочайшие резолюции от 6 июля 1737 г., от 10 января 1738 г. и 1 мая 1741 г., а также Сенатский указ от 11 октября 1737 г. явились отражением нового этапа развития феодальной собственности. Они способствовали не только увеличению дворянского земельного фонда, но и тому, что класс дворян стал пополняться представителями других социальных групп, что вело к усилению класса помещиков в целом. В результате осуществления законодательных актов 30-х начала 40-х годов XVIII в. ряды дворянства пополнились, главным образом, за счет отставных нижних чинов и солдат. И это нисколько не разрушало классовой дворянской основы империи, а, наоборот, усиливало ее. Дворянство становилось еще более опасным для угнетенных классов, а положение его упрочивалось. Как отмечал К. Маркс, чем более способен господствующий класс принимать в свою среду людей «из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»³.

Насаждая дворянство на границах государства, царизм расширял свою социальную базу и закреплял свои позиции на окраинах. Проникновение в эти районы фео-

¹ ПСЗ. Т. XI, № 8623, 27 сентября 1742.

² ПСЗ. Т. IX, № 6890, 11 февраля 1736.

³ К. Маркс. Соч., т. 19, ч. II, с. 150.

дальной собственности на землю неизбежно приводило к тому, что здесь устанавливались крепостнические отношения, в результате чего экономическая и социальная база абсолютизма расширялась.

Итак, все сказанное выше позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, все переселяемые, как добровольно, так и в обязательном порядке, наделялись землей, а также получали денежное вознаграждение и провиант. Во-вторых, отставные нижние чины: унтер-офицеры, солдаты и драгуны, а также священники и церковные служители, отставные офицеры, служилые мещеряки, переселяемые на башкирские земли в район Ново- и Старо-Шешминска, Тиинска, Ерыклинска, Билярска, наделялись землей на вечное пользование. В-третьих, переселяемые на Оренбургскую линию также получали земельные участки, однако не в пожизненное владение. В августе 1768 г. этим людям разрешили селиться на хуторах, чтобы заниматься скотоводством, но иметь землю «навечно» им опять-таки категорически запрещалось¹. Правил землепользования для казаков Оренбургской линии не существовало.

Казачьим отрядам, переселенным с Дона, из Яицкого войска, из Самарских, Уфимских, Алексеевских и других казачьих общин, в зависимости от местных условий и количества людей в отряде, отводилась земля на весь отряд вокруг крепости на расстоянии в 10—15 верст. Хотя определенные правила землепользования отсутствовали, это на первых порах не могло стеснять казаков — свободных земель было много.

Казаки и все зачисленные в Оренбургское нерегулярное войско из среды драгун, солдат, матросов и ссыльных получали жалованье. Хлебопашеством они не занимались, а содержали только скот. Больше того, казакам Оренбургского нерегулярного корпуса даже запрещалось быть хлебопашцами. Но это отнюдь не означало, что правительство выступало противником хлебопашества на Оренбургской линии. Напротив, оно усиленно культивировало его, в том числе и среди казаков нерегулярного войска. Все маложалованные казаки и особенно безжалованные, занимались, наряду со скотоводством,

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 60.

хлебопашеством, но при условии, что это не должно мешать службе. В официальных документах употреблялось выражение «пашенные безжалованные казаки»¹.

Для «заведения» пашни правительство специально переселяло категории таких людей, которым вменялось в обязанность заниматься хлебопашеством. К этим людям относились прежде всего ссыльные, непригодные для службы в казачьем войске.

Настойчиво добиваясь освоения целины, правительство набирало крестьян в Сибири и переселяло их на Оренбургскую пограничную линию, обязав заниматься только хлебопашеством. В императорском указе от 31 июля 1739 г. на имя Сената говорилось: «Да с Сибирской губернии, с положенных же душ на полки и с приписных к казенным и партикулярным тамошним заводам собрать с 240 душ по 1 человеку и несмотря на рост и лета, только бы были здоровые и не весьма старые, а именно от 25 до 40 лет», «перевести их с женами и детьми тамошним же обывателям на поселение в Оренбург и в другие новостроящиеся крепости по Яику и прочим рекам», «чтобы оные люди послены были и могли заблаговременно пашню заводить»². Далее подчеркивалось, что «с сибирской губернии крестьяне возьмутся ныне целыми семьями». Однако все поселившиеся в крепостях и форпостах обязаны были в случае необходимости нести и казацкую службу.

Но в первые десятилетия после образования Оренбургской линии переселенцы, занятые строительством крепостей, и казаки, обремененные тяжелой сторожевой службой, не имели возможности заниматься хлебопашеством. Положение изменилось в конце XVIII в., когда в 1798 г. было введено кантонное управление, упорядочена линейная служба, наряды стали выделяться в соответствии с численностью населения отдельных кантонов. С этого времени на территории войска сложились более благоприятные условия для земледелия и хлебопашества. Кантонным начальникам вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы «хозяйство наряженных на службу не приходило в расстройство, для чего оказывалась бы, по состоянию каждого, помощь, в особен-

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ, Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 66. Указ Сената от 19 июля 1766.

² ПСЗ. Т. X, № 7861, 31 июля 1739.

ности во время жатвы и сенокоса», и вообще «принуждать к лучшему хозяйству»¹.

Но кантонная система управления не повлекла за собой земельного устройства, правила землепользования по-прежнему отсутствовали. В рамках территории, условно очерченной вокруг крепостей, казаки и самовольно поселившиеся на внутренней стороне пограничной линии «сходцы» из разных мест обрабатывали столько земли, сколько могли. Сена они косили в количестве, требуемом для скота, и пасли скот в местах, безопасных от набегов кочевников.

В 1832 г. Оренбургскому казачьему войску была отведена полоса земли по всему пространству пограничной линии. Всем лицам не казачьего сословия, проживавшим в пределах этой полосы, предлагалось переселиться на другие места или записаться в казаки. Земли, которыми пользовались линейные жители, обращались без всякого вознаграждения в казачьи. Войску отводились земли и на самой линии, принадлежавшие башкирам и мещерякам, которые обязывались или записаться в казачье сословие или переселиться. Каждый казак мог получить земельный надел в 30 десятин. Все эти начальные моменты землеустройства были закреплены положением 1840 г. Для Оренбургского казачьего войска оно явилось важнейшим законодательным актом².

Согласно положению 1840 г. вся территория войска разделялась на 10 полковых округов. Каждому из них выделялось такое количество земли, которое являлось достаточным для поселения 2500 семейств (на каждую душу не менее 30 десятин). Учитывался также прирост населения в будущем.

В целом Оренбургскому казачьему войску было отведено почти 8 млн. десятин земли. Положение 1840 г. определило его права на эти земли. Войско могло пользоваться также лесами, водоемами за исключением казенных и частных владений, расположенных на землях, если их владельцы имели на таковые законные акты. Кроме того, войску была предоставлена возможность заниматься рыболовством на озерах, находившихся за

¹ П. И. Авдеев. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904, с. 28.

² 2 ПСЗ. Т. XV, № 14041.

внешней линией, в степях Казахстана. Там же оренбургские казаки получили право и на сенокосение.

Но положение 1840 г. не содержало юридических норм, регулирующих права отдельных членов войска на земельные наделы и порядок пользования ими. В положении имелось лишь общее указание (§ 60) о том, что «оренбургское казачье войско вообще и каждый из членов оного в особенности пользуется всеми выгодами дарованной им оседлости».

Таким образом и после выхода положения существенных изменений в землепользовании казаков не произошло. Земли войска не были размежеваны, войсковые оброчные статьи и войсковые леса из общих земель не выделены. Казаки могли пользоваться землей (ее приходилось по 70 дес. на душу) где хотели и сколько хотели. Исключение составляли некоторые станицы, в которых нехватка земли уже давала себя знать.

Новым в положении 1840 г. являлось то, что оно содержало общие указания об офицерских наделах. Параграф 61 гласил: «Служащим и отставным чиновникам войска назначаются за заслуги... особые пожизненные участки». Но далее говорилось, что «мера сих участков и все дальнейшие по сему предмету правила имеют быть определены особым положением».

ГЛАВА VI

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАКОВ НА ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИНИИ. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

§ 1. Экономическое и правовое положение оренбургских казаков

Как отмечалось выше, главная повинность казаков заключалась в несении сторожевой службы, а экономической основой этой службы являлись земельные участки, которые выделялись для всей казачьей команды, или казачьей общины.

Казачья община сложилась не сразу. Во многих случаях ее истоком и первоначальной организационной формой был казачий отряд, сформированный из представителей различных социальных групп, включая и ссыльных, прибывших на Оренбургскую линию. Такие отряды, дислоцированные в той или иной крепости, на первых

порах представляли из себя только низовые босвые единицы. Прошло немало времени прежде чем в этой низовой военной ячейке сложилась артель или казачья община. Вместе с тем из Яицкого и Донского войск на Оренбургскую линию прибывали отряды казаков с семьями и со своими сложившимися общинными порядками.

Получив землю вокруг крепости, казачий отряд, или община, пользовались ею сообща. По своему целевому назначению общинная земля разделялась на сенокосную, пастбищную и для выгона. Главным занятием казаков, помимо их службы, являлось скотоводство. На общинных землях паслись стада коров и овец, а также табуны лошадей. В сенокосе участвовали все свободные от службы казаки и члены их семей. Каждый косил сена столько, сколько требовалось для его скота.

Господствующей системой земледелия, которое у казаков было развито слабо, являлся перелог. Земля под пашней находилась 10—12 лет. Затем распахивался новый слой. Сеяли казаки такие же культуры, как и в центральных губерниях России — рожь, ячмень, пшеницу, овес и т. д. Собственного хлеба на пропитание не хватало, поэтому его приходилось покупать. Доставляли хлеб на Оренбургскую линию исетские государственные крестьяне.

Тяжелую повинность для казаков представляла сторожевая и кордонная служба. Поскольку она поглощала большую часть времени, заниматься земледелием казаки не могли. Тот потенциальный запас скота и продовольствия, который создавался ими в период «мирных передышек» во время военных действий, продолжавшихся длительное время, полностью истощался, матерьяльная основа службы расшатывалась. Именно об этом докладывал правительству атаман Оренбургского войска Могутов. Характеризуя состояние дел казаков в сельском хозяйстве и на промыслах, он писал: «К домово́й их экономии, к пашне и другим промыслам время им не остается, ибо они и по казенным делам в посылки употребляются ...а ныне казаки по недороду хлеба и по неотпуску их в летнее время для их промыслов претерпевают голод...»¹ Тяжесть сторожевой служ-

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Военная повинность казаков. Исторический очерк. Т: XI, ч. 3. СПб, 1907, с. 334—335.

бы и исполнение других многочисленных натуральных повинностей обусловили причины тяжелого экономического положения казаков. Многие из них попадали в большую зависимость от атаманско-старшинской верхушки. Усиливался процесс хозяйственной дифференциации казачества. Этому содействовало и само правительство, разделив казаков войска на три разряда: жалованных, маложалованных и безжалованных.

В привилегированном положении оказались казаки Оренбургского нерегулярного корпуса, отнесенные к разряду жалованных. Располагая в окрестностях Оренбурга лучшими пастбищными и сенокосными угодьями, занимаясь промыслами, они в то же время получали из всех казаков войска самое высокое жалование — 15 рублей в год или в 3—5 раз больше, чем маложалованные казаки. К этому следует добавить, что казаки корпуса, кроме сторожевой службы, никаких повинностей не несли. Они были более зажиточными, чем все остальные казаки войска, а их атаманы, старшины и сотники составляли наиболее обеспеченную часть, получая от 30 до 100 рублей в год.

В то же время жалованье атаманов, старшин и рядовых маложалованных казаков было значительно меньшим. Так, атаманы казаков, несших службу в крепостях, находившихся по рекам Самаре и Яику, получали 9 рублей, хорунжие — 7 рублей, а рядовые казаки — по 3 рубля в год. Такие суммы не могли, конечно, покрыть и малой доли тех расходов, которые несли казаки, постоянно находясь в боевой обстановке. Даже, как говорилось в императорском указе, казаки и их хозяйства приходили «во всеконечную скудность». Маложалованные казаки едва справлялись с несением сторожевой службы там, где проживали (т. е. в крепостях). Об этом докладывал Сенату, ознакомившись с жизнью казаков на Оренбургской линии в 1758 г., атаман Могутов. Имея в виду положение жалованных и маложалованных, он писал: «А те, кои и на жалованьи, через все лето находятся на линии, по нынешним обстоятельствам почти все без остатка в караулах и во всех дневных по линии разъездах, и от того... в такую скудность пришли, что по два года принуждено было их из казны провиантом снабждать в счет их жалованья, но как оное самое малое, то и поныне не все с них взыскано; а ныне казаки...

претерпевают голод и просят: ежели им казенного провианта или хотя с вычетом из их жалованья дано не будет, то б повелено было продавать им скот, а у кого нет, то и лошадей, и что за такими обстоятельствами, ежели их допустить до продажи скота, то они к службе весьма безнадёжны и исправить их ныне невозможно»¹.

Что касалось казаков, которые совсем не получали жалования, то их положение было крайне тяжелым. Сторожевую и пикетную службы, все натуральные повинности (фортификационные работы, ремонт дорог, заготовка леса и его доставка в крепость, конвоирование почты) безжалованные казаки выполняли за свой счет. Безжалованных казаков насчитывалось в 1,5 раза больше, чем жалованных (1000 человек) и маложалованных (около тысячи), вместе взятых. Разряд безжалованных казаков составляли все казаки Уфимской провинции (табынские, нагайбакские, красноуфимские, ельдятские и др.) за исключением казаков, находившихся в городе Уфе, а также все казаки Исетской провинции.

Особые трудности испытывали исетские казаки. Они не только несли за свой счет все виды служб и выполняли все натуральные повинности, но и содержали, кроме того, атамано-старшинскую верхушку, Войсковую избу, выплачивая ежегодно: атаману 60 рублей, хорунжему — 30 рублей, писарю — 20 рублей, Войсковой избе — 20 рублей.

Представляет интерес та часть доклада Могутова, которая дает представление о положении безжалованных казаков, в том числе и исетских. «Из состоящих на линии и в провинциях нерегулярных команд и сверх ординарной службы почти каждое лето по немалой части в другие места на тамошние линии в поход для содержания форпостов посылаются... что часто и никого дома из них не остается, а командирующиеся, как будучи отлучены из домов своих, через все летнее время и служба во всем собственном своим коштом без жалования, не только дома свои разорили, но и сами будучи на службе, претерпевают крайний голод, как то и в прошлом лете нежалованные казаки в таком крайнем недостатке находились, что самой важнейшей вещи — соли

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Т. XI, ч. 3. СПб, 1907, с. 336.

купить было не на что, а ежели им и в нынешнее лето без жалованья служить, то они в такое состояние придут, что и поправить их будет невозможно»¹.

Ознакомившись с докладом Могутова, Сенат принял специальный указ, согласно которому оренбургским казакам устанавливалось такое же жалование, провиант и фураж, как и уральским (яицким) казакам, но только в случае командировок далее 100 верст от дома. Для маложалованных тогда же был определен солдатский провиант, но выдавался он лишь при условии, если половина из них и более несли службу в своих крепостях и форпостах. В случае чрезвычайных командировок продолжительностью месяц и свыше жалованные казаки, дополнительно к жалованию, получали и провиант. Маложалованным жалование выдавалось сверх окладного, а также провиант, безжалованным — жалование и провиант. Но размер жалованья был мизерным.

Тяжелое материальное положение маложалованных и особенно безжалованных усугублялось произволом и жестокостью армейских офицеров, которые по всей Оренбургской пограничной линии исполняли обязанности командиров крепостей, комиссаров дистанции, начальников гарнизонов. В их руках была сосредоточена вся полнота власти, они решали все военные, административные и судебные вопросы.

Вся жизнь казаков в крепостях, форпостах и на редутах регулировалась специальной инструкцией, составленной Оренбургской губернской канцелярией для комиссаров дистанции². Указы, инструкции Военной коллегии и Оренбургской губернской канцелярии этим лицам предписывали строго контролировать отряды казаков, «определяя к ним надежных людей», постоянно «проводить им смотры»³. Отряды, находившиеся в крепостях пограничных линий, только в «особливых случаях» получали наряды на службу от войскового атамана Могутова. В основном же повседневная служба определялась командирами крепостей и форпостов и

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Военная повинность казаков. Т. XI, ч. 3. СПб, 1907, с. 334.

² Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 20.

³ Там же, с. 35.

проходила под их контролем. Являясь единственными представителями военной власти в крепостях, штабс-офицеры регулярной армии по своему усмотрению определяли содержание сторожевой службы, ее сроки. От них зависела очередность службы казаков, продолжительность их нахождения на форпостах, редутах и пикетах.

Согласно инструкции, коменданты крепостей имели право по своему усмотрению, без ведома атаманов казачьих отрядов и без уведомления войскового атамана посылать казаков на фортификационные работы. В инструкции говорилось: «А когда потребуется что-либо знатное, как фортификационное исправление и т. п., то сообщать, если допустит время, Могутову»¹. Пользуясь этим правом, злоупотребляя своей властью, коменданты крепостей под видом выполнения работ фортификационного характера заставляли казаков заготавливать, например, лес, который использовали в личных целях.

В Новосергиевской крепости «градские командиры лес возить приказывают одним казакам... городить их же употребляют»².

Используя власть, коменданты вызывали среди казаков недовольство, из многих крепостей поступали жалобы. В одной из них, например, говорилось, что бревна, заготовленные казаками для городских строений, командиры «берут... на дрова на свое отопление»³, в другой о том, что мосты и перевозы через реку Самару и Бузулук содержат одни казаки⁴.

На все эти жалобы Неплюев давал стереотипный ответ: «Поступать по инструкции»⁵. Но это была не единственная реакция губернатора на недовольство казаков. Не сомневаясь в злоупотреблениях своих подчиненных, он призывал их исправиться. Но это, естественно, не давало никаких результатов.

Коменданты крепостей и комиссары дистанции жестоко обращались со своими подчиненными, чинили над ними произвол. Они имели право пороть любого казака, даже атамана отряда. «...Буде в погрешениях явятся

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 43.

² Там же, с. 24.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 25.

⁵ Там же, с. 23--25.

атаманы или старшины, — гласил пункт 3 комиссарской инструкции, — наказание в действо производить при собрании казаков и записывать в журналы»¹. Оренбургский губернатор Давыдов дал указание войсковому атаману Могутову, чтобы «дистанционные комиссары и командиры крепостей били казаков и их атаманов, если на то имеются основания, считая, что они властны это делать, как с подчиненными»².

Царизм делал все, чтобы вольный дух казачества не проник в среду оренбургских казаков, а те элементы казачьего демократизма, которые были допущены при образовании Оренбургского нерегулярного войска, постоянно находились под контролем губернатора и многочисленных офицеров регулярной армии — ярых приверженцев самодержавия.

Выше отмечалось, что когда создавалась система управления корпусом, любая выборность здесь была исключена. Что касалось Оренбургского нерегулярного войска, то элементы казачьего демократизма тут были допущены — сохранилась, в частности, выборность атаманов, старшин, сотников, писарей в казачьих отрядах, находившихся в крепостях Исетской провинции и в крепостях Верхнеяицкой, Уйской, Нижнеяицкой и Самарской линий, где сторожевую и гарнизонную службу несли казаки. Однако после образования войска картина постепенно меняется. Например, на Самарской линии, где казачий демократизм сказывался наиболее заметно, хорунжих, сотников, атаманов продолжали выбирать, как и раньше, казаки. Но с возникновением Оренбургской губернии система выборов здесь существенно изменилась. Выборы начали проходить под руководством и под контролем комиссара дистанции, который в каждом отдельном случае получал соответствующую инструкцию о том, как их проводить. Все эти инструкции и по форме и по содержанию были одинаковыми, но по характеру подхода к проведению выборов разделялись на две группы. Первую группу составляли инструкции, содержавшие указания о том, какие казачьи чины и должности надлежит избрать. Подчеркивалось, что выборы в

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 55.

² Там же, с. 54.

сотники, пятидесятники и хорунжие нужно проводить «обще с комиссарами» дистанции, выбирать в названные чины «домовых и добросостоятельных людей», а избранных представлять на утверждение в Оренбургскую губернскую канцелярию¹.

В инструкциях, составлявших вторую группу, говорилось, в каких крепостях те же чины и должности назначаются. В частности инструкция, направленная комиссару Самарской дистанции, предлагала при назначении на должности хорунжих и сотников требовать на это согласие жителей и письменное свидетельство старшин и казаков.

Инструкции, о которых идет речь, свидетельствовали о стремлении правительства сузить рамки казачьего демократизма, умерить ту казачью вольность, которая всегда была «неудобна», а скорее враждебна царизму.

Тяжелое экономическое положение казацкой бедноты, притеснения и произвол со стороны комендантов крепостей и армейских офицеров вынуждали казаков, помимо жалоб, искать другие формы протеста. Одной из них являлось бегство. Военные власти губернии разыскивали беглецов и возвращали их на линию, вновь записывая в казаки. За побег учинялось «нешадное наказание плетью и быть казакам этим на поруках, впредь до исправления»².

Однако бегство продолжалось. Поэтому Сенат 27 сентября 1751 г. дал предписание Неплюеву принять самые строгие меры «по искоренению и поимке беглых разбойников».

Продолжая наступление на казачью вольность и казачий демократизм, царизм опирался на богатую верхушку казачества, возникшую вследствие внутреннего расслоения в казацкой среде. Богатые казаки обзаводились большими хуторами, старшины получали офицерские звания, в результате чего они приобщались к дворянству. Между «верхами» и «низами» казачества началась непримиримая борьба.

В связи с русско-турецкой войной в состав формируемого воинского соединения было решено включить казаков. Яицкие казаки, получив предписание отправить

¹ Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Вып. 3. Оренбург, 1903, с. 17—18.

² Там же, с. 18.

дополнительно 500 человек в Кизляр, обжаловали это требование. Жалобу на месте рассматривала следственная комиссия, возглавляемая генералом Траубенбергом. По отношению к рядовым казакам генерал вел себя грубо и вызывающе. В январе 1772 г. казаки восстали. Генерал, атаман Яицкого войска Тамбовцев, войсковой дьяк Суетин и другие вожак старшинской верхушки были убиты. Восстание подавили регулярные войска. В этой обстановке на Яике появился Е. И. Пугачев.

§ 2. Участие оренбургских казаков в Крестьянской войне 1773—1775 гг.

Крестьянская война 1773—1775 гг. — выдающееся событие в истории героической борьбы народов России против векового угнетения и рабства.

Восстание, начатое выступлением яицких казаков 17 сентября 1773 г., вскоре переросло в грандиозную Крестьянскую войну. Овладев рядом крепостей Яицкого казачьего войска, Е. Пугачев подошел к Рассыпной. Взятие ее означало вступление пугачевцев в пределы Оренбургского казачьего войска. 27 сентября после короткого штурма пала крупнейшая крепость этого войска — Татищева. Во время атаки крепости оренбургские казаки, составлявшие ее гарнизон, вместе с сотником Т. Подуровым перешли на сторону восставших. Заняв Нижне-Озерную, Чернореченскую, Сакмарский городок, Татарскую слободу, Каргалы, войска Пугачева подошли к казачьей слободе Берде и 4 октября овладели ею. Расположенная в 5 верстах от Оренбурга слобода стала основным центром территории, охваченной восстанием.

5 октября началась длившаяся полгода осада Оренбурга. В осаде участвовало 2500 казаков, из них 600 оренбургских, 500 яицких, 300 илецких и другие. Таким образом, с самого начала восстания оренбургские казаки приняли в нем активное участие и вместе с яицкими играли в движении значительную роль. Но это, однако, ни в коей мере не лишало движения характера Крестьянской войны — в нее сразу же были вовлечены помещицы крестьяне.

Территорию Оренбургского казачьего войска восстание охватило уже в период осады Оренбурга. В декабре 1773 г. среди осаждавших находились и казаки Исетского казачьего войска, являвшегося частью Оренбург-

ского. Во время Крестьянской войны, особенно в первый ее период, оренбургские казаки переходили на сторону повстанцев целыми общинами и казачьими отрядами во главе со своими атаманами и сотниками. Нередко последние сами являлись организаторами и руководителями восставших. Вспыхнувшее в январе 1774 г. восстание в Челябинске возглавили атаман челябинских казаков Михаил Уржумцев и хорунжий Наум Невзоров.

Особенно активное участие в Крестьянской войне приняли маложалованные и безжалованные казаки Оренбургского казачьего войска, т. е. почти поголовно все казаки Оренбургского нерегулярного войска, за исключением казаков Оренбургского нерегулярного корпуса. Пугачеву без боя сдавались форпосты, пикеты и крепости, где маложалованные и безжалованные казаки несли сторожевую и гарнизонную службу. Так, казаки Чебаркульской крепости одни из первых подняли восстание, но его подавили солдаты регулярных войск. Однако и после этого в крепости было «неблагополучно», а когда к ней подошел отряд Грязнова, казаки встретили его хлебом-солью и открыли ворота крепости. Все вооружение, в т. ч. 5 пушек и боеприпасы оказались в руках пугачевцев. Добровольно на сторону пугачевского войска перешли казачьи гарнизоны Нижне-Увельской, Кичигинской, Коелгинской и других крепостей. В течение короткого промежутка времени все крепости Исетской провинции оказались во власти восставших.

Сказали свое слово и казаки тех крепостей, где они вместе с солдатами регулярной армии несли службу. Гарнизон крепости Магнитной сдался после короткого штурма — казаки отказались сражаться с восставшими и примкнули к Пугачеву. Сдалась без сопротивления крепость Карагайская. Перешли на сторону Пугачева казаки Петропавловской, Степной и других крепостей. Как правило, после вступления пугачевского войска в ту или иную крепость Оренбургской линии ему в полной сохранности передавались оружие и боеприпасы.

Оренбургские казаки предоставляли восставшим продовольствие, скот, лошадей, принадлежавших казачьим общинам и атамано-старшинской верхушке.

В мае 1774 г. пала Троицкая крепость — одна из крупнейших на Оренбургской пограничной линии. Но через два дня к Троицку подошел корпус генерала

Деколонга. После четырехчасового боя Пугачев отступил в сторону Челябинска, затем повернул на Златоуст и, пройдя его, а также Сатку, двинулся на Красноуфимск, Осу и Казань, покинув тем самым пределы Южного Урала, в том числе и территорию Оренбургского казачьего войска.

Правительство жестоко расправилось с участниками восстания. Восстановление «порядка» сопровождалось массовыми репрессиями. Особой расправе, как «нарушители военной присяги», подверглись оренбургские казаки, нешшие сторожевую службу на пограничной линии.

Участие оренбургских казаков в Крестьянской войне оставило яркий след в их сознании. В начале XIX в. на территории войска отмечались новые казачьи волнения. Одно из них (1804—1805 гг.) было вызвано тем, что все расходы по переселению значительной части казаков из внутренних крепостей на новую линию Орск — поселок Березовск были возложены на станичные общества. В 1822 г. казаки Красноуфимской крепости выступили против попытки правительства организовать их переселение на Новоилецкую линию. Борьба носила упорный характер и продолжалась четыре года. Многих казаков судил военный суд. В начале 30-х годов XIX в. на территории войска прокатилась волна протеста казаков против введения общественной запашки земли.

Частые волнения среди казаков Оренбургского войска серьезно встревожили правительство. В тех же 30-х годах XIX в. были осуществлены мероприятия, способствующие некоторому улучшению жизни казаков. Они освобождались от казенных работ, почтовой повинности и некоторых земских сборов. Кроме того, на территории войска были учреждены запасные хлебные магазины, установлены премии за хлебопашество. Уделялось внимание развитию в войске коневодства: в 1837 г. создается особый разряд казаков-табунщиков.

Таким образом, выступления казаков не прошли бесследно. Царизм был вынужден считаться с ними.

РАЗДЕЛ II

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

ГЛАВА I

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Мероприятия царизма по укреплению Оренбургского казачьего войска

С первых дней своего существования Оренбургское казачье войско было призвано служить оплотом абсолютизма в одном из окраинных регионов империи.

К началу XIX в. царизм добился серьезных успехов в деле организации этого войска. Но достигнутые успехи не удовлетворяли самодержавие, и оно предпринимало необходимые меры, направленные на увеличение численности войска, повышение его оснащенности. Этого требовали интересы и внешней и внутренней политики государства.

В июне 1803 г. был утвержден новый штат «войсковой канцелярии», название «корпус» официально упразднено. Согласно этому штату все казаки вошли в одно Оренбургское казачье войско. В конце того же года был разработан проект положения об Оренбургском казачьем войске. Однако он не охватывал всех сторон его жизни. Но главное заключалось в том, что проект не получил поддержки со стороны влиятельных правительственных кругов, подвергаясь время от времени бесконечным изменениям и дополнениям. Лишь, наконец, в 1840 г. он был утвержден. Характерно, что только некоторые его пункты получили практическое осуществление. Так, в 1807 г. был сформирован казачий полк, ставший называться «Тысячный оренбургский неперемный полк». Неперемный полк — это воинская часть, служба в которой являлась постоянной, т. е. в отличие

от других полков, находившихся в составе регулярной армии, несменяющейся. В 1812 г. из станичных казаков Оренбургского казачьего войска сформировали полк, который назвался «Атаманским тысячным полком». В дальнейшем он был расформирован, но в 1819 г. это название восстанавливается. Оно сохранялось до 1840 г.

Подобная реорганизация Оренбургского казачьего войска не привела к увеличению его количественного состава. Мало что она дала и в качественном отношении.

Обширное пространство, начиная от Илецкого города до Оренбурга и далее — через Верхнеуральск и Троицк — вплоть до Звериноголовской крепости, пограничной с Сибирью, которое охраняли оренбургские казаки, требовало поголовного наряда на сторожевую службу. Между тем гарнизоны крепостей, особенно вновь построенных, были малочисленны, а, следовательно, и слабы. Чтобы исправить положение, правительство решает переселить сюда казаков из внутренних станиц.

Первоначально для усиления гарнизонов армейскими полками под Оренбург в 1803—1804 гг. были переведены Рыльский и Уфимский пехотные полки и несколько артиллерийских полевых рот. Но содержание их обходилось дороже, чем содержание казачьих частей.

В 1805 г. из Чебаркульской, Челябинской, Миасской, Уйской и других крепостей переселяется около двух тысяч казаков. Они размещаются в разных местах, начиная от Орска и кончая поселком Алабужским. Переселение осуществлялось за счет станичных и общественных средств. Каждый переселенец получал в качестве пособия две лошади с упряжью, соху и косу, 10 пудов пшеницы для посева и продовольствие.

В 1826 и 1837 гг. в состав войска вошли 13 тысяч отставных солдат, проживавших вместе с казаками в крепостях. На Новоилецкую линию была переселена Красноуфимская казачья станица. Но это лишь частично решало проблему. Тогда царское правительство принимает более кардинальные меры.

В 1838 г. началось переселение из кантонов — Уфимской, Табынской, Ельдятской, Нагайбакской и Бакалинской станиц, входивших в третий кантон, Новосергиевской и Переволоцкой, входивших в четвертый кантон и девяти станиц пятого кантона: Самарской, Алексеевской, Мочинской, Красносамарской, Борской, Ольшан-

ской, Бузулукской, Тощкой и Сорочинской. Переселение продолжалось до 1842 г. Было переселено и зачислено в Оренбургское войско Ставропольское калмыцкое войско (777 семейств). Но и этого оказалось недостаточно.

В связи со строительством тридцати новых крепостей остро возник вопрос об очередном увеличении количества казаков. «Казачья проблема» заставила царское правительство в массовом порядке зачислять в войсковое сословие всех тех, кто проживал не только на казачьей территории, но и отчасти на гражданской, т. е. на государственных землях Оренбургской губернии.

В 1840 г. правительство распорядилось обратить в казаков лиц, проживавших на линейных и других, принадлежащих войску, землях, как целыми крестьянскими обществами (или общинами), так и отдельными семействами. В числе их оказались государственные крестьяне Оренбургского уезда (1 волость), Челябинского (1 волость) и Троицкого (3 волости). Те государственные крестьяне, которые не пожелали вступить в казачье сословие, выселялись в пределы Бузулукского, Бугульминского и Мензелинского уездов. В свою очередь из этих уездов на территорию Оренбургского войска были переселены белопахотные солдаты и малолетки (1892 семейства). Всех их определили в казачье сословие. Кроме того сюда же перевели и зачислили в казаки крестьян из разных внутренних малоземельных губерний. Таким образом, в состав войска вошло 25 тысяч государственных крестьян Оренбургской и других губерний России. Наконец, в казачье сословие были обращены башкиры и мещеряки, из которых возникло Башкиро-Мещеряцкое иррегулярное войско.

§ 2. Положение об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г. Реорганизация войска

Мероприятия правительства, предусматривавшие количественное увеличение казачьего сословия, означали, по существу, коренную реформу Оренбургского казачьего войска. Свое выражение она получила в «Положении об Оренбургском казачьем войске», утвержденном 12 декабря 1840 г. Помимо новых правовых норм «Положение» включило в себя большую часть законодательных актов, изданных правительством в 20—30-е годы XIX в., направленных на рост казачьего войска. «Положение»

явилось своего рода кодексом, который не только коренным образом способствовал преобразованию Оренбургского казачьего войска, но и на длительное время определил характер всей его деятельности. Этот кодекс стал основным сборником законов, строго регламентировавшим все аспекты войска, начиная от военно-административного устройства и управления и кончая бытом казачков.

Рассмотрим те изменения, которые были внесены «Положением» в Оренбургское казачье войско. Согласно «Положению», в состав Оренбургского казачества включались: белопахатные солдаты, солдатские малолетки, отставные солдаты, Ставропольское калмыцкое войско, нижние чины четырех поселенных линейных Оренбургских батальонов (4, 6, 8, 10) с их семействами, башкиры и мещеряки, все крестьяне, проживавшие на землях войска, государственные крестьяне пяти волостей гражданской территории.

Способ зачисления в войско был весьма простым: в отношении тех, кто не желал добровольно вступать в казачье сословие, применялись угрозы и сила. Особенно это чувствовали крестьяне, проживавшие в Оренбургской губернии. Царский указ, изданный в 1843 г., предписывал крестьян прилинейных уездов: Оренбургского, Челябинского и Троицкого, определенных «Положением» 1840 г. для причисления к войску, «всех без изъятия зачислить в казаки и привести к присяге на верность к службе; от крестьян просьб об обращении их в первобытное податное сословие не принимать»¹.

Подобные меры позволили значительно увеличить количественный состав войскового сословия. Если по штату 1755 г. в Оренбургском казачьем войске числилось около 5 тысяч казаков, в 1798 г. — 10 тысяч, в 1840 г. — 9694 казака, находившихся на постоянной службе, то согласно штату, на 1 января 1845 года весь состав войска составлял 72 530 казаков. Всего же на территории войска к середине 40-х годов XIX в. проживало 150 120 душ обоего пола. Если учесть, что по «Положению» 1840 г. всем желающим разрешалось селиться на казачьих землях с правом перехода в казачье сословие, то станет очевидным, как быстро росла численность Орен-

¹ 2 ПСЗ. Т. XVIII, № 16811.

бургского казачества. В 60-х годах XIX в. она составила 237 985 человек обоего пола, к началу 70-х годов — 252 928.

«Положение» предусматривало, что казачье население должно быть совершенно замкнутым военным сословием, и всякий, кто в него зачислен, остается здесь навечно вместе со своим потомством. В состав Оренбургского войскового казачьего сословия было записано навечно 252 928 душ обоего пола. В результате Оренбургское войско стало крупнейшим по количеству казачьего населения.

«Положение» точно определило границы войска. Оно получило территорию, куда почти полностью вошли Троицкий и Верхнеуральский уезды, а также значительная часть Челябинского, Орского и Оренбургского уездов. Все крестьяне, проживавшие до 1840 г. на казачьей земле, и крестьяне пяти волостей Троицкого, Челябинского и Оренбургского уездов были обращены в казаки. Таким образом, территория войска стала представлять из себя сплошную площадь, заселенную исключительно казаками.

Западная граница вновь образовавшейся территории Оренбургского казачьего войска проходила по реке Урал, соприкасаясь с границей Уральского казачьего войска около станицы Рассыпной. Южная граница шла вдоль реки Илек; восточная — в Челябинском уезде, в 12 верстах от отряда Алабужского Тобольской губернии; Северная — в том же уезде у деревни Салимово.

Согласно «Положению», Оренбургское казачье войско, оставаясь под началом Оренбургского генерал-губернаторства, вышло из подчинения гражданских властей и получило свое военно-административное устройство. Кантоны и дистанции упразднили, вместо них учреждались военные и полковые округа. Все войско было разделено на два военных округа, которые в свою очередь делились на полковые округа. В каждом округе было создано по пять полковых округов. Один такой округ объединял 2500 семейств казаков и представлял собой казачий полк. Во главе военных и полковых округов стояли назначаемые окружные начальники и полковые командиры.

На основании «Положения» в войске должны были быть десять казачьих полков — по 870 человек в каждом,

одна военно-артиллерийская бригада, войсковая сотня мастеровых (250 человек).

Общее руководство войском сохранялось за атаманом, который стал называться Наказным Атаманом Оренбургского казачьего войска. Руководство войском он осуществлял с помощью специального военного ведомства — Войскового дежурства. Оно вело учет строевых частей, ведало их службой, т. е. решало все вопросы организационно-военного характера. Кроме Войскового дежурства, в войске имелось гражданское ведомство, называвшееся «Войсковым правлением». Через полковые округа и местные станичные правления оно выполняло все функции гражданской власти на территории войска.

«Положение об Оренбургском казачьем войске» было пронизано откровенно казарменным духом. Все войсковое население находилось под непосредственной опекой строевых командиров, насаждавших слепое повиновение начальству, солдатскую муштру не только в строевых частях, но и среди всего казачьего населения. Жестокий военный режим касался даже быта казаков и членов их семей, всего уклада жизни казачества. Офицер являлся для казаков и строевым начальником, и администратором, и судьей. Слово глухой стеной они были отдалены от населения империи. Лицам не казачьего сословия запрещалось проживать на войсковой территории. «Положение» 1840 г. запрещало казакам выходить из своего сословия и смешиваться с прочим населением.

Законодательный акт, о котором идет речь, придал Оренбургскому казачьему войску стройную военную и хозяйственную систему, вполне приспособленную для выполнения задач по охране границ, обеспечения внутреннего спокойствия и осуществления экспансионистской политики царизма в Средней Азии.

ГЛАВА II **ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

§ 1. Отмена крепостного права и ее влияние на казачьи войска

К 60-м годам XIX в. большая часть казачьих войск, в том числе и Оренбургского, была окончательно превращена в замкнутое военно-феодалное сословное уч-

реждение. Все казачье население обязано было нести военную службу. В этом заключалась его главная повинность перед государством.

К тому времени в высших сферах распространялись взгляды, согласно которым казачество якобы себя изжило и высказывалась мысль против чрезмерной обособленности, по сравнению с другими сословиями общества, казачьих войск. В печати стали появляться критические заметки о казачестве, в частности, об Оренбургском. Они содержали отрицательные отзывы о боевых качествах казаков и предложения о переводе их в податное сословие. С официальным ответом на эту критику выступили высшие чиновники казачьих войск, в том числе и Оренбургского¹. Они стремились показать героическое прошлое казаков, одновременно подчеркивая их высокие боевые качества.

Таким образом, в отношении казачества высказывались две противоположные точки зрения. Они находили свое отражение и в деятельности комитетов, задачей которых являлась разработка «Положений» для казачьих войск. Военное Министерство подготовило программу, определявшую главные основы «Положений». Программа предусматривала свободный выход казака из войска, привлечение к военной службе в казачьих войсках преимущественно людей «охочих». Государственную повинность казака — военную службу — предполагалось ослабить; гражданскую часть отделить от военной, судебную — от административной.

Однако составление «Положений» шло медленно. Только в 1865 г. появились первые проекты. Но они не отвечали в полной мере взглядам царского правительства, выступившего против полного слияния казачьего сословия с другими податными сословиями и тем более не желавшего упразднения казачьих войск. После этого было решено возложить разработку новых «Положений» на особый комитет, созданный при Управлении иррегулярных войск. Предполагалось, что в работе комитета примут участие депутаты от казачьих войск. В ноябре 1866 г. депутаты съехались в столицу. Выступивший перед ними император Александр II изложил взгляды правительства по вопросу предстоящей реформы войск и

¹ См.: «Военный сборник», № 6, 1862.

выразил желание, чтобы «казацьи войска, оказавшие столько незабвенных услуг отечеству, сохранили и на будущее свое воинское значение»¹.

В 60-х и 70-х годах XIX в. было разработано и утверждено много «Положений», существенно изменивших гражданское и военное устройство казачьих войск. Но изменения не являлись одинаковыми. В каждом казачьем войске они были обусловлены не только переменами общегосударственного характера, но и потребностями, носившими местный характер.

В середине XIX в. положение Оренбургского края вообще и Оренбургского казачьего войска в частности существенно изменилось. Оренбургская пограничная линия утратила свое бывшее военное значение. Наряды казаков здесь были сокращены, а на линии — от Орска до Березовского поселка по прямому направлению — часть пикетов и форпостов, в том числе и крепость Оренбург, упразднены совсем.

Оренбургское казачье войско получило новое «Положение» раньше, чем многие другие войска — в мае 1865 г., но вскоре в «Положение» стали вноситься изменения и дополнения. Согласно новому «Положению», оренбургское казачество в административном, судебном и полицейском отношениях сливалось с губернией. Звание атамана Оренбургского казачьего войска было соединено со званием губернатора. В гражданском отношении казаки вышли из подчинения своему непосредственному войсковому начальству и переданы в ведение исправников, а с изданием в 1870 г. «Положения об общественном управлении» получили право избирать свои органы общественного самоуправления в масштабе станиц и поселков. Согласно «Положению» 1870 г., все жители станичного или поселкового схода могли решать вопросы общественного характера большинством голосов; в некоторых случаях 2/3 общего числа всех жителей. Станичному обществу предоставлялось «право полного распоряжения станичными суммами». Стремясь ограничить срок службы казаков, правительство обратило особое внимание на создание таких казацких частей, которые

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. Т. XI, с. 3, Главный редактор генерал-лейтенант Д. А. Скалон. СПб, 1907, с. 27.

вполне бы отвечали требованиям того времени. В 1867 г. получили одобрение общие положения, предусматривавшие ограничение служилого состава каждого казачьего войска постоянным числом.

В том же году эти новые начала были применены в Оренбургском казачьем войске. Причем, если в служилом составе вакансии не имелось, принимать на службу добровольцев запрещалось.

«Положение» 1867 г. облегчало тяжесть военной повинности казаков. Это привело к тому, что даже само Военное Министерство стало ограничивать число служилых казаков и, следовательно, число людей, подготовленных к военному делу. Такой взгляд противоречил веками сложившемуся мнению о казаках, как о сословии, главнейшая государственная повинность которых заключалась в военной службе всех и каждого.

После франко-прусской войны взгляд на казаков, как на военную силу, претерпел значительные изменения. Предполагавшееся упразднение казачества было признано большой ошибкой. Напротив, было признано необходимым включить казаков в состав регулярной кавалерии. Для казачьих войск наступил своеобразный период контрреформ.

Когда в 1874 г. вышел Устав о воинской повинности, первоначально он был применен в отношении Донского войска, а затем в отношении остальных, в том числе и Оренбургского. В свете Устава общий срок службы, как и срок действительной, сокращался, вместе с тем Военное Министерство издало особые правила для подготовки казаков, вновь поступивших на службу. Кроме того, были приняты меры, обеспечивающие пополнение казачьих войск офицерами, подготовленными в регулярных войсках. Казачьи части оказались в условиях, одинаковых с регулярными войсками.

Распространение Устава о воинской повинности на казачьи войска вызвало необходимость внести в их военно-административное устройство и управление определенные изменения. Внутреннее устройство Оренбургского казачьего войска определялось «Положением об управлении военными отделами Оренбургского войска 24 января 1884 года» и «Положением об общественном управлении станиц 1891 года». Эти «Положения» явились основными законодательными актами, которые до

1917 г. почти не подвергались изменениям. Они усилили власть войскового начальства над казаками и дали иное направление всему строю внутренней жизни Оренбургского войска, строю, который с незначительными изменениями просуществовал до свержения царизма.

§ 2. Военно-административное устройство, управление и структура Оренбургского казачьего войска

На основании «Положений» о казачьих войсках, изданных во II половине XIX в., управление в каждой войске разделилось на центральное и на местное.

Как отмечалось выше, внутреннее устройство войска определялось «Положением об управлении военными отделами Оренбургского войска 24 января 1884 года» и «Положением об общественном управлении станиц 1891 года». Согласно этим документам войско получило свою внутреннюю военно-административную структуру.

Территория и население войска были разделены на три военных отдела, которые почти в неизменном виде просуществовали до 1917 г. Первый отдел, по данным отчета за 1910 г., занимал территорию общей площадью в 1 691 742 десятины, население составляло 179 920 человек — жителей Оренбургского и Орского уездов. Управление отделом находилось в Оренбурге.

Второй отдел (управление в Верхнеуральске) включал части территории Верхнеуральского, Троицкого и Орского уездов с общей площадью 3 525 818 десятин и населением 189 580 человек. Третий отдел состоял из частей Троицкого и Челябинского уездов, имел площадь в 2 248 700 десятин и население 216 814 человек. Центр отдела размещался в Троицке.

Таким образом, военные отделы войска отличались один от другого и по размерам территории и по числу населения, а также по количеству станиц. Из 47 станиц, которые располагали войсками, первый отдел имел 19, второй и третий по 14. Большая часть станиц являлась крупными населенными пунктами. Например, в станице Ключевской проживало свыше 26 тысяч жителей, в Еткульской — 23 тысячи, в Оренбургской — 19 тысяч, в Магнитной — свыше 10 тысяч.

Принцип управления Оренбургским казачьим войском был следующий. По военным вопросам казачество

подчинялось командующему Казанским военным округом, по войсковой хозяйственной части — Военному Министерству через Главное управление казачьих войск империи. В 1910 г. это управление было упразднено и решение всех вопросов гражданского устройства казачьих войск и их внутреннего управления перешло в ведение казачьего отдела Главного штаба¹.

Высшим законодательным органом для населения казачьих земель и войск являлся Военный Совет, в компетенцию которого входили важнейшие дела в области законодательной и хозяйственной части и важнейшие хозяйственные вопросы войск. Все главные военные и гражданские казачьи дела решало общее собрание Военного Совета, который имел право применять в казачьих войсках им же принятые законы и «Положения» с учетом местных условий этих войск.

Оренбургское казачье войско подчинялось наказному атаману, который одновременно являлся оренбургским губернатором. При атамане было учреждено два исполнительных органа по военной части — войсковой штаб, действовавший через атаманов военных отделов и станичных атаманов и войсковое хозяйственное правление, имевшее прямые связи со станичными управлениями. Общественное управление станиц казачьих войск складывалось из станичного и хуторского управления. В каждом станичном обществе станичное управление включало: станичный сбор, станичного атамана, станичное правление и станичный суд. В состав станичного сбора входили станичный атаман, его помощники или кандидаты, хуторские атаманы, судьи, казначей и казаки-домохозяева. Станичный атаман, его помощники или кандидаты, станичный казначей и доверенные составляли станичное правление. Хуторское общественное правление, состоявшее из хуторского сбора и хуторского атамана, учреждалось во всех казачьих поселениях, насчитывав-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживающих в казачьих поселениях лиц не-войскового сословия с разъяснениями текста закона Правительствующим Сенатом и Военным Советом. Издание второе, исправленное и дополненное. Составил В. Ф. Петров. С.-Петербург, 1911 (в дальнейшем: Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911 г.).

ших не менее 60 казачьих дворов¹ и имевших особое земельное довольствие, отведенное из общего станичного юрта в постоянное или временное пользование.

Непосредственное руководство и надзор над станичным и хуторским правлениями осуществлял атаман военного отдела, а высший надзор — наказной атаман и войсковое хозяйственное правление. Это правление выпускало инструкции и давало разъяснения о разбивке станиц и хуторов на участки, устанавливало порядок избрания выборных на общественные сборы, составляло списки выборных, контролировало доходы и расходы общественных сумм и т. д.

Войсковое хозяйственное правление имело право решать отсрочки и рассрочки уплаты краткосрочных (до 10 лет) ссуд из казачьих сумм, утверждать проекты постоянных и временных земельных наделов на казачьей территории, разрешать обмен земли между войском и станицами, окончательно решать дела, связанные с образованием новых поселков и переселением казаков в пределах войсковой территории.

В 1911 г. Военный Совет принял «Положения», согласно которым войсковые хозяйственные правления могли выдавать в экстренных случаях ссуды станичным обществам в сумме до 3 тысяч рублей.

В области гражданских дел казачье сословие подчинялось уездным и общегубернским властям.

Являясь одним из крупнейших казачьих войск империи, Оренбургское казачье войско, вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции, занимало огромную территорию — 7 439 808,5 десятины, или 71 422,2 квадратной версты. Население войска росло как за счет естественного прироста, так и за счет переселения, главным образом, из Европейской части России. В абсолютной своей массе население войска являлось русским. Только 8,2 процента составляли татары, нагайбаки и другие народности. Плотность населения была незначительной и составляла 8,4 человека на одну квадратную версту, тогда как на гражданской территории

¹ Если поселок имел менее 60 казачьих дворов, то хуторское правление могло быть создано по ходатайству поселян перед войсковым начальством. Закон о поземельном устройстве казачьих станиц. Ст. 646. СПб, 1911.

Оренбургской губернии на одну квадратную версту приходилось 13 человек.

Но казачье население характеризовалось неоднородностью. Оно состояло из трех основных сословий, различавшихся по отношению к главному занятию казаков — военной службе: войскового, казачьего и невойскового.

ГЛАВА III **ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (С КОНЦА 60-х ГОДОВ XIX В. ДО НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)**

§ 1. Размещение земель и землеустройство на территории войска

Важнейшей особенностью земельных отношений в пореформенный период явилась детальная регламентация землеустройства и землепользования на войсковой территории. Вопросы правового регулирования земельных отношений были поставлены еще в 40-х годах XIX в. В 1842 г. был разработан проект о размежевании земель войска и проект о наделении офицеров и чиновников пожизненными земельными участками.

Проекты рассматривались в Департаменте Военных поселений и в 1843 г. поступили в Военный Совет и Сенат. Сенат их отклонил, и только спустя 20 лет, в 1862 г., после вторичной переработки они были одобрены. Однако через пять лет «Положение о размежевании земель Оренбургского войска» пересматривается и в 1867 г. получает окончательное утверждение. В ходе межевых и землеустроительных работ в 1869 г. вступило в действие общеимперское «Положение о поземельном устройстве в казачьих войсках», которое внесло некоторые коррективы в проводимые работы. К тому же в 1873 г. наказной атаман Оренбургского казачьего войска обратился в Военное Министерство с предложением разделить земли войска в хозяйственном отношении, по примеру Донского войска, на разряды по их доходности, расстоянию от городов и торговых пунктов и т. д. В том же году это предложение одобрил Военный Совет, а в мае 1874 г. оно было утверждено. К этому же периоду относится

постановка вопроса об отводе 1 миллиона десятин земли казахам, кочевавшим в пределах Новолинейного района. Вопрос был решен в 1878 г., но фактически казахи получили надел только в 1898 г. Наконец, в 1875 г. положительно был рассмотрен вопрос об обеспечении потомственными земельными участками офицеров. После этого межевые и землеустроительные работы по наделению землями станиц и поселков приняли более интенсивный характер.

Основу регулирования земельных отношений на территории Оренбургского войска составили многочисленные правовые нормы. Местное казачье начальство оказалось неспособным быстро и четко их реализовать. Работы по межеванию, землеустройству и отводу земель станицам и офицерам, начатые в 60—70-х годах XIX в., продолжались до 1911 г. В результате осуществления этих работ Оренбургское войско получило в 1911 г. 7 432 437 десятин земли. При этом в большинстве войсковые земли являлись плодородными, для обработки были удобными 83,4 процента земель. На одну душу мужского пола войскового сословия приходилось 28,6 десятин удобной земли или 34,4 десятины всей земли¹. Крестьянин центральной России о таких наделах мог только мечтать. За 10 лет — с 1901 г. до 1911 г. — размер войсковой земли за счет прирезки некоторых башкирских земель увеличился с 7 432 437 десятин до 7 439 837,5 десятины, или на 7372,5 десятины.

В результате реализации целого ряда правительственных мероприятий по обеспечению Оренбургского войска землей за ним были закреплены три вида земель: станичные — наделенные (общинные), офицерско-чиновничьи (частно-владельческие), войсковые запасные. При внутреннем размежевании территории войска особенно подробно регламентировался отвод станичных и офицерских наделов.

Положение о размежевании земель Оренбургского войска 1867 г. предусматривало, что на каждую душу мужского пола казачьего сословия земельный надел станице должен составлять не менее 30 десятин удобной

¹ Для сравнения напомним, что в 1905 г. 10 млн. крестьянских дворов 44 губерний Европейской части России имели в среднем на каждый двор по 8,7 дес. наделной пахотной земли.

земли. Если на земле, отведенной станице, оказывались месторождения металлов или минералов, то она получала новый надел из ближайших к ней земель. Станичные наделы включали водопои, луга и леса. Луга отводились станицам в количестве не менее 6 десятин на мужскую душу, а где это оказывалось невозможным, взамен лугов нарезалась двойная норма пахотной земли.

Согласно особым правилам Военного Совета 1874 г. 30-десятинный земельный надел был отнесен к землям среднего качества, и в соответствии с этим он мог быть уменьшен или увеличен. Тогда же было определено, что если станицам земли не хватает, то им следует отводить дополнительные наделы из свободных войсковых земель. На основе положения о размежевании, состав 30 десятин душевого надела был определен в следующей пропорции: 24 десятины пашни, 6 десятин луга с заменой, а в случае его недостатка, одной десятины луга — двумя десятинами пашни. Но в ходе начавшихся землеустроительных работ возник вопрос: как наделить всех казаков хорошими, плодородными и удобными землями? В связи с этим Военный Совет империи в 1878 г. издал «Положение о классификации земель Оренбургского казачьего войска», основу которого составила сравнительная оценка качества всех его земель. Было решено принять на всей войсковой территории за пахотную землю среднего достоинства такую, десятина которой могла бы дать годовой валовой доход в 15 рублей.

На этих основаниях в 1880 г. была выполнена подробная классификация земель первого военного отдела с распределением пашенной земли на 8 категорий и присвоением отдельным категориям вместо нормального 24 десятины пашенного надела — надела в размере от 26 до 48 десятин. При таксации земель десятина леса приравнивалась к 2—4 десятинам. Луга относительно пашни оценивались так: в первых трех категориях за десятину луга отводилось 1,5 десятины пашни, в последних 5 категориях по 2 десятины. Неудобные земли засчитывались в размере от $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{3}$ десятины удобной степи.

В 1882 г. были классифицированы пашенные земли 3-го отдела, разделенные на 8 категорий. В результате 24-десятинный нормальный пахотный надел был заменен наделом, размеры которого колебались от 22 до 29

десятин. Но в 1889 г. Военный Совет, вследствие крупных злоупотреблений и ошибок, допущенных во время таксации земель, отменил все ранее выполненные расчеты и своим положением от 15 июня 1889 г. понизил на 15 процентов размеры пашенных наделов в 1-м, 2-м и 3-м отделах. Что касается станиц 2-го отдела, земли которых в большинстве своем таксации не коснулись, то для них был принят один общий надел — 23 десятины пашни и 6 десятин лугов с заменой недостатка лугов двойным размером пашни. При этом леса, залоги и годные для вспашки выгонные земли отводились в состав наделов без всякой таксации — десятина за десятину, а выгонные солончаки по три десятины за одну десятину пашни.

Однако несмотря на 15-процентное уменьшение пашенных наделов, фактически казачьи наделы в большинстве станиц и поселков Оренбургского войска на душу населения явились значительно большими, чем установленная 30-десятинная норма. Так, станицы и поселки, находившиеся между реками Уралом, Илеком и Бердянкой, получили от 30 до 70 десятин на каждого жителя (пос. Благословенка — 32,2 десятины, ст. Павловская — 34,3 десятины, пос. Мертвецовский — 48,3 десятины, пос. Прохладный — 70,7 десятины; станицы и поселки, расположенные близ города Орска и севернее ст. Кваркенской — от 35 до 100 десятин (пос. Куманкский — 36,7 дес., ст. Кваркенская — 45 дес., ст. Таналыкская — 63,3 дес.). Столь большие размеры наделов на человека превосходили крестьянские наделы в 6—10 раз. На этом основании В. И. Ленин относил казачество к слою «земледельцев самых зажиточных»¹.

Таким образом, размер паевого земельного надела казака был определен «Положением о размежевании земель Оренбургского войска» как минимальный в 30 десятин с обязательным включением в него не менее 1/5 части лугов, т. е. 6 десятин. В случае недостатка лугов размер луга в 6 десятин, обязательно предназначенный для казака, заменялся двойным размером пашни. Следовательно, минимальный паевой земельный надел казака составлял, во-первых, в этом случае более 30 десятин. Во-вторых, сравнительная оценка земель, сделанная

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 402.

на основе положения Военного Совета «О классификации земель Оренбургского казачьего войска» 26 мая 1878 г. привела к тому, что земли военных отделов были подразделены на 6 и 8 категорий, и для каждого отдела был определен свой размер казачьего надела пахотной земли. Все это обусловило то, что нормы казачьих наделов в пределах войска колебались от 30—36 до 70 и 100 десятин.

При этом следует учесть, что казак, который получал надел в 100 десятин, не оказывался в каком-то привилегированном положении по сравнению с казаком, имевшим надел в 30 десятин. Дело в том, что положение Военного Совета «О классификации земель Оренбургского казачьего войска» от 26 мая 1878 г. содержало указание относительно того, что для всего пространства войсковой территории за пахотную землю среднего достоинства следует принять такую, десятина которой давала бы годовой валовой доход в 15 рублей.

Таким образом, на годовой доход казака оказывал влияние не только размер надела, «пая» но и качество земли. Иными словами, доходы казака, имеющего надел в 30 десятин, и доходы казака, имеющего надел в 100 десятин, должны были быть, по мысли местных властей, одинаковыми. В действительности так оно и было. Но казаки, владевшие наделом от 70 до 100 десятин, затрачивали на обработку земли больше труда и больше времени, так как крупные наделы нарезались в разных местах, что приводило к дальнотемелью и чересполосице.

В-третьих, поскольку нормы казачьих наделов в пределах войска колебались от 30 до 70 и 100 десятин на каждого представителя мужского пола, то на один казачий двор могло приходиться от 60 до 190—200 десятин.

Казак, достигший семнадцатилетнего возраста, получал земельный пай. Но он продолжал жить с отцом до 21 года, до ухода на военную службу. Следовательно, казачий двор мог иметь и имел от 6 до 150 и более десятин земли.

По данным статистики за 1905 г., из 73 690 казачьих дворов Оренбургского войска 50 156 располагали от 50 до 100 десятин на двор, 5166 дворов имели от 100 до 200 десятин на двор, 858 — от 200 до 300 десятин. Столь большие земельные наделы являлись основой казачьих привилегий.

Приведенные данные показывают, что самодержавие, стремясь превратить казаков в своих верных слуг, оказывало им привилегии, не жалело для них земли. Кроме того, каждой станице отводились еще и участки в размере не менее $\frac{1}{3}$ станичного надела, которые являлись неприкосновенным запасным земельным фондом. Они подлежали распределению в том случае, если по мере роста членов казачьего сословия земли, отведенной станицам, оставалось менее 20 десятин на душу мужского пола казачьего сословия. Все это выделяло казаков из общей массы крестьян.

§ 2. Станичные наделы, общинные земли и правовая регламентация казачьей общины

Рассматривая казачество как особое сословие, самодержавие уделяло большое внимание упрочению казачьей общины. В пореформенный период эта община, особенно вопросы общинного землепользования, подверглись детальной регламентации.

В целях сохранения общины действующий закон запрещал передавать общинные земли посторонним и превращать их в частную собственность. «Земли, отведенные станицам,— говорилось в ст. 713 Учреждения гражданского управления казаков,— состоят в общинном владении общества каждой станицы. Никакая часть земли и никакое угодье, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо частную собственность»¹. Станичные земли, за исключением выгонов, леса и других земель, служивших для «общественных надобностей» (например, участки для сдачи в аренду), распределялись на пай. «Земля,— гласила ст. 716 Учреждения гражданского управления казаков,— отводимая станичным обществам для наделения оною лиц войскового сословия, распределяется на участки, равные по достоинству. Такие участки называются паями»². «Мужского пола жители станиц, принадлежащие к войсковому сословию,— говорилось в ст. 717,— по достижению 17-летнего возраста имеют право каждый на один пай во всех общих станичных угодьях

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб. 1911, с. 29, ст. 713 и разъяснение к ней.

² Там же, с. 35, ст. 716.

и довольствиях»¹. «Казачий пай,— разъяснял Военный Совет в 1896 г.,— служит обозначением исправного отбывания казаками особой военной и других специально казачьих повинностей»².

В. И. Ленин считал казачество привилегированным крестьянством и подчеркивал средневековый феодальный характер «пользования землей за службу»³.

Основу пользования земельными паями и другими угодьями составляли общинные порядки, которые по определению Военного Совета признавались удобными для «жителей». Пользоваться станичными общинными землями можно было только в случае получения земельного надела в виде пая или путем аренды оброчных статей. Но ни в коем случае нельзя было владеть или распоряжаться этими землями. Казаки могли пользоваться представленными им паями не только лично, но и передавать их другим лицам войскового и невойскового сословия на срок не свыше одного года. Однако статьи «Учреждения гражданского управления казаков» 1903 г. внесли значительные изменения в арендные отношения. «Жители станиц,— говорилось в ст. 723,— могут пользоваться представленными им паями не только лично, но и передавать оные другим лицам войскового и невойскового сословия на срок юртового передела, но не далее, как на шесть лет, причем арендная плата может быть получена владельцем не более как за один год вперед»⁴. Разрешалось сдавать земельные наделы в аренду за договорную плату. Казаки и не казаки, которым принадлежали хозяйственные постройки, мельницы и сады в станичных юртах, владели находившейся под этими постройками землею «не на праве собственности, а лишь на праве постоянного пользования».

Строго регламентируя жизнь казачьей общины, особенно вопросы землепользования, Сенат специальным указом разъяснил, что «в пределах станичного юрта может пользоваться бесплатно участком земли лишь однообщинник, имеющий право на пай, всякое же лицо, станичному обществу не принадлежащее, хотя бы состояло

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб. 1911, с. 35, ст. 717 и разъяснение к ней.

² Там же. с. 36, ст. 717.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 315.

⁴ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц, 1914, с. 45.

в сословии того же войска, может пользоваться станичною землею не иначе, как в качестве арендатора оной, по контракту, заключенному с обществом и утвержденному надлежащим начальством»¹.

Таким образом, как свидетельствует приведенный правовой материал, жизнь казачьей общины, ее традиционные внутриобщинные порядки конца XIX — начала XX в. нашли свое полное и окончательное законодательное оформление. Особенно строгой правовой регламентации подвергались вопросы землепользования. Все члены казачьей общины получали земельные наделы на душу в пользование и не имели права ими владеть или распоряжаться, или превращать в собственность. Они могли только постоянно пользоваться ими.

Правом постоянного пользования землей наделялись и сама казачья община, и станичное общество, которое являлось низовой казачьей организацией: оно, как и любой другой ее член, не выступало носителем права собственности. Единственное, что могла свободно делать станичная община, это, помимо права постоянного пользования землей, распределять отведенные ей юртовые земли на участки. Выполнение этих функций возлагалось на станичный сбор.

В распределении станичных угодий полномочия станичного общества определялись ст. 724 Учреждения гражданского управления казаков. «Распределение станичных угодий на пай и распределение последних между жителями станиц,— говорилось в статье,— зависит от усмотрения самих станичных обществ. Дела сего рода решаются по общему согласию или по большинству голосов на таких станичных сборах, в коих участвовало не менее двух третей лиц, имеющих голос на сборе»². В другой статье (555) законодатель сделал попытку уточнить права и обязанности станичного сбора в распределении станичных угодий. «Станичному сбору представляется право и на нем лежит обязанность обсуждать дела, касающиеся распределения общественного поземельного довольствия между всеми поселениями стани-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 37—38. Разъяснение Сенатом условия пользования юртовыми землями для иностранчиков.

² Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 41, ст. 724.

цы... и распределения земель и угодий между членами станичных и хуторских обществ в таких хуторах, которые не имеют своих сборов»¹.

Здесь законодатель оказался не точен. Речь может идти не о правах станичного сбора в распределении станичных земель, а об его обязанностях, ибо станичный сбор распределял земли так, как это предписывалось законодательными органами и войсковым начальством, от которых в распределении земли на участки он зависел целиком и полностью. Казачья община и ее высший орган — станичный сбор — не имели права решать вопросы внутриобщинного землепользования, поскольку не обладали ни правом распоряжения, ни правом собственности. Без этих прав все остальные «права» ничего не представляли.

Носителем права собственности на все войсковые земли, в том числе и на земли, отведенные станицам, являлось казачье войско. Правовой регламентации этого вопроса много внимания уделял Правительствующий Сенат. Указом от 24 июня 1903 г. он разъяснял, что «из суммы частей принадлежащего войску права собственности на пожалованную ему землю с отводом станицам юртовой земли... право собственности, право распоряжения тою землею осталось за войском». «Станичное общество,— говорилось далее в указе,— не только не имеет право уступить кому-либо в частную собственность какую-либо часть отведенной в юрте земли, но оно не имеет власти распорядиться по своему усмотрению даже хозяйственными статьями станицы»². В каждом отдельном случае, когда речь шла о выделении хозяйственных или оброчных статей на нужды станичного общества, оно обращалось за разрешением или утверждением в войсковое хозяйственное правление. Иными словами, оно осуществляло право владения под неусыпным контролем этого правления, которое в решении подобных вопросов выступило как представитель всего войска.

Сенат, давая, по существу, обоснование бесправному положению казачьей общины, пояснял, что «земля по-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц СПб, 1911, с. 42, ст. 555.

² Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно. 1914, с. 34—35.

жалована не станицам, а всему войску и посе́му право собственности на занимаемые казаками земли не может принадлежать станицам, которые пользуются ими только на праве владения»¹.

Следовательно, община имела право пользования и право владения, но и эти права в значительной мере были ограничены и урезаны, а сама община зависела от войскового хозяйственного правления.

Вся казачья земля, в том числе и выделенная станицам, казачьей общине, принадлежала казачьему войску. Оно, по определению Правительствующего Сената, представляло «собою государственное учреждение»² и ему принадлежало право собственности на всю казачью землю. Из суммы частей принадлежащего войску права собственности на пожалованную ему землю с отводом станицам юртовой земли (станциям — подчеркивалось в Указе Сената) передано лишь «право владения и право пользования оною; существенная же часть права собственности, право распоряжения тою землею осталось за войском»³.

В апреле 1906 г. Оренбургскому казачьему войску была пожалована Высочайшая Грамота «на укрепление в вечное владение войска представленных ему земель, в беспорных их границах»⁴. Таким образом, Оренбургское войско получило право собственности на все войсковые земли. Именно в этот период казачьи земли были окончательно муниципализированы.

Право собственности на казачьи земли самодержавие передало войску в лице войскового хозяйственного правления. В вопросах о земле оно выступало, как этого требовало предписание Правительствующего Сената и Государственного Совета, «в качестве представителя всего войска». В 1913 г. Военный Совет, касаясь вопросов правового регулирования землевладения и землепользования, подчеркнул, что «собственником казачьих земель, какого бы наименования они ни были, является казачье

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914, с. 35.

² Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 113—114.

³ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914, с. 34.

⁴ Столетие Военного Министерства. СПб, 1911. Т. XI, ч. IV, с. 260.

войско, как юридическое лицо, а земли, отведенные станицам, состоят лишь в общинном пользовании станиц, не составляя их собственности»¹. «Казачьи земли,— отмечал В. И. Ленин в 1907 г.,—сейчас представляют из себя настоящую муниципализацию»². «Эта, фактически существующая, муниципализация,—подчеркивал далее В. И. Ленин,—означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»³. «На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения»⁴.

Казачья община была феодальной организацией. Строгая правовая регламентация всей ее внутренней жизни, ее полная зависимость от государства преследовали цель — сохранить и упрочить общину, с помощью ее оградить и сберечь казачество как единое феодальное сословие. Но вопреки всем стараниям самодержавия сохранить казачество, как привилегированное сословие от разложения, в его среде тем не менее происходит процесс социальной дифференциации. Одним из многочисленных показателей разложения казачьей общины и этого процесса являлось наличие в среде казачества казачков-общинников, казаков-кулаков и казаков-бедняков.

До крестьянской реформы порядок землепользования, система земледелия, переделы земли осуществлялись в казачьей общине на основе общинных традиций и обычаев. После реформы многие внутренние стороны общины, особенно вопросы землепользования, подвергались со стороны государственных органов и войсковой канцелярии правовому регулированию. Так, на основании специальных правил, разработанных войсковым начальством для упорядочения землепользования, станицы и поселки выделяли из своих наделов усадебный, оброчный, лесной и выгонный участки, а также участок для станичного конноплодового табуна.

При распределении остальной земли на казачьи паи станичные и поселковые общества руководствовались

¹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 49 за 1913 год. Петербург, 1914, ст. 337, с. 251.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 315.

³ Там же.

⁴ Там же.

правилами войскового начальства, которыми устанавливался следующий порядок землепользования. Вся земля, назначенная для казачьего пая, делилась на три равных пахотных поля. Ими пользовались по очереди от 3 до 6 лет, в зависимости от местных условий. Порядок пользования этими полями был такой: в первом поле производился посев, во втором — косили сено, в третьем пасли отгонные гулевые общественные табуны. Через определенный промежуток времени посевы переносились на второе поле, сенокосение — на третье, а скот пасли на первом и т. д. Каждое поле один период находилось под посевом и два периода «отдыхало» под сенокосом и выгоном.

Как правило, каждое пахотное поле имело одинаковое количество земли, удобной для посева, и достаточное количество удобных водоемов. В каждом поле часть земли (ежегодно от 100 до 400 дес.) выделялась для общественных запашек, а остальная площадь делилась на пашенные пай по числу имеющих право на пай с выделением некоторого числа запасных пасев «на прибылые души от естественного прироста населения и для наделения по другим случаям»¹.

Луга делились между всеми членами станичного и поселкового обществ, имевшими право на сенокосы по взаимному соглашению на пай, равные не по размеру, а по качеству трав. Правила войсковой канцелярии допускали и другие способы, но при этом настоятельно рекомендовалось делить землю «уравнительно между всеми лицами, имеющими право на пай, и чтобы пахотная земля имела правильно установленный отдых»². Распределялись нарезанные пай между казаками обыкновенно по жребию.

При таких способах распределения земельных паев между казаками, принадлежащими к станичной и поселковой общине, земельные хозяйства поселков имели типовой, а точнее стереотипный характер и представляли из себя следующую картину: усадьба занимала около 1 процента всей удобной земли, огороды и бахчи — от 1 до 4 процентов, участки для станичных конноплодовых

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Т. XI, ч. IV. СПб, 1911, с. 262.

² Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Т. XI, ч. IV. СПб, 1911, с. 262; Доклад Шербов-Нефедовича. СПб, 1902, с. 50

табунов — около 5 процентов, выгон для домашнего скота от 25 до 50 процентов. После выделения всех этих участков оставшаяся земля — от 40 до 60 процентов — отводилась под казачьи пай: в 30 поселках от 40 до 60 процентов всей удобной земли, в 31 поселке — более 60 процентов, в 12 поселках — около 40 процентов. В 1902 г. в казачьих поселках 1-го Военного отдела при трехпольном хозяйстве на пай приходилось (учитывались только поля, где производился посев) от 1 до 8 десятин; во 2-м Военном отделе, при тех же условиях, — от 4 до 10 десятин; в 3-м отделе, где земля не делилась на три отдельных поля, на пай приходилось от 10 до 20 десятин.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что под усадьбу, огород, бахчи, участки для станичных конноплодовых табунов во всех поселках войска отводилось почти одинаковое количество земли, т. е. по 8—10 процентов. Под выгон же для домашнего скота поселки отводили от 25 до 50 процентов всей земли. Это свидетельствовало о том, что в одних поселковых хозяйствах видное место занимал скот, в других — хлебопашество. Хозяйства, которые засевали от 1 до 8 десятин, являлись маломощными и получали от хлебопашества незначительный доход. Это являлось показателем серьезной хозяйственной дифференциации казаков-общинников. В своем отчете за 1912 г. агроном войска писал, что казаки, имея землю «эксплуатировали ее, использовали ее не все и не всегда должным образом для получения высоких доходов»¹.

К началу XX в. казачье общинное землевладение и землепользование явились главным тормозом прогресса сельскохозяйственного производства на территории войска. В результате частых переделов общественной земли сельское хозяйство здесь приходило в упадок. Среди общинников-казаков все больше и больше появлялось таких, которые стремились освободиться от общинного уклада, переселиться на хутора или, на худой конец, добивались установления более продолжительного срока для передела общественной земли, например, на 12 и 20 лет.

Общеизвестно, что в условиях общинного землеполь-

¹ Отчет по агрономической части... за 1912 год. Оренбург, 1913, с. 13.

зования для домохозяина, учитывая периодически продолжавшиеся переделы земли, не было полной уверенности в судьбе своего участка. Казак-общинник рассматривал свой надел как временный источник получения дохода, стараясь или взять со своего участка все, что только можно, если он представлял из себя ценность, или, в случае малоценности, оставлял его на произвол судьбы, не тронутым. Сам же арендовал землю у других общинников.

Частые переделы приводили к тому, что казак-общинник, стремясь вести свое хозяйство исправно, старался экономно и равномерно использовать земельный надел и всегда имел известный запас невыпаханной земли. Но предвидя скорый передел, он стремился кое-как выпахать накопленный им запас. И если сам он это не в состоянии был сделать, то отдавал его в аренду другому за плату, какую давали. Словом, казак-общинник шел на все, лишь бы не отдать общине невыпаханные земли.

Частые переделы обуславливали бесцельное выпашивание земли. В одной из корреспонденций из Верхнеуральского уезда, опубликованной в газете «Русский труд», сообщалось, что казачье хозяйство «ведется опустошительно» и что вообще все виды земледельческих работ, от вспашки и посева до уборки урожая, производятся «довольно небрежно»¹. Д. Зеленин, побывавший у оренбургских казаков, отмечал, что земледелие у них ведется по системе «еще более первобытной и невыгодной, нежели у наших крестьян... а именно, по системе «общинной»².

Следует отметить, что на территории войска, в рамках казачьей общины, наряду с чисто общинной формой землепользования, широкое распространение имели и такие, как заимочная и хуторская. Это являлось ярким показателем разложения казачьей общины — процесса, обусловленного экономическим неравенством, которое сложилось еще задолго до «освободительной» реформы в условиях господства в казачьей общине, вплоть до середины 70-х годов XIX в., «заимочной системы» землепользования. Суть системы заключалась в том, что каж-

¹ «Русский труд», № 212, 1899.

² Д. Зеленин. У оренбургских казаков. М., 1906, с. 8.

дый казачий двор мог иметь столько земли, сколько он мог освоить. Земли «заимочной системы» землепользования переделам не подлежали.

Данная система представляла из себя долгосрочное землепользование. Она была посильной и выгодной казакам-общинникам, имевшим средства для обработки земли. В результате, состоятельным казакам удалось захватить большую и лучшую часть земельных угодий, принадлежащих общине.

С 70-х годов XIX в. на территории войска стал вводиться принцип распределения земли между общинниками на душу населения. Но это привело только к усилению противоречий в общине, к резкому столкновению интересов зажиточного и середнячко-бедняцкого казачества. Тем не менее, заимочная система не только была упразднена, но под влиянием развития аграрного и торгового капитализма еще больше укрепилась.

Что касается хуторского землепользования, которое шло вразрез с общинным, то оно явилось прямым следствием проникновения в казачью общину, особенно в период империализма, товарно-денежных отношений.

В условиях казачьего строя хуторская система отличалась от заимочной, пожалуй, только тем, что если заимочная система возникла в казачьей общине в период слабо развитого капитализма, то хуторская появилась в эпоху развитого капитализма и его бурного вторжения в общину. Заимочная система являлась долгосрочным землепользованием, хуторская — вечным. Но это отличие носило скорее формальный характер, нежели фактический, ибо случаи передела земель заимочной системы с 1905 по 1917 г. нам неизвестны. Упоминаний о таких случаях нигде не содержится.

Заимочной и хуторской системам землепользования были присущи одни и те же способы захвата общинных земель.

Зажиточные казаки захватывали под пашню большую и лучшую часть общинной земли, обзаводились хуторами, пасли скот на общественных пастбищах. Вот что писала по этому поводу в 1910 г. газета «Верхнеуральский листок»: «Разделят крепкую залежь или залог, да за бесценнок прикупают себе, какая им подойдет, а на остальной земле, земле бедняков... свободно, без стеснения, пасут свой скот. Через 3—4 года перебираются

на следующее поле... Подобный порядок поддерживается и нашим начальством»¹.

Всякими правдами и неправдами общинными землями старались завладеть представители поселковой и станичной администрации: поселковые и станичные атаманы, урядники, судьи и т. д. Именно они в первую очередь допускали многочисленные злоупотребления и бесчинства. Казаки поселка Кулевчинского писали в газете «Степь»: «У нас в поселке всякий казак, попав в атаманы, делается уже начальником и, как подобает истинному начальнику, старается не о пользе общества, а о своей собственной»².

Постепенно общинные земли, захваченные поселковой и станичной верхушкой, переходили в ее постоянное пользование.

Наличие свободных войсковых земель, значительная часть которых сдавалась в аренду, способствовало росту зажиточной части казачества. Богатые казаки арендовали львиную долю этих земель. Так, в 1903 г. урядник Усть-Уйской станицы Челябинского уезда Дмитрий Петров арендовал для пастбы скота и сенокосения две оброчные статьи в размере 380 десятин. Урядник Кизильской станицы Семен Резепин в 1907 г. взял в арендное содержание участок в 100 десятин³.

Важным источником расширения хозяйств зажиточных казаков, кроме аренды свободных войсковых земель, являлась и надельная земля станичных юрт. Свои земельные наделы в аренду сдавали, главным образом, несостоятельные казаки. Но они не могли поступать так в отношении «чужих» крестьян. Надельные земли разрешалось сдавать арендным путем только членам казачьей общины. Такой порядок обуславливал низкие цены на арендную землю — по 32 копейки за десятину. Положение бедноты ухудшалось.

Станичные правления все чаще и чаще стали использовать метод насильственного нажима на бедняков. В случаях неудовлетворительного выполнения повиннос-

¹ «Верхнеуральский листок», № 852, 1910.

² «Степь», № 103, 1906.

³ Л. А. Селивановская. Социальная дифференциация Оренбургского казачества в конце XIX — начале XX вв. Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Серия историко-филологических наук. Вып. 13. Оренбург, 1958, с. 50.

тей, неуплаты долгов станичные правления, вопреки желанию бедных казаков, принимали решения о сдаче их наделов в аренду. Тем самым бедняки ставились в безвыходное положение. В этом отношении показательным явилось решение правления Кизильской станицы о сдаче в аренду наделов казаков Грязнушенского поселка. Доверенные казаки поселка в 1907 г. обратились в Войсковое хозяйственное правление с просьбой не утверждать сделку о сдаче в аренду их наделов, так как «все общество терпит крайнюю нужду и недостаток в земле».

В 1902 г. начальник Главного управления казачьих войск генерал-лейтенант Щербов-Нефедович, будучи в командировке в Оренбургском казачьем войске, обследовал станицы и поселки. Был собран обширный материал о жизни казачества. Из 54 обследованных поселков в 46 сдавалось в аренду до 721 десятины паевой земли в каждом, а в остальных — от 1000 до 2800 десятин в каждом.

Из сказанного очевидно, что с одной стороны в зажиточных казачьих хозяйствах происходил рост фактического землепользования, причем не только за счет захвата надельной земли, но и за счет арендованных и купчих земель, с другой — формальные и фактические размеры надельных земель бедняцких и середняцких казачьих хозяйств уменьшались. Именно эти группы хозяйств порождали безземельных, беспосевных, безлошадных и «бездомовых» казаков.

Казаки Еткульской станицы так писали о своей жизни: «С каждым годом замечается все больший и больший упадок сельского хозяйства. Нужда со всеми ее последствиями все глубже забивается в основу казачьего житья-бытья»¹. Причины такого положения объяснялись различными факторами — непрерывно возрастающими масштабами расхищений общинных земель, сокращением количества рабочего скота, усилением военных тягот и денежных повинностей и т. д. Но самая главная причина роста бедственного положения рядового казачества заключалась в том, что оно попадало в орбиту капиталистического развития, под власть капитала. Гонимые нуждой бедняки-казаки шли на поклон к местному казачу-богатею и вымаливали у него под залог вещей или

¹ Л. А. Селивановская. Указ. соч., с. 72.

под работу необходимую сумму. Казаки-кулаки, занимаясь спекуляцией и ростовщичеством, имея значительные средства, охотно «снабжали» своих одностаничников-бедняков деньгами. Однако за это они взымали с рубля непосильные проценты — не менее 10 копеек в месяц.

Особенно тяжелыми являлись условия кредита под работу. За какие-нибудь три-четыре пуда муки стоимостью не более 2—3 рублей казак должен был через 3—6 месяцев убрать урожай с десятины, хотя подобная работа оплачивалась обычно от 4 до 9 рублей¹. Положение казаков-бедняков ухудшалось еще и потому, что ремесла в казачьем войске были развиты слабо, а возможности найти заработки на стороне весьма ограничены. «Отлучаться на заработки некуда, да и нельзя — не отпускают», — писали казаки в газете «Степь». «Военная служба, — читаем далее, — у казака отнимает почти все время... Она не позволяет ему пользоваться отхожими промыслами и ремеслами»². Лишь в виде исключения казаки 2-го отдела работали на золотых промыслах. Обремененные военной службой казаки-бедняки имели только один выход — батрачить у богачей одностаничников и казачьих офицеров.

Так, под воздействием капитализма процесс социальной дифференциации казачества принимал форсированный характер, разрушалась казачья община, подрывалась основа самого существования казачества, как военно-феодалного сословия.

Другим показателем разложения казачьей общины следовало считать различное земельное обеспечение казачьего офицерства и рядового казачества.

Вопреки действующему законодательству, запрещающему отчуждение земель казачьего войска в чью-либо частную собственность, царское правительство начало широко практиковать раздачу в пожизненное пользование крупных земельных участков казачьим офицерам и чиновникам войска, а на основе положения 1875 г. эти участки были закреплены за ними в потомственную частную собственность.

¹ Л. А. Селивановская. Указ. соч., с. 72.

² «Степь», № 74, № 25, 1907.

§ 3. Офицерско-чиновничьи (частновладельческие) земли.

Раздача войсковых земель в частную собственность и ее последствия

До 60-х годов XIX в. офицеры Оренбургского казачьего войска пользовались землями там, где желали и в неограниченных размерах. Но это, по мнению оренбургского начальства, лишало их возможности извлекать такие выгоды, которые они получали бы за счет «более прочного водворения на сем участке». Поэтому оренбургское начальство просило правительство назначить офицерам отдельные участки.

Правительство внимательно отнеслось к этой просьбе и в 1862 г. утвердило «Положение о наделении чиновников Оренбургского войска пожизненными участками из войсковых земель». Право на получение таких участков представлялось всем без исключения отставным и служащим войсковым чинам.

Утвержденное 1 января 1875 г. новое «Положение об обеспечении землей генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Оренбургского казачьего войска» значительно расширило их права и привилегии в вопросах землевладения. Прежде всего за офицерами и чиновниками закреплялись ранее отведенные им пожизненные участки в потомственные, причем размеры их немалого увеличивались. Так, если согласно «Положению 1862 г.» генералам отводился участок в 1600 десятин, штаб-офицерам — 400 десятин, обер-офицерам — 200 десятин, то «Положение 1875 г.» предусматривало: генералам — 3000 десятин, штаб-офицерам — 800 десятин и обер-офицерам — 400 десятин. Такие размеры потомственных участков офицеров и чиновников Оренбургского казачьего войска вдвое превышали аналогичные участки в других казачьих войсках (Донском, Кубанском, Терском и Астраханском).

С превращением пожизненных участков в потомственные офицеры и чиновники войска могли сдавать их в аренду, продавать лицам войскового и невойскового сословия. Характерно, что закрепление земельных участков в потомственную собственность не лишало их владельцев права на получение новых пожизненных участков. Пользуясь этим многие офицеры и чиновники начали

спекулировать землей, продавая свои участки по высоким ценам. Согласно официальным данным офицерские участки в 1887 г. занимали 600 000 десятин, к 1901 г. 400 000 десятин. Иными словами в течение 14 лет офицеры и чиновники распродали 200 000 десятин. Цены за землю резко возросли и одна десятина стоила от 6 до 10 рублей. Если даже взять среднюю цену за десятину — 8 рублей, то владельцы участков заработали более 1,5 миллиона рублей.

Казачья земля все больше и больше превращалась в товар, в предмет купли и продажи. Вследствие этого на землях потомственных участков хозяйство лишь в редких случаях велось самими офицерами. Подобная практика не отвечала интересам правительства. Еще в 1898 г. Военный Совет отмечал, что в «Оренбургском войске, как и в других казачьих войсках, значительная часть земельных участков, отведенных в собственность войсковых чинов на основании положения об обеспечении, в настоящее время перешла в руки лиц невойскового сословия, так что потомство означенных войсковых чинов является необеспеченным. И таким образом в значительном количестве случаев не достигает своей цели — обеспечения служилого класса войскового сословия». ¹ Правительство не могло мириться с таким положением и неустанно изыскивало новые возможности насаждения на территории Оренбургского казачьего войска крупной частной собственности. В начале XX в. было обращено более пристальное внимание на то, чтобы наделить офицеров и чиновников земельными участками на станичных землях с целью обеспечения их дешевой и постоянной рабочей силой.

В 1903—1906 годах вышли новые законодательные акты, в которых окончательно закреплялись все те многочисленные права и привилегии в области землевладения и землепользования, которые получили офицеры и чиновники Оренбургского казачьего войска в течение всего пореформенного периода. В примечаниях к статьям «Учреждение гражданского управления казаков», «Об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров, чиновников и их семейств в Оренбургском казачьем войске»

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Т. XI. ч. IV. СПб, 1911, с. 274.

говорилось: «Приобретшие земельные участки в потомственную собственность генералы, и штаб-, и обер-офицеры, классовые чиновники и семейства их, доколь состоят в войсковом сословии, не лишаются права на довольствие, сверх того, на землю из станичных наделов»¹.

Весь смысл этого правового акта сводился к тому, что за офицерами не только закреплялись потомственные участки, но и сверх того им представлялись права на земли из станичных наделов. Выделение участков из станичных земель сопровождалось закреплением за их владельцами усадеб, садов и рощ, имевшихся в станицах и поселках, в частную собственность. Так, царь, вопреки им же изданным законам (например, ст. 713 «Учреждения гражданского управления казаков», гласившая о том, что «никакая часть земли и никакое угодье, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо частную собственность»), становится на путь насаждения на территории казачьей общины частной собственности. Внутри казачьей общины, вопреки ее духу и существу, законодательно внедрялась частная собственность, что являлось показателем дифференциации казачьего сословия, разложения общины. Частное землевладение развивалось и укреплялось за счет ущемления интересов рядовых казаков-общинников.

В 1912 г. казачьи офицеры и чиновники Оренбургского казачьего войска владели 506 372 десятинами земли. Количество ее по сравнению с 1901 г., т. е. за 11 лет, увеличилось на 106 372 десятины (для сравнения заметим, что в Донском войске из 12 млн. дес. всей войсковой земли офицерам принадлежало 503 667 дес., в Оренбургском — из 7,5 млн. дес. — 506 372 дес.).

Утечка земель из казачьих общин и из войскового запасного фонда осуществлялась и иными путями, в частности, за счет представления земель церквям и церковнослужителям. Из станичного юрта каждой церкви отводилось по 300 десятин земли. Правда, в порядке компенсации станица получала 300 десятин из войсковых запасных земель. Может создаться впечатление, что станицы при этом ничего не теряли. Но такое впечатление

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 37. Примечание к ст. 782 «Положения» 18 января 1875 г.

будет не совсем правильным. Станицы выделяли церквям лучшие земли, в центре станиц или вблизи их, а взамен прирезывались земли на окраинах и на границах станичных наделов, вдали от станиц, что, конечно, было далеко не одно и то же, особенно для рядовых казаков-общинников.

К тому же все церковнослужители получали по размерам земельные наделы значительно большие, чем рядовые казаки-общинники. В приложении к ст. 717 «Учреждения гражданского управления казаков» 1906 г. говорилось: «Священно и церковнослужители станичных церквей Оренбургского казачьего войска... в сенокосах и лесах получают протоиереи по четыре казачьих пая, священники по два, диаконы по одному с половиною, а дьячки и пономари каждый по одному. Все означенные священно и церковнослужители в пашенных землях, рыбных ловлях и других выгодах, под чем разумеется и садоводство, пользуются на общественном станичном праве»¹.

Отведенные в пользование духовенства станичных церквей земельные наделы не подлежали обложению сборами на общественные станичные надобности. Дома священников, дьяконов и причетников невойскового происхождения, как занимавших штатные должности, так и не занимавших их, но выслуживших в войсках право на пенсию, освобождались от посаженной платы, если священники, дьяконы и причетники имели на территории войска усадьбу с постройками и домом.

Таким образом правительство содействовало разложению общины и социальной дифференциации казачества. Еще в пореформенный период, особенно после первой русской революции, оно приняло ряд законов, которые вносили некоторые изменения в общинное землепользование.

Например, принятые в 1906 г. статьи «Учреждения гражданского управления казаков» разрешали каждому члену станичного общества иметь и разводить плодовые сады и лесные рощи (левады) как при своих усадьбах, так и в местах, назначенных обществом. Хозяин сада или рощи владел ими до тех пор, пока они существова-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914, с. 39.

ли, но земли под садами и рощами оставались собственностью казачьей общины. Причем, право разводить сады и рощи получили не только лица войскового, но и невойскового сословия. «Лица невойскового сословия,—говорилось в примечании к ст. 715,—имеющие на войсковых или станичных землях сады и рощи, или разводящие таковые, владеют ими как своею собственностью, доколе существуют древесные насаждения»¹.

Лица невойскового сословия, владевшие на войсковых землях или в пределах юртовых станиц войска садами и рощами как при своих усадьбах, так и на особых участках, от посаженной платы за земли под этими садами и рощами освобождались.

Участки, занимаемые садами и рощами, принадлежавшие лицам невойскового сословия, а также вновь отводимые им для садоводства и лесоразведения, облагались войском или станичным обществом платой: на войсковых землях—от 50 копеек до одного рубля с десятины в год, на станичных землях—не свыше той арендной платы за землю, отдаваемой в тех местах под хлебопашество. Лица войскового сословия плату за пользование станичными и войсковыми землями для разведения садов и рощ не вносили.

Закон, следовательно, представлял право всем лицам как войскового, так и невойскового сословия иметь и разводить плодовые сады и рощи, но далеко не все имели возможность заниматься этим дорогостоящим мероприятием. Законом воспользовались лишь зажиточные слои казачьего войска. Получив бесплатно значительные земельные участки, они закрепляли их не только в постоянное, но и в вечное пользование. Причем специальным указом 11 июня 1908 г. Сенат разъяснил, что «земля под садом или левадою, разведенными членами станичного общества, ни в каком случае не может быть зачислена ему в паевой надел»². Тем самым закон наносил серьезный удар по казачьей общине. По существу разбазаривание общинных земель было легализовано, они концентрировались в руках зажиточного казачества. Подобный процесс на всей территории войска интенсив-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 34.

² Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914, с. 38—39.

но проходил там, где имелись особенно большие наделы, т. е. в поселках и станицах 2-го (Верхнеуральского) и 3-го (Троицкого) военных отделов.

Земельные интересы казачьей общины нарушались и тем, что часть ее земель отводилась под водяные мукомольные мельницы и горные разработки. Еще «Устав о благоустройстве в казачьих селениях», вышедший в 1857 г., разрешал устройство водяных мельниц во всех казачьих войсках на войсковых и станичных землях только лицам войскового сословия.

Обеспечение земельными участками офицеров и чиновников войска, а также чиновников губернской гражданской канцелярии (раздача земель церквям и церковнослужителям, разрешение разводить на войсковой и станичных землях плодовые сады и лесные рощи (левады), сдача в аренду больших земельных массивов на длительные сроки — все это имело для казаков-общинников и казачьей общины в целом огромные социально-экономические и правовые последствия. Во-первых, значительное количество казачьих земель перешло в частную собственность офицеров и чиновников, а от них, путем купли-продажи, аренды, к лицам невойскового сословия. Во-вторых, внутри казачьего феодального сословия, вопреки его духу и существу, были законодательно закреплены на правах полной частной собственности потомственные наделы. Частное землевладение развивалось и укреплялось за счет ущемления интересов рядового казачества. В-третьих, взамен лучших земель, лугов и лесов, отводимых офицерам, чиновникам и церковнослужителям, станицы получали неудобные, безводные и настолько дальние, что ими невозможно было пользоваться. Так, земли станицы Павловской простирались на 50 верст до Илецкой защиты, а вокруг Павловки располагались офицерские участки. Вследствие отвода офицерам, чиновникам, церковнослужителям лучших земель в таких станицах, как Кардаиловская, Сакмарская, Краснохолмская выгоны оказались крайне бедными, другие станицы — Богусловская, Кизильская, Таналыкская испытывали недостаток леса, третьи — Николаевская, Михайловская, Наследнинская — недостаток в лугах, четвертые — Уйская с несколькими поселками — недостаток водопоя для рабочего скота. В-четвертых, уменьшился нормальный 30-десятинный надел. Средний

казачий надел на душу в конце XIX — начале XX веков определялся так: если в 1882 г. всей земли на одну душу мужского пола приходилось 32,2 десятины, в 1897 г.— 25,7, в 1899 г.— 25,1, в 1906 г.— 24,4, то в 1912 г.— 24,1 десятины,

Однако фактические размеры казачьих паев во многих станицах были ниже среднего и значительно меньше нормального 30-десятинного. Так, станицы и поселки, лежащие между реками Самаркой, Сакмарой и Уралом, получили от 20 до 27 десятин, станицы и поселки, расположенные в Гирьяльско-Губерлинском коридоре,— от 18 до 30 десятин. Поселок Капельский Верхне-Уральской станицы к 1907 г. имел на одну мужскую душу 15 десятин земли. В 90-х годах XIX в. недостаток земли в отдельных станицах ощущался настолько остро, что уже тогда появилась необходимость отвода таким станицам дополнительных наделов.

§ 4. Обострение земельных отношений и попытка царизма сгладить их путем организации внутривойскового переселения

В начале 90-х годов XIX в. правительство вынуждено было разрешить переселение на дополнительные наделы значительной части казаков из Татищевской, Городищенской и Кардаиловской станиц, а в 1901 г. еще из четырех поселков. К 1902 г. средний надел на душу населения в ряде казачьих станиц составлял немногим более 24 десятин, в других менее 19, а в отдельных поселках понизился даже до 13 десятин. Учитывая такое положение, Войсковому хозяйственному правлению пришлось поставить вопрос о дополнительной прирезке наделов из свободных войсковых земель.

Необходимость дополнительного наделения во многом объяснялась тем, что самодержавие проявило большую щедрость, когда речь шла о раздаче в собственность офицерам земельных участков. К тому же под эти участки отводились лучшие поля, луга, леса, т.е. главным образом удобные земли, которые отмежевывались от станичных наделов. По закону офицерские участки можно было отводить только там, где казаки имели полные земельные участки. Но войсковое начальство всячески обходило этот закон, организуя внутривойсковое переселение. Оно располагало для этого всеми возможнос-

тями, притом довольно значительными. В 1865 г., когда проводилось военно-административное деление, войсковые земли были распределены таким образом, что в военных отделах, более отдаленных от губернского центра, оказалось большое количество земель станичных юрт. Общая площадь станичных наделных земель распределялась по отделам так, что свыше 42 процентов земель приходилось на долю 2-го отдела, 30 — 3-го и 28 процентов — 1-го отдела.

При передаче казачьей военной верхушке наделов в полную собственность возник вопрос, в каком отделе для этого выделить землю. Войсковое начальство решило нарезать офицерские участки, главным образом, в 1-м отделе, для чего предоставило 180 000 десятин. Но почти столько же земли недоставало в казачьих наделах. Чтобы выйти из положения, войсковое начальство выделило станицам 2-го отдела и поселкам 1-го отдела дополнительные наделы в количестве 346 341 десятины, а из земель, принадлежавших им ранее, отмежевало под офицерские участки 180 000 десятин лучших земель. Рядовым казакам 1-го отдела было предложено переселиться во 2-й отдел за 300—600 верст от прежнего местожительства. Но начавшееся в конце 90-х годов XIX в. переселение шло медленно — большинство казаков не захотели покидать свои места, ожидая, что земли, бесцеременно отобранные у них под офицерские участки, вновь отойдут к ним.

Царизм не решался применять репрессии в отношении своих «верных слуг». Однако годы шли, а намеченное переселение срывалось. Наконец, в 1903 г. Военный Совет, обеспокоенный упорством казаков, вынужден был обсудить вопрос о мерах по ускорению их переселения на новые земли. Во-первых, пришлось продлить сроки переселения на три года, во-вторых, разрешить местному войсковому начальству выдавать казакам-переселенцам в течение 3 лет сторублевое пособие с погашением его в 10-летний срок, в-третьих, из войсковых лесных дач разрешалось бесплатно отпускать лес для возведения построек на новом месте поселения. Как видим, льготы для переселенцев были довольно значительными.

Военный Совет не решился применять принудительные меры к казакам, которые продолжали упорствовать.

Предоставив им на ближайшие три года отсрочку от службы, он пригрозил, что каждый получивший ее, но не переселившийся в течение трех лет на новое место, будет привлечен к ответственности как за уклонение от службы, а войсковое начальство сообщило, что в отношении тех, кто не пожелает переселиться «добром», будут приняты «соответствующие меры»¹. Одновременно Войсковое хозяйственное правление командировало в станицы своих представителей, чтобы уговаривать казаков «по добру и здорову» переселиться².

Срок добровольного переселения был продлен до 1 января 1907 г., по истечении этого срока упорствующие должны переселяться силой. Обстановка накалялась, чтобы разрядить ее, Военный Совет продлил срок добровольного переселения до 1 января 1909 г. Однако политика внутривойскового переселения не принесла правительству желаемых результатов. Из 9470 казаков к 1905 г. переселилось 4766.

Переселение происходило из тех станиц и поселков, где земельные наделы составляли менее 20 десятин, в станицы, обладавшие большим количеством запасных земель.

В связи с ростом казачьего населения в начале XX в. возник вопрос о выделении поселкам и станицам дополнительной земли. Особую остроту приобрел этот вопрос в станицах и поселках первого военного отдела Оренбургского войска, который являлся наиболее густо населенным. Земельную тесноту испытывали и станицы и поселки второго и третьего военных отделов. Так казаки Приданниковского поселка Уйской станицы, поселка Бобарыкинского Магнитной станицы отмечали, что происходит «сокращение год от году их общественного земельного надела...» Это подтверждал в своем сообщении атаман Уйской станицы атаману 2-го военного отдела. Казаки Грязнушенского поселка Кизильской станицы писали, что им некуда «выпускать домашний рабочий скот» и что, если им не увеличат надел, они «окажутся в безвыходном положении». Длительное время казаки поселка добивались выделения дополнительного надела на прирост населения, но встречали отказ. В 1907 г. они

¹ «Оренбургская газета», 28 мая 1906.

² Б. В. Воробьев. Земельный вопрос у казаков. СПб, 1908, с. 18.

оказались почти без выгона и сенокоса, но дополнительных сенокосных угодий не получили.

Летом 1908 г., в канун сенокоса, произошло столкновение между казаками Грязнушенского поселка и казаками Кизильского поселка, закончившееся кровопролитием. В связи с этим Войсковое хозяйственное правление предписало атаману 2-го военного отдела «принять все зависящие от Вас меры к прекращению подобных беспорядков, возникших между грязнушенцами и кизильцами и на будущее время разъяснить грязнушенцам несправедливое их притязание на земли, которые в сущности отданы им не могут»¹. Приведенные примеры — доказательство того, какую остроту приобретал земельный вопрос.

Следует подчеркнуть, что в первом десятилетии XX в. большая часть станиц Оренбургского войска нуждалась в дополнительных земельных наделах. Войсковое хозяйственное правление вынуждено было, и особенно настойчиво с 1903 года, ходатайствовать перед Военным Советом о дополнительной прирезке наделов из войсковых запасов земель для всех станиц войска. При этом вопрос ставился так, чтобы станицы наделялись дополнительными наделами, исходя из прироста населения на 1 января 1903 г., а не по его количеству на 1 января 1874 г., как это делалось до 1903 г. Военный Совет согласился с доводами оренбургского войскового начальства, поручив ему обследовать войсковые запасные земли и представить свои предложения по данному вопросу.

Как показало обследование, средний размер станичных наделов в Оренбургском войске на душу населения понизился с 30 десятин до 18,7 десятин, а в некоторых станицах до 14 десятин. Такое положение создалось еще и потому, что значительная часть станичных земель была выделена под офицерские участки, отдана церквям и церковнослужителям, а также в результате естественного прироста казачьего населения. До начала XX в. станицы наделялись 30-десятинными наделами не из расчета наличного казачьего населения мужского пола, а на основе данных переписи на 1 января 1874 г., согласно которым насчитывалось 129 816 человек мужского пола. К 1 января 1904 г. казачье население увеличилось,

¹ ЧОГА, ф. 113, оп. 3, д. 33, л. 97.

и одних только лиц мужского пола насчитывалось 208 591 человек — количество таких лиц возросло на 78 775. Чтобы довести казачий надел до прежней нормы, в станичные юрты предстояло отвести 2 362 350 десятин земли. В то время Оренбургское войско, согласно материалам обследования, имело 1 131 958 десятин всех войсковых запасных земель, а выделить в станичные наделы могло только 964 249 десятин. Остальные земли являлись землями специального назначения или были неудобными для обработки.

Если бы даже земля была перенаделена с учетом наличного казачьего населения на 1 января 1904 г., то оренбургские казаки получили бы в среднем по войску 25-десятинный надел на человека¹. Но при этом весь земельный запас оказался бы полностью исчерпанным. Естественно, что на такой шаг царское правительство пойти не могло. Военный совет, ознакомившись с материалами обследования земель Оренбургского войска, проведенного в 1906 г., и расчетами, составленными войсковым начальством, признал преждевременным выделение всем станицам войска дополнительных земельных наделов, и, сославшись на ст. 709 «Учреждения гражданского управления казаков»², разрешил местному войсковому начальству выделять такие наделы тем станицам и поселкам, в которых наделы на душу населения составляли менее 20 десятин и в том случае, если можно было выделить землю «смежно с их наделами или в недалеком от них расстоянии»³.

Однако такой возможностью войсковое начальство не располагало и Военный Совет санкционировал внутривойсковое переселение малоземельных казаков. Срок добровольного переселения был продлен с января 1909 г. до 1 января 1911 г., переселение разрешалось не только из 1-го отдела во 2-й, но внутри 2-го и 3-го отделов.

Однако политика, предусматривавшая внутривойсковое переселение казаков, не остановила и не могла остановить социальную и хозяйственную дифференциацию ка-

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Т. XI, ч. IV. СПб, 1911, с. 281.

² Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 29.

³ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 42, 1906, с. 467, с. 537.

зачества, не могла предотвратить продолжавшийся процесс уменьшения размеров земельных казачьих паев. Если даже принять во внимание лишь один фактор — увеличение прироста, то можно сделать вывод о том, что никаких земельных запасов в Оренбургском казачьем войске на самое ближайшее будущее не оставалось. В 1912 г. на войсковой территории проживало 251 854 лиц мужского пола. На каждое лицо мужского пола войскового сословия приходилось по 25,8 десятин земли. Но большинство станичных и поселковых общин имели в пользовании меньше 20 нормальных десятин всей земли на каждого принадлежавшего к этому обществу человека. А так как из этих же 20 десятин выделялась земля для особого пользования (под усадьбы, общественные луга, пастбища, огороды и т. д.), то в фактическом пользовании у каждого казака земли под пашней оставалось очень мало. В большинстве поселков она не превышала 9—12 десятин на душу, из которых одна половина надела — 4—6 десятин — должна была обеспечивать существование семьи казака и его самого, а вторая являлась источником содержания принадлежавшего ему военного снаряжения и готовности к выходу на службу в мирное и военное время. Естественно, что казаки, учитывая способы ведения хозяйства в то время и примитивные приемы обработки земель, не могли, даже используя всю пахотную землю, покрывать все свои расходы.

Боясь потерять в лице казаков, находившихся на службе, своих верных стражников и защитников престола, правительство в мае 1911 г. утвердило правила о призрении семейств нижних чинов войскового сословия, состоящих на действительной службе или в войсковом ополчении. Правила предписывали станичным, хуторским, поселковым обществам принимать «все возможные, по обязательствам и средствам, меры для лучшего обеспечения этих семейств». К числу таких мер, в частности, относился «отвод распашных и сенокосных, а в лесных станицах и лесных паев сверх тех, которыми означенные семейства уже пользуются на общем основании»¹.

Одновременно Военный Совет и оренбургское вой-

¹ Закон о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914, с. 40.

сковое начальство изучали вопрос об увеличении войскового земельного фонда для дополнительной прирезки наделов станичным юртам с последующим доведением казачьего пая до нормального 30-десятинного размера. Высказывались предложения о прирезке Оренбургскому войску земли путем скупки обширных башкирских земель. Но решению этого вопроса помешала начавшаяся первая мировая война.

ГЛАВА IV **ИЗМЕНЕНИЯ В ОРЕНБУРГСКОМ ВОЙСКЕ И В КАЗАЧЬЕМ СОСЛОВИИ**

§ 1. Казачье сословие и его категории

О том, что представляло из себя население, проживавшее на территории Оренбургского казачьего войска с момента его образования и до 1840 г., говорилось выше. Отмечалось также, что «Положением об Оренбургском казачьем войске» 1840 г. все население, занимавшее войсковые земли, было обращено в казачье сословие. С того времени и до конца 60-х годов XIX в. оно являлось единым и замкнутым военно-феодальным сословием. Но под влиянием развития капитализма, исходной точкой которого послужила реформа 1861 г., начинается частичная ликвидация замкнутости и обособленности оренбургского казачества. Этому же процессу в первые годы после крестьянской реформы объективно содействовала и законодательная деятельность правительственных органов. «Положение об Оренбургском казачьем войске», утвержденное в 1867 г., предусматривало сокращение количества служилых казаков и уменьшение им срока службы. Из тех казаков, которые не попадали в служилый состав, предполагалось создать особый разряд неслужилых казаков.

В 1868 г. Государственный Совет издал закон, дозволивший «русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск». Через год, в 1869 г., был принят другой закон, согласно которому казакам в известной мере разрешался выход из своего сословия и предоставлялась возможность зачисления в это сословие посторонних лиц. В январе 1883 г. вышло положение о службе казаков вне своих войск, о выходе их из войскового сословия и о за-

числении в казачье сословие посторонних лиц. Все эти акты положили начало многосословности населения Оренбургского войска.

Единое, замкнутое и обособленное казачье сословие, каким оно было с 1840 г. до конца 60-х годов XIX в. и к началу XX в., состояло из следующих категорий населения: 1) войскового сословия; 2) казачьего; 3) невойскового сословия; 4) «иногородних» переселенцев.

Главным атрибутом войскового сословия, отличавшим его от других сословий, проживавших на войсковой территории, являлась военная служба. Все те казаки, которые несли ее, составляли в совокупности казачье военное сословие или казачье войско. «Каждое казачье войско в отдельности,—говорилось в одном из указов Сената,—представляет собою государственное учреждение, обозначающее лиц к данному казачьему войску принадлежащих»¹.

Призвание казака состояло в несении военной службы. Она представляла главную его особенность, которая отличала его от всего остального населения империи. Эта особенность обусловила и особую систему управления, особый порядок отбывания военной и других повинностей и особый порядок землепользования и, наконец, особые условия существования казака и его внутреннего быта. Все это «особое» было призвано гарантировать исправное выполнение казачеством воинской повинности. Везде и во всем на первом плане была забота о военной службе. Если эта забота изменялась, изменялись и все другие аспекты казачьей жизни.

Под влиянием реформы 1861 г. царизм вносит некоторые изменения в порядок прохождения казачьей службы, что незамедлительно повлекло за собой изменения в войсковом сословии.

В 1869 г. вышел закон, который впервые разрешал казакам выход из своего сословия. Но, чтобы воспользоваться этим законом, нужно было преодолеть многочисленные рогатки. К примеру, казаки в возрасте от 18 до 39 лет, принадлежавшие к служилому составу казачьего войска, могли выходить из него только при наличии во всех разрядах служилого состава войска доста-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб. 1911, с. 113—114.

точного количества казаков для выполнения всех лежащих на войске обязанностей как в мирное, так и в военное время. Но поскольку при полном комплектовании строевых частей, которые выставлялись казачьим войском в военное время, свободного остатка из лиц служилого состава, как правило, не бывало, а, наоборот, всегда ощущался их недостаток, то для лиц, принадлежащих к служилому составу, возможность выхода из казачьего сословия почти совершенно исключалась. Для казака, решившего выйти из своего сословия, это являлось главным, но не единственным препятствием.

От казака, пожелавшего выйти из казачьего сословия, требовалось предварительно полностью выполнить все остальные повинности, уплатить все недоимки по станичным и войсковым сборам и, безусловно, отказаться от земельного пая и других льгот, которыми наделялись казаки. Таким образом, казак мог выйти из сословия, полностью отказавшись от того, что для большинства казаков являлось единственным источником существования. В этих условиях воспользоваться предоставленным законом, дающим право выхода из войскового сословия, могла естественно только самая незначительная часть казачества. Формально разрешив казакам выход из своего сословия, царизм фактически сделал все для того, чтобы этот выход практически был невозможным.

В процессе применения закона 1869 г. оказалось, что можно найти средства для выхода из казачьего сословия тем, кто утратил военные навыки или не успел их приобрести. Что касалось контингента боеспособных казаков, то он сохранялся и именно для него устанавливались многочисленные ограничения. Об этом откровенно высказался военный министр. В своем отчете за 1869 г., имея в виду закон 1869 г., он писал, что «военное министерство считало возможным давать согласие на обращение казаков в гражданское сословие только в тех случаях, которые вызывались действительной необходимостью и касались казачьего населения, утратившего уже в значительной степени военные наклонности и привычки или неуспевшего еще усвоить таковых по недавнему обращению в казачье сословие»¹.

¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. СПб, 1907, с. 27.

Весь смысл закона 1869 г. и содержащихся в нем ограничений, которые до минимума сводили возможность выхода из казачьего сословия, заключался в том, чтобы сохранить казачество, как особое военно-феодалное сословие, от разложения. Самодержавие являлось противником слияния и тем более смешения казаков с прочим населением империи, всячески стремилось держать их замкнуто и изолированно.

Казачье военное сословие ревниво охранялось. Сам казак навечно приписывался к нему и порвать с ним или же выйти из него, по существу, не мог. Правда, формально он мог порвать с сословием, но предварительно должен был «отказаться от участия в пользовании станичными землями и угодьями»¹, что практически являлось невозможным. Даже если казак длительно, более десяти лет, не проживал на казачьей территории и не служил в рядах войска, его не могли исключить из казачьего сословия. В 1905 г. Военный Совет принял «Положения», в статье 2-ой которых говорилось: «Безвестное отсутствие служилых казаков из мест их жительства, продолжавшееся менее определенного в законе для ограничения прав десятилетнего срока, не дает основания к исключению таких казаков из войскового сословия. Семейства же безвестно отсутствующих казаков не подлежат исключению из войскового сословия даже и по исключению из него, за истечением упомянутого срока, главы семьи»².

В июле 1913 г. Военный Совет, отменив все ранее изданные законоположения, разрешавшие выход казака из войскового сословия, принял постановление: «Признать, что выход казаков из войскового сословия с припискою к инородческим обществам положением о службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и о зачислении в оное... не допускается, о чем сообщить Министру внутренних дел и всем войсковым начальствам казачьих войск»³.

Помимо прямых ограничительных мер, обособленность казаков поддерживалась особой системой управ-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 37.

² Там же.

³ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 50, 1914.

ления, особым порядком отбывания воинской и других повинностей, особой организацией военно-учебной части, особым порядком землепользования — словом всем тем, что продолжало отличать войсковое сословие от прочих сословий империи.

С одной стороны, войсковое сословие состояло из рядовых казаков, с другой, из офицеров и вообще всех чиновников войска: наказных атаманов, атаманов от-делов, станиц и, наконец, старшин.

Обращая внимание Войскового хозяйственного правления Оренбургского войска на неправильное понимание им состава станичного общества, Сенат в октябре 1914 г. указал, что «в состав членов станичного общества, наряду с простыми казаками, соответствующими сельскими обывателями, входят лица войскового сословия, имеющие офицерские чины, а также потомственные дворяне, ввиду чего казачье общество носит всесословный характер»¹. Далее отмечалось, что «штаб- и обер-офицеры и лица, имеющие первый классный чин, составляют ту категорию лиц, которые освобождаются от исполнения собственно станичных повинностей и которые могут быть избираемы на общественные должности»².

Офицеры и чиновники войскового сословия находились в более привилегированном положении, чем рядовые казаки того же сословия. Казачья офицерская элита формировалась из привилегированных классов и сословий, главным образом из дворян и отчасти из числа зажиточного казачества. Производство в офицеры рядовых казаков было крайне редким явлением. Рядовых казаков и офицеров разделяла дистанция огромного размера. В пореформенный период, особенно в эпоху империализма, под влиянием социально-экономических и политических факторов между ними обостряются противоречия, которые приводят к острой борьбе.

Выше шла речь о том, что начало многосословности среди казаков населения Оренбургского войска относится к середине 60-х годов XIX в. К тому же времени относится и появление термина «неслужилое сословие». Закон 1867 г. не только сократил срок службы служилых казаков, но и предусматривал сокращение их количества.

¹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим... 1914. Петроград, 1915, с. 971, ст. 278.

² Там же, с. 271, ст. 278.

Царизм не хотел терять казаков, не попавших в служилый состав, и поэтому решил создать из них особую категорию неслужилых казаков. Казаки, не зачисленные на военную службу, освобождались от нее навсегда и составляли среди войскового населения категорию людей, которые должны были поддерживать хозяйства казаков, ушедших на службу. Одновременно неслужилых казаков предполагалось обложить особым налогом, что позволило бы иметь средства для оказания помощи тем, кто уходил на действительную службу.

Поскольку казаки неслужилого сословия освобождались от военной службы навечно, они могли не иметь ни оружия, ни строевой лошади. Им вменялось исполнять земские повинности, в течение 22 лет вносить в войсковой капитал особый денежный сбор. На основе «Положения об Оренбургском казачьем войске» 1867 г., они обязаны были пожизненно ежегодно платить в войсковую казну особый взнос в сумме 4 рублей, а с 1876 г.— 10 рублей плюс еще по 56 копеек в общественный станичный капитал.

Лица неслужилого сословия имели право наравне с казаками войскового сословия пользоваться землей и прочими угодьями.

Самодержавие стремилось расширить контингент неслужилого или казачьего сословия за счет других сословий. В 1868 г. был издан закон, впервые разрешавший желающим селиться на войсковой территории и вступать в казачье сословие. Но это право оговаривалось такими условиями, выполнять которые было очень трудно или, по крайней мере, осуществление его не всегда зависело от заинтересованных в этом лиц.

Согласно закону от 19 января 1883 г. лицо, решившее вступить в казачье сословие, должно представлять пользу для станичного общества, т.е. быть здоровым, трудоспособным и благонадежным. Причем эти качества определялись не только станичным обществом, согласие которого при зачислении посторонних лиц в казачье сословие являлось обязательным, но и вышестоящим войсковым начальством, в частности, наказным атаманом, а в отдельных случаях и военным министром, которые могли и не согласиться с мнением станичного общества.

Таким образом в казачье сословие зачислялись лишь

лица, хорошо проверенные и вполне благонадежные с точки зрения официальных военных кругов. Но по вопросу правового и экономического положения неслужилого (казацкого сословия) в законодательных актах 60—80-х годов четкости и ясности не было, а сама практическая деятельность казацких военно-административных и общественных органов содержала в этом отношении много путаницы и неразберихи. В адрес правительственных органов начали поступать многочисленные просьбы о том, чтобы разъяснить, кого следует относить к казацкому и невойсковому сословию.

Отвечая на эти просьбы, Сенат разъяснял (позволим себе здесь повторение), что «каждое казацкое войско в отдельности представляет собою государственное учреждение, обозначающее лиц, к данному казацкому войску принадлежащих». «Поэтому,—говорилось далее в разъяснении,—под лицами невойскового сословия надлежит разуметь не только лица, не принадлежащие ни к одному из войсковых сословий, но и тех, которые, состоя в одном из таких сословий, но принадлежат, однако, к войску, на территории которого они владеют усадьбами»¹.

Таким образом, Сенат отметил, во-первых, принципиальную разницу между войсковым и невойсковым сословием, во-вторых, разделил невойсковое сословие на две категории: на казацкое и на невойсковое, в-третьих, к невойсковому сословию отнесли лиц, не принадлежавших к войсковому сословию, но имевших отношение к казацкому сословию. Сюда были отнесены все те, кто являлся казаком от рождения, но оказался непригодным к военной службе, а лишь к службе (работе) внутри войска. Входили сюда и те, кто не нес военную службу, а вместо нее вносил деньги в войсковую казну.

В период первой русской буржуазно-демократической революции царизм вынужден был призвать на действительную военную службу не только казаков первой и второй, но и третьей очереди. Потребность в казаках, как душителях свободы народа, возросла, и это обусловило необходимость пересмотреть законодательства о категории неслужилых казаков. В июле 1906 г. император

¹ Законы о поземельном устройстве казацких станиц. СПб, 1911, с. 113—114.

по докладу военного министра утвердил Положение Военного Совета об изменении порядка службы казаков, неспособных к строевой службе, но способных к труду. В первой части первого параграфа статьи 29 суммировались и в несколько измененной редакции уточнялись правовые положения о казаках служилого состава, изданные в 60-х годах XIX в. «Казаки служилого состава всех (кроме Уральского) казачьих войск,— говорилось в статье,— признанные неспособными к службе, но способными к труду, со времени зачисления их в эти категории до увольнения сверстников их в отставку обязаны плато́м ежегодного денежного сбора...»¹.

Вторая часть первого пункта той же статьи в законодательном порядке закрепляла сложившийся в практике некоторых казачьих войск — Терском, Сибирском, Семиреченском и Уссурийском — порядок использования казаков, признанных неспособными к службе, но способными к труду, для несения личной службы «при войсковых учреждениях своих войск в течение 4 лет...». В результате устанавливался смешанный порядок отбывания воинской повинности для казаков, признанных непригодными к строевой службе, но способными к труду.

Новый закон внес существенные изменения в категорию этих казаков: они стали нести смешанную службу. Закон приблизил таких казаков к казакам, которые несли военную службу. Но отличия этих категорий казаков друг от друга остались.

Следует однако отметить, что данные отличия местное войсковое начальство не считало столь принципиальными. Поэтому войсковое и казачье сословие наказные атаманы Оренбургского войска объединяли в одну рубрику «Количество казаков и других военных сословий». Вследствие этого говорить о численности того и другого сословия невозможно. Оба сословия составляли вместе в 1910 г. 495 249 человек — 82,7 процента от всего казачьего населения, проживающего на территории войска.

В экономическом и хозяйственном отношении неслужилые казаки, несомненно, находились в более выгодном положении, чем служилые. Они пользовались теми

¹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1906 год. Т. XII. Издание Главного управления казачьих войск. С.-Петербург, 1907, с. 62, ст. 29.

же льготами, что и лица войскового сословия, имели одинаковый размер земельного пая, им на равных правах принадлежали общественные пастбища, выгоны, водопой, они несли те же воинские земские повинности. Однако в отличие от служилых казаков неслужилые освобождались от военной службы и свободно распоряжались своим временем, занимаясь хлебопашеством, скотоводством, торговлей, промыслом и другой предпринимательской деятельностью.

Если при этом учесть, что все остальные повинности, кроме военной, под влиянием развития товарно-денежных отношений превращались из натуральных в денежные, то разрыв между хозяйственным положением неслужилых казаков и казаков войскового сословия непрерывно возрастал.

Социально-экономические и политические процессы во многом определили то, что юридические грани между казачьими войсковыми сословиями постепенно стирались, а в экономическом отношении, наоборот, они еще больше очерчивались. Социальная дифференциация на территории Оренбургского казачьего войска углублялась.

Следует подчеркнуть, что углублению процесса социальной дифференциации казачьего населения в значительной мере способствовало появление и развитие на территории Оренбургского войска невойскового сословия. К лицам этого сословия Сенат отнес всех, кто ни к одному из рассмотренных выше сословий не принадлежал, никакого отношения к войску не имел, но имея усадьбу и недвижимую собственность, проживал на войсковой территории.

Данная категория казачьего населения возникла на территории казачьих войск в соответствии с законом, принятым 29 апреля 1868 г. Государственным Советом. Закон гласил: «Во всех без изъятия казачьих войсках русские подданные невойскового сословия имеют право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства... ни станичного общества. При сем, земля под означенными строениями, оставаясь собственностью войска... или станичного общества, находится в постоянном пользовании приобретателя, со взно-

сом ежегодно в войсковые... или станичные суммы установленной посаженной платы»¹.

Таким образом, лица второй категории невойскового сословия отличались от лиц первой категории того же сословия не только тем, что не входили ни в казачье, ни в войсковое сословие, но и тем, что, имея усадьбу на территории войска, вносили за нее ежегодно посаженную плату². Плата взималась «лишь с находящихся в пользовании лиц невойскового сословия земель под домами, строениями, садами и рощами»³. Посаженная плата «есть плата за пользование лицом невойскового сословия войсковою... или станичную землю, а не налог»⁴. Вследствие такого ее характера посаженная плата взималась в бесспорном порядке. Являясь, следовательно, «специальной платою,—разъяснял Сенат,—установленную для определенных плательщиков русских подданных лиц невойскового сословия, она не касается казны и поступает в доход... подлежащих станичных обществ»⁵.

В отношении взимания посаженной платы с лиц невойскового сословия за землю, находившуюся под их усадьбами, Военный Совет империи специальным постановлением от 10 января 1913 г. разделил все поселения Оренбургского казачьего войска на три разряда: к первому было отнесено 45 поселков и 19 станиц 1-го военного отдела, 27 поселков и 15 станиц 2-го военного отдела и 37 поселков и 14 станиц 3-го военного отдела. Ко второму разряду относились 9 поселков и 8 станиц 1-го отдела, 35 поселков и 8 станиц 2-го отдела и 32 поселка и 10 станиц 3-го отдела. Третий разряд составляли все остальные поселения войска. За каждую квадратную сажень земли в местностях 1-го разряда взималось по 5 копеек, 2-го разряда — по 4 копейки, 3-го — по 3 копейки.

Говоря о невойсковом сословии, важно отметить еще и такое обстоятельство. Если лица этого сословия имели

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911. с. 113.

² Высший размер ежегодной посаженной платы определяется в 5 коп. с квадратной сажени. Там же, с. 123.

³ Там же, с. 114.

⁴ Там же, с. 118.

⁵ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1915 год. Т. 51. Петроград, 1916, ст. 7, с. 9.

право приобретать в собственность готовые строения без согласия войскового начальства, то для возведения новых построек на войсковой или станичной земле они обязаны были иметь на то разрешение войскового начальства или согласие станичных обществ. При этом от них требовалось обязательство вносить в войсковые или станичные кассы установленную посаженную плату за землю, которую будет занимать строение. Чтобы приобрести в собственность существовавшие и возвести новые строения в имениях частных землевладельцев, расположенных в пределах войска, лица невойскового сословия входили в соглашение только с самими землевладельцами.

Невойсковое сословие пользовалось многими благами, которыми было наделено войсковое сословие, но с обязательной платой за эти блага. Так, лица невойскового сословия, проживавшие в селениях станичных обществ, имели право, наравне с прочими жителями станицы, пользоваться сенокосом и выгоном для собственного домашнего скота и даже пастбищными местами в промышленных целях, но не иначе как с разрешения станичных обществ и за особую, по взаимному с обществами соглашению, определенную плату в станичный доход. В 1907 и 1908 годах последовали разъяснения Сената о том, что лица невойскового сословия, оседло проживавшие в казачьих войсках, могут безвозмездно пользоваться общим выгоном лишь для собственного домашнего скота. Лица невойскового сословия, проживавшие в казачьих станицах, в обязательном порядке привлекались к выполнению общих земских повинностей: постоянной, подводной, а также по содержанию дорог, мостов и переправ.

Итак, основное и главное отличие невойскового сословия от войскового и казачьего заключалось в том, что лица невойскового сословия, за исключением духовных лиц, не наделялись землей, не получали земельного пая и пользовались полевым наделом только в аренду. Таким образом, население Оренбургского казачьего войска не представляло собой однородного сословия, оно было, по выражению В. И. Ленина, раздроблено «различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 315.

Говоря о невойсковом сословии следует иметь в виду и еще один немаловажный фактор. Выше объяснялось, что представляло из себя это сословие и отмечалось, что оно объединяло лиц, которые не имели никакого отношения ни к войсковому, ни к казачьему сословию.

По своему происхождению, характеру и сущности термин «невойсковое сословие» является юридическим термином «казачьего законодательства». Впервые он нашел широкое применение в «Положении об Оренбургском казачьем войске» 1840 г., но наибольшую ясность и четкость получил в законе, изданном Государственным Советом в 1868 г. Закон назывался «О дозволении лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимую собственность в казачьих войсках»¹. С тех пор, вплоть до 1917 г., данный термин прочно вошел в законодательные акты, касавшиеся казачьих войск или казачьего населения. При этом постоянно, в категоричной форме, подчеркивалась принципиальная разница между войсковым и невойсковым сословиями.

Совершенно иначе выглядела терминология в литературных источниках. Дореволюционная литература, например, термином «невойсковое сословие» пренебрегала, все поселившиеся на территории войска, особенно крестьяне, назывались разночинцами, или просто крестьянами.

Термин «невойсковое сословие» в советской литературе употребляется крайне редко. Все переселившиеся из центральных районов империи на территорию Оренбургской губернии или Оренбургского войска именуется «иногородними»². При этом не подчеркивается, чем отличались те, кто поселился на гражданской территории от тех, кто стал жить на казачьей. Между тем, эти люди довольно существенно отличались друг от друга не только в правовом, юридическом смысле, но и в экономическом и хозяйственном отношениях.

Прежде всего нельзя забывать, что употребление

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 113.

² Л. А. Селивановская. Социальная дифференциация Оренбургского казачества в конце XIX — начале XX вв. Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Серия историко-филологических наук. Вып. 13. Оренбург, 1958, с. 74—78.

термина «иногородние» может быть правомерным в том случае и до того момента, пока «иногородние», поселившиеся на казачьей земле, не получали усадьбы и не обзаводились собственностью. Но как только эти лица становились владельцами усадьбы или покупали постройки, они включались в невойсковое сословие и назывались лицами невойскового сословия.

Что касается отличий между «иногородними» гражданской и казачьей территорий, то заключались они в следующем:

«Иногородние», поселившиеся на гражданской территории Оренбургской губернии, получали, как правило, земельные наделы на государственных землях и попадали в разряд государственных крестьян со всеми вытекающими из этого последствиями. «Иногородние», которые устраивались на казачьих землях, никакого земельного надела или земельного пая не получали и могли иметь полевой надел только в аренде. Они оказывались среди лиц невойскового сословия также со всеми вытекающими отсюда последствиями, о которых говорилось выше. В правовом и экономическом отношении лица невойскового сословия находились в зависимости от станичных и поселковых правлений. Все они, лишенные права на земельный пай, формально и фактически являлись безземельными. Поселившись в разное время на казачьих землях и вошедшие в невойсковое сословие, эти лица постоянно арендовали либо войсковые земли или земли станичного общества, либо, наконец, земли зажиточных казаков и офицеров.

Аренда войсковых или станичных земель имела ту особенность, которая в основе своей носила юридический характер. Суть аренды заключалась в том, что войсковое хозяйственное правление и станичные правления имели дело не с отдельными личностями из «иногородних», а с коллективом «иногородних». На территории войска существовал «свой» «внутренний порядок», согласно которому войсковые земли сдавались арендаторам крупными участками на короткий срок. Для того, чтобы получить в аренду какой-либо участок, нужно было создать многочисленную группу из «иногородцев». Арендовав большой участок, она делила его затем между своими членами в зависимости от внесенной ими суммы. Войсковое хозяйственное правление, таким образом, имело дело

с представителями общества «иногородних», а не с отдельными его членами.

Когда шла речь об аренде станичных и паевых земель, существовал несколько иной порядок. Крестьяне, поселившиеся на этих землях, зависели или от отдельных казаков, которые сдавали им свой земельный пай в аренду, или от поселкового или станичного общества в целом¹. Как те, так и другие с помощью «посаженной» платы и незначительного арендного срока, максимум до двух лет, оказывали на «иногородних» и лиц невойскового сословия сильное экономическое давление. Его выдерживали лишь зажиточные «иногородние», остальные разорялись и впадали еще в большую зависимость от зажиточных кулаков, скупщиков и спекулянтов.

Образование невойскового сословия явилось необходимым условием существования хозяйства войскового сословия в целом, особенно его зажиточной части. Русские переселенцы этого сословия, создав широкий рынок наемной рабочей силы на территории Оренбургского войска, подвергались эксплуатации не только со стороны отдельных зажиточных казаков, но и всего Оренбургского войска, от имени которого выступали станичные правления и войсковое хозяйственное правление. В зависимости от этих правлений находилась большая армия — по данным на 1910 г. более 105 000 человек невойскового сословия.

Одной из главных статей дохода в станичный общественный капитал являлся сбор «посаженной платы» и получение арендной платы за сдачу общественных земель. Общая сумма сбора и платы составляла 344 025 рублей из общей суммы доходов 690 513 рублей. Не трудно убедиться, какие огромные средства получали станичные правления за пользование землей от лиц невойскового сословия.

Далеко не все те, кто составлял невойсковое сословие, могли выдержать пресс «посаженной платы». Многие из них из года в год были постоянными должниками. Станичные правления имели право в бесспорном порядке изымать долг и исключать должника из станичного об-

¹ Сенат Указом от 7 ноября 1907 г. разъяснил, что «иногородние, не имеющие оседлости, обязаны вносить плату за пастьбу скота на станичном выгоне с каждой штуки скота». См.: Законы о земельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914, с. 42.

щества. Но тогда зажиточные казаки и офицеры могли лишиться постоянных дешевых рабочих рук. Чтобы удержать невойсковое сословие в пределах войсковой территории, Сенат разрешил станичному сбору «освобождать лиц невойскового сословия, оседло проживающих на станичных землях, от уплаты посаженной платы, а равно слагать с них недоимки этой платы»¹.

Тяжелым бременем для невойскового сословия являлась аренда станичной земли. В 1912 г. за счет этого было получено 233 548 рублей, из которых 222 000 рублей пошло на содержание станичной администрации Оренбургского войска². Кроме того, войсковое хозяйственное правление только за сдачу в аренду земельных войсковых оброчных статей получало ежегодно от невойскового сословия 60 555 рублей. Все это свидетельствовало о том, что верхушка оренбургского казачества выступала нещадным эксплуататором переселенцев невойскового сословия, получая от него огромные доходы. В результате, в условиях бурно развивающегося капитализма царизм при наименьших расходах мог содержать такую дешевую военную силу, какой являлось Оренбургское казачье войско. Создавая для казаков постоянную рабочую силу в лице невойскового сословия, самодержавие стремилось в новой ситуации удовлетворить интересы казачества, сохранить его, как военное сословие, от разложения. Но и здесь, как и во многих других вопросах, царизм оказался бессильным перед законами общественного развития. Вопреки его желанию невойсковое сословие не только не содействовало сохранению и укреплению войскового казачьего сословия, а, наоборот, явилось одним из факторов его разложения.

Приток переселенцев в казачью среду и создание из них невойскового сословия вызвали изменения общиннонадельного землевладения и землепользования. Заселение казачьих земель сопровождалось развитием на огромной территории Оренбургского края капитализма. Вместе оба эти явления усиливали разложение казачьей общины, вызывали серьезные преобразования в ее хозяйственной, экономической и общественной жизни.

¹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1915 г. Т. 51. Петроград, 1916, ст. 7, с. 10.

² Отчет Военного Министерства за 1912 г. Петроград, 1916. Приложение, № 10, с. 45.

Наплыв переселенцев на территорию войска способствовал, с одной стороны, углублению классовой дифференциации в казачьей общине, с другой — классовому расслоению невойскового сословия. И в казачьей общине и в невойсковом сословии выделялись класс кулаков и класс бедняков, а это в свою очередь приводило к консолидации бедняков войскового сословия с бедняками невойскового. Отмечался также процесс классовой консолидации кулаков-казаков с кулаками невойскового сословия.

Таким образом происходило резкое размежевание классовых сил, между которыми усиливалась борьба, носившая очень сложный политический характер. В горниле этой борьбы в среде оренбургского казачества укрепилась демократическая тенденция.

§ 2. Военная служба казака и порядок ее прохождения

До 40-х годов XIX в. строгой и детальной регламентации, которая определяла бы характер отбывания военной повинности, не существовало, т. е. не были установлены общий срок службы, ее продолжительность в рядах строевых частей, права на освобождение от нарядов и т. д. Вообще во всех войсках, в том числе и в Оренбургском, казаки служили поголовно всю жизнь, пока у них хватало сил, а к отставке представлялись «не иначе как единственно по старости и дряхлости, или же по болезням и увечьям совершенно к продолжению службы не способных»¹.

«Положение об Оренбургском казачьем войске», изданное в 1840 г., впервые определяло сроки службы, порядок наряда и т. д. Согласно «Положению», полевая служба разделялась на две категории: линейная или кардонная (к ней относились также кратковременные командировки в степь) и внешняя, т. е. за пределами войсковой территории. Поскольку казачьи полки могли назначаться как для несения линейной, так и внешней службы, для них вводились две очереди: одна — для линейной, когда полки сменялись ежегодно, другая — для внешней, когда они сменялись через три года.

Военной повинности подлежали все казаки и несли ее 30 лет. Из них 25 лет они обязаны были пополнять, по

¹ ПСЗ. Т. 27, № 20 786.

мере надобности, части, выходявшие на внешнюю полевую службу, остальные 5 лет занимала внутренняя служба. От военной службы освобождались только неспособные к ней и лица духовного звания. Дети казаков, достигшие 17 лет, записывались в малолетки сроком на два года, в течение которых они исполняли разные службы в своих станицах, а затем, по достижении 20-летнего возраста, зачислялись в казаки. На службу казаки выходили или по очереди, или когда строевая часть, в составе которой они числились, вызывалась с льготы¹ для службы.

Отмена крепостного права и последовавшая за ней полоса буржуазных реформ не могли не отразиться на характере и порядке военной службы казаков. Положения о казачьих войсках, утвержденные в 1865, 1867 и 1868 гг., ввели новые общие начала, согласно которым служилый состав каждого войска ограничивался постоянным числом; пополнение же производилось за счет охочих казаков, а в случае их недостаточного количества на службу привлекались казаки по жребию. Но и этот новый порядок просуществовал не долго.

Военная реформа, проведенная в середине 70-х годов, серьезно коснулась казачьих войск и внесла значительные изменения в военную службу казаков. В январе 1874 г. был издан устав о воинской повинности и вместе с ним выработаны положения о военной службе в казачьих войсках. К апрелю 1875 г. относится утверждение устава о воинской повинности Донского казачьего войска, а в 1876 г. Военный Совет получил право полностью или частично применять его в остальных казачьих войсках. На основе этого устава было разработано «Положение о военной службе казаков Оренбургского войска». Оно определяло правила зачисления на службу, порядок ее прохождения, правила учета людей в случае их призыва и т. д. Был введен списочный состав Оренбургского казачьего войска. В состав заносились все нижние чины, обязанные нести службу, в том числе и все малолетние, независимо от того, способны ли они к ней в будущем или нет. Выяснялось это позже, по достижении ими двадцатилетнего возраста. Количество казаков,

¹ Льгота предоставлялась по разным причинам, например, если часть находилась на службе более определенного срока.

внесенных в списочный состав, не являлось постоянным и в зависимости от внутренней и внешней обстановки уменьшалось или увеличивалось. Зависело оно и от того, сколько казаков требовали полевая и внутренняя службы. Полевая служба предусматривала все наряды в строевые части, дислоцированные, как правило, за пределами войсковой территории и, лишь в некоторых случаях, в пределах войска. Внутреннюю службу казаки отбывали в границах этой территории.

До середины 70-х годов значительная часть оренбургских казаков несла кордонную службу, а также в отрядах, которые направлялись в глубь степей, и гарнизонную в крепостях, построенных на реках Тургае, Иргизе, Сыр-Дарье, и на северо-восточном берегу Каспийского моря.

Оренбургское казачье войско, как другие казачьи войска, имело штаты военного и мирного времени. В 1880 г. штат военного времени предусматривал: 398 офицеров и 18 698 казаков, из которых должно было быть сформировано и выставлено 102 конных сотни, сведенных в 18 конных полков, 8 полевых (по 6 орудий) и одну запасную (в 4 орудия) батарею. Штат мирного времени определял: 30 конных сотен, объединенных в шесть полков. В целом же процент штатного состава казаков мирного и военного времени являлся высоким и оставался почти на том же уровне, который существовал в дореформенный период. Если в 1856 г. из 95 327 лиц мужского пола войскового сословия в штате военного времени числилось 17,1 процента, то в 1880 г. из 141 908 лиц того же пола — 13,7 процента¹.

Таким образом, попытка правительства сократить контингент служилых казаков в каждой войске потерпела неудачу.

Мало что изменилось и в последующее время, вплоть до начала первой мировой войны. Была сохранена не только стабильность казачьего служилого состава, но и отмечался некоторый его рост.

Прежним оставался и порядок прохождения казаком военной службы. Он определялся теми же двумя основными законодательными актами, что и военная повинность — «Уставом о воинской повинности казачьих войск» и особым «Положением о военной службе каза-

¹ Данные взяты из отчетов за соответствующие годы.

ков Оренбургского войска» от 10 июля 1876 г. Порядок прохождения службы разделялся на три разряда: пригготовительный; строевой, т. е. служба в первоочередных частях; запасный или нахождение в льготных частях.

В первый год пребывания в пригготовительном разряде молодой казак освобождался от всех повинностей и готовил все необходимое для службы, второй и третий годы обучался (зимой) военному делу в станицах и один месяц (летом) проходил лагерный сбор. Со второго года зачисления в пригготовительный разряд казак обязан был иметь лошадь, обмундирование и снаряжение. По достижении 21 года он переходил в строевой разряд и направлялся в части первой очереди, где начинался его второй период службы в первоочередных частях, продолжавшийся 4 года.

Строевой срок службы занимал 12 лет: из них 4 года в первоочередных частях и 8 лет в частях 2-й и 3-й очереди. Затем казак переходил в последний период службы — в запасный разряд сроком на 5 лет. На этом его служба заканчивалась. Казаки частей 2-й и 3-й очереди являлись льготными казаками и были обязаны иметь в постоянной готовности обмундирование, вооружение, снаряжение. Во время пребывания на льготе они не несли обязательной службы и проживали в своих станицах, а для строевых занятий призывались на лагерные сборы. Самое лучшее время своей жизни — с 18 до 39 лет — казак был занят или действительной службой или ее ожиданием.

Военная служба для казаков являлась тяжелой государственной повинностью. Тяжесть ее усугублялась еще и тем, что снаряжение они готовили за свой счет. До 70-х годов XIX в. стоимость обмундирования вместе со строевою лошадию составляла 70—100 рублей. С включением казачьих полков в состав кавалерийских дивизий в 1873 г. требования к казаку при снаряжении на службу стали быстро возрастать и в начале XX в. стоимость обмундирования со строевой лошадию обходилась в 204 рубля. Нередко малосостоятельная казачья семья отправляла на службу двух-трех и более сыновей и на длительное время оказывалась в долгах.

Такое положение обеспокоило начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича. В докладе на имя царя о результатах

обследования Оренбургского войска он вынужден был признать, что, если не предпринять необходимых мер, казаки не в состоянии будут нести военную службу. «Хотя в Оренбургском войске,— говорилось в докладе,— снаряжение на службу обходится дешевле, чем в прочих войсках, но затраты и такой суммы ложатся довольно тяжелым бременем на хозяйство казака даже средней зажиточности, а для малоимущего казака являются иногда непосильным расходом, вовлекающим его в долги и расташтывающим его хозяйство».

Как и в других казачьих войсках, оренбургские казаки стали получать сторублевое пособие для снаряжения на военную службу. Но эта царская щедрость даже для покрытия расходов, связанных только со сборами на службу, оказалась вскоре далеко недостаточной. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска писал: «Современное обмундирование казака требует от него значительных материальных средств, между тем земельный надел казака, ввиду переложной системы землепользования и благодаря соседству дешевых башкирских и киргизских земель, дает доходов недостаточно, чтобы покрыть расходы казака по сборам на службу»¹. Такое признание последовало через два года после назначения казакам сторублевого пособия. Между тем сборы их на службу с каждым годом требовали все больше расходов. К 1912 г. за свое снаряжение казак платил уже 250—300 рублей.

Не случайно бедные казаки, по-прежнему, как и до получения сторублевого пособия, все чаще и чаще обращались за «помощью» к станичным обществам. Разумеется, она оказывалась не безвозмездно.

Станичные правления, имея связи с администрацией заводов Южного Урала, направляли туда на заработки казаков. Правления были в курсе всех их расходов и «доходов».

Но станичные общества рассматривали казаков не только как рабочую силу. В случае неуплаты средств, выдававшихся в порядке оказания помощи, они могли продать дом и постройки, принадлежавшие казаку, с торгов. Подобная практика ускоряла процесс разложения казачь-

¹ «Голос Приуралья», 1907, № 193.

ей общины, обнищание казачьих масс, способствовала тому, что казак становился наемным рабочим. Все это в конечном итоге противоречило официальной политике царизма, стремившегося не только сохранить казачью общину от разложения, но и создать из казаков особую военную касту. Царскому правительству не оставалось ничего другого, как принять срочные и решительные меры, предусматривавшие сохранение казачества от разорения. Этой цели отвечало «Учреждение гражданского управления казаков», принятое Правительствующим Сенатом в 1903 г., надежно ограждавшее интересы казака-общинника. Согласно «Учреждению», дом, постройки, усадьба и полевой надел, которыми он владел, не подлежали изъятию даже за самые крупные долги.

В 1903 г. Сенат специальным решением отметил, что «дом казака-ответчика с дворовым местом и некоторыми надворными постройками не подвергается ни в каком случае продаже с публичного торга»¹. Ни один судебный орган, в том числе и станичный суд, не имели право это делать.

В своих многочисленных разъяснениях, адресованных станичным правлениям, станичным сходам, атаманам, станичным судам и другим судебным присутствиям, Правительствующий Сенат в категорической форме обращал их внимание на то, что статьи 632, 633, 634 и 638 выражают «несомненную волю законодателя охранить членов казачьего общества от полного расстройтва хозяйственного быта их» и требовал «в видах достижения преследуемой им цели»² неукоснительно выполнять выше названные статьи.

Специальной статьей (695) законодательный орган империи возложил на станичное общество ответственность за «исправный выход на службу каждого из своих членов, за исправное отбывание земских и станичных повинностей, а также за пополнение недоимок, лежащих на обществе»³.

18 января 1912 г. Сенат специальным Указом разъяснил, что «право распоряжения паем может быть отобрано у казаков обществом лишь в тех случаях, предусмотрен-

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб, 1911, с. 66.

² Там же.

³ Там же.

ных 696 ст. Учреждения гражданского управления казаков, т. е. лишь при расточительности или неисправном отбывании повинностей»¹.

Следует специально подчеркнуть, что законодательная машина империи работала на холостом ходу. Станичные общества находились между молотом и наковальней или точнее: с одной стороны — под мощным юридическим воздействием государства, а с другой — испытывали не менее мощное давление бурно развивающегося капитализма и следствия его проникновения во все поры жизни казачьей общины, властно заставлявшего ее подчиняться неотвратимым законам его развития.

Веками воспитывая казаков в духе слепой преданности, самодержавие использовало их для выполнения военно-полицейских функций. Наиболее яркое проявление это нашло в годы первой русской революции. Казаки беспощадно расправлялись с «бунтовщиками», выступали как душители революционно настроенных масс, чем справедливо вызывали у них чувство глубокого отвращения и ненависти.

Но самодержавный строй объективно создавал и условия, которые неуклонно и неизбежно вели к тому, что казаки все меньше и меньше становились его защитниками.

Еще в 1891 г. в приказе по казачьим и иррегулярным войскам отмечалось, что «у молодежи быстро развивались такие не свойственные казачьему сословию склонности и воззрения, как, например, отсутствие в семье и домашнем быту почтения и уважения к старшим, в службе — нарушения дисциплины и, наконец, недостаточное рвение к исправному выходу на очередную службу».

В начале XX в. в литературе и прессе указывалось на резко пониженный интерес к службе. В частности, отмечалось, что в русско-японскую войну казачество мало проявило героизма и совершило подвигов². Д. Зеленин, побывавший в станицах Оренбургского войска, констатировал факты безразличного отношения казаков к русско-японской войне и военной службе³.

¹ Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914, с. 54.

² Б. В о р о б ь е в. О казачах. — «Отклики современности», № 1, 1906.

³ Д. З е л е н и н. У оренбургских казаков. М., 1906.

Под влиянием войны и революционных выступлений среди казачества начинаются брожения. В феврале 1906 г. военный министр Редигер отмечал: «Нельзя не обратить внимание на замечаемое брожение даже среди казаков, жаждущих роспуска по домам или обеспечения их семейств таким же пособием, какое положено семьям казаков, призванных на войну»¹. И хотя вплоть до 1917 г. казаки, как и армия в целом, продолжали выполнять позорную роль палачей свободы и «пособников полиции»², однако и они начали выражать недовольство службой и казачьим офицерством.

§ 3. Оренбургское войско на службе русскому абсолютизму

В течение почти двухсот лет, начиная с 1735 г. и до своего падения, самодержавие разработало целую систему мероприятий, направленных на создание и укрепление Оренбургского казачьего войска. С самого начала своего возникновения оно было призвано служить военным оплотом абсолютизма в одном из окраинных регионов империи.

Главное военно-политическое назначение казачества до 30-х годов XIX в. заключалось в том, чтобы закрепить за государством Оренбургский край и оборонять его границы. Царизм рассматривал этот край как опорную базу для дальнейшего проникновения в Среднюю Азию, а оренбургское казачество как основную вооруженную силу, способствующую решению такой задачи.

Чтобы достигнуть своих главных экспансионистских целей в Средней Азии, самодержавие в 40—60-х годах XIX в. увеличило численный состав казачьего сословия до 253 000 человек. Оренбургское войско стало одним из крупнейших войск империи. Оно принимало участие в походе на Хиву, в штурме Кокандских крепостей, крепости Геок-Тепе, в борьбе с военно-феодальными набегами ханов, баев и эмиров на мирное оседлое и кочевое население Средней Азии, несло сторожевую, кордонную и пикетную службу в среднеазиатских крепостях.

После завоевания Средней Азии основные силы Оренбургского войска постоянно находились там в состоянии

¹ «Отклики современности», № 1, 1906.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 113.

боевой готовности. Как отмечалось в «Положении о военной службе Оренбургского казачьего войска 1876 г.», главным назначением войска являлась служба в Туркестанском крае, где, за исключением нескольких отдельных сотен, были сосредоточены многочисленные части.

Но кроме выполнения своей основной задачи — закрепление за самодержавием громадных земельных просторов Южного Урала, Казахстана и Средней Азии, Оренбургское казачье войско исполняло и полицейские функции феодального государства. Едва успев возникнуть, оно вместе с донскими, яицкими и другими казачьими частями участвовало в подавлении башкирского восстания, продолжавшегося с 1735 по 1741 г. Оренбургское войско, особенно его своеобразная гвардейская часть — Оренбургский казачий корпус, вместе с регулярными частями в 1755 г. чинило расправу над восставшими башкирами. В 1772 г. 500 оренбургских казаков в составе так называемой Яицкой экспедиции усмиряли яицких казаков. Во время Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева Оренбургский казачий корпус, расквартированный в Оренбурге, сражался на стороне правительственных войск.

Подобных примеров, свидетельствовавших о том, какую огромную роль играло Оренбургское казачье войско в осуществлении своих полицейских обязанностей, как верно служило оно абсолютистскому государству, можно привести много.

Вместе с другими казачьими войсками и частями регулярной армии оренбургские казаки помогали царизму выполнять роль мирового жандарма. В 1830 г. Оренбургский казачий полк участвовал в подавлении восстания в Польше. Расправлялись оренбургские казаки и над казахским народом, восставшим в 30-х годах XIX в. во главе с Исабаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым. Два полка казаков участвовали в подавлении революции в Венгрии.

Оренбургское казачье войско являлось и активным участником почти всех войн, которые вел царизм, начиная с конца XVIII в. вплоть до первой мировой войны. Причем количество казаков после каждой более или менее крупной военной кампании увеличивалось.

Когда в 70-х годах XIX в. была осуществлена военная

реформа, казачьи сотни вошли в состав кавалерийских дивизий регулярных войск. Это послужило началом слияния общей военной системы регулярной армии с казачьей системой воинской повинности.

Но участие строевых частей, сформированных из казаков, в выполнении общих имперских задач имело лишь вспомогательное значение. Так продолжалось до тех пор; пока главной задачей, возлагавшейся на казаков, была служба на пограничной линии. По мере того, как их служба здесь теряла свое прежнее значение, на первый план начала выступать служба в строевых частях, имевшая и по обстановке и по задачам общий характер со службой регулярных войск. Это требовало, в свою очередь, иной подготовки и вообще иной организации, чем служба казаков на пограничной линии. Назрела необходимость реформы системы военной повинности казаков, тем более, что такая реформа отвечала интересам помещиков и буржуазии, т. е. самодержавия, которое продолжало поиски наилучшего варианта использования казачества в своих целях.

В казачьих войсках проводится ряд преобразований. Основная их причина заключалась в том, что главной и постоянной обязанностью этих войск стала не кордонная или сторожевая служба, а служба в регулярных войсках.

Дислокация казачьих строевых частей стала определяться общими военными интересами государства, а не заботами об охране пограничных линий, заселенных тем или иным казачьим войском, как это было прежде. Эти части сравнивались с регулярными.

Данный факт имел далеко идущие последствия. Прежде всего был поставлен вопрос о том, сохранятся или нет даже незначительные особенности казачьей системы воинской повинности. Если да, то это должно быть оправдано. С этой точки зрения немаловажное значение имели особые условия внутреннего быта казачества. Между тем под влиянием внутренних и внешних факторов эти условия медленно, но верно размывались и сливались с общими. Причин тому несколько.

Во-первых, до реформы 60-70-х годов XIX в. территория Оренбургского казачьего войска, заселенная исключительно казаками, представляла собой своеобразный военный лагерь. После реформы она стала заселяться иногородними.

Во-вторых, до реформ, точнее, до размежевания земель казаки пользовались землей почти без всяких ограничений и не платили прямых налогов. В результате основная масса казаков могла иметь исправное снаряжение и приобретать его за свой счет. Иное положение отмечалось после реформ. Межевание внесло существенные ограничения в пользование землей. К тому же казачьи земли начали переходить к невоинскому сословию, а земель, оставшихся у войска, вследствие прироста казачьего населения и других причин с каждым годом все больше и больше не хватало. Свобода от прямых налогов с постепенной заменой их косвенными, утратила свое прежнее назначение.

В-третьих, недостаточность земельного пая и разрешение казакам служить вне войска привели к тому, что они стали уклоняться от своего прежнего исключительно военного призвания и начали заниматься торговлей, промыслами, ремеслами и т. д. Нарушалась и былая неразрывная связь казака с двумя необходимыми военными атрибутами: оружием и боевым конем. После реформ огнестрельное оружие и пики уже не являлись собственностью казаков, они получали их, когда отправлялись на службу от войска или от казны. Строевой конь приобретался на особое пособие из войсковых средств.

Несмотря на то, что условия внутреннего быта казаков изменились и в перспективе наметилась их полная утрата, царизм продолжал цепляться за казачье сословие, обреченное на вырождение. Возникает вопрос: почему?

Внимательное рассмотрение политики самодержавия по отношению к казачеству приводит к убеждению о том, что царизм устраивала система воинской повинности казаков. Для отбывания ее привлекалось поголовно все годное к службе казачье население. Иными словами процент казачьего населения, привлекаемого к такой повинности, был значительно большим, чем это предусматривалось общеимперским военным уставом.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что система воинской повинности казаков отвечала той реакционной роли царизма, которую он играл на огромной территории Оренбургского края в экономическом и политическом отношении. Вместе с тем эта система являлась

основным и постоянно действующим фактором, сдерживавшим темпы капиталистического развития на территории, занимаемой Оренбургским казачьим войском.

Г Л А В А V

О Р Е Н Б У Р Г С К О Е К А З А Ч Ь Е В О Й С К О В Г О Д Ы П Е Р В О Й М И Р О В О Й В О Й Н Ы (Д О С В Е Р Ж Е Н И Я С А М О Д Е Р Ж А В И Я)

§ 1. Состав Оренбургского войска

Оренбургскому казачьему войску принадлежало видное место среди других казачьих войск империи. По количеству сформировавшихся строевых частей оно представляло весьма существенную часть вооруженных сил государства.

В сравнении с многими другими казачьими войсками войско имело более важное значение. Оно занимало огромную территорию на рубеже Европейской и Азиатской частей России. Значение войска еще больше возросло, когда были построены железные дороги в районах войсковых земель (Сибирская и Ташкентская). Это позволило держать строевые части Оренбургского войска в наиболее важных регионах империи.

В мирное время казачьи части Оренбургского войска распределялись по военным округам следующим образом: в Варшавском — один конный шестисотенный полк, в Киевском — 2 шестисотенных полка (12 сотен) и 2 батареи (12 орудий), в Казанском — 2 отдельные сотни, 3 местные команды и 3 штата льготных батарей и в Туркестанском — 3 четырехсотенных полка и одна батарея (6 орудий).

Если говорить о военном времени, то строевые части Оренбургского казачьего войска можно было сравнительно быстро сосредоточить как на западных, так и на восточных границах, включая и Среднюю Азию.

Вооруженные силы всех казачьих войск Оренбуржья состояли из служилого состава и войскового ополчения. Служилый состав исполнял военные обязанности мирного и военного времени, войсковые ополчения создавались только при чрезвычайных обстоятельствах, обусловленных военным временем.

В 1914 г. военный состав Оренбургского казачьего

войска рассматривался: 1) по штатам, 2) по списочному составу, 3) по наличному составу.

Согласно штатного состава, Оренбургское казачье войско должно было выставить в 1914 г. ряд формирований. О штатном числе частей войска (штаты военного времени) дает представление таблица (данные на 1 января 1915 г.).

Т а б л и ц а

Воинская часть	Кол-во	Конных сотен и команд	Пеших сотен и команд	Число орудий
Гвардейская сотня	1	1	—	—
Запасная полусотня для гвардейской сотни	0,5	0,5	—	—
Полк	18	101	—	—
Отдельная сотня	8	7	—	—
Батарея	7	—	—	40
Команда	2	—	3	—
Особая конная сотня	33	33	—	—
Отделение конного запаса	6	—	6	—
И т о г о	76,5	146,5	9	40

По штату военного времени во всех перечисленных частях на 1 января 1915 г. насчитывалось 549 офицеров и 25 463 нижних чина — всего 26 012 человек. На эту же дату в списочном составе числилось 644 генерала, штаб-и обер-офицеров и 61 724 нижних чина — всего 62 368 человек.

В наличном составе к 18 июля 1914 г., т. е. по штату мирного времени, имелись следующие строевые части, находившиеся на действительной службе: одна гвардейская сотня в составе лейб-гвардии сводного казачьего полка, 4 конных полка шестисотенного состава и 2 четырехсотенного, 2 отдельные сотни, а всего 35 конных сотен, 3 местные пешие команды и 24 орудия.

Первый, второй и третий полки входили в состав 10-й, 12-й и 13-й кавалерийских дивизий, 4-й, 5-й и 6-й конные полки и 2-я батарея — в состав 1-й Туркестанской казачьей дивизии, 1-я и 3-я батареи, составляя 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион, входили во 2-ю сводную казачью дивизию. Первая отдельная сотня, 3

местные пешие команды и кадры 4-й, 5-й и 6-й льготных батарей были расположены на войсковой территории. Приказом по Казанскому военному округу 1-я и 2-я отдельные сотни были включены в состав 24 армейского корпуса. Вторая отдельная сотня располагалась по полусотенно в Кустанае и Тургае.

На основании приказа о мобилизации (18 июля 1914 г.) было сформировано 12 льготных полков шестисотенного состава 2-й и 3-й очереди; одна запасная полусотня для гвардейской сотни, 33 особых конных сотни, 6 запасных сотен с 6 отделениями конных запасов, 3 льготных батареи были развернуты в три батареи шестиорудийного состава — 4-ю, 5-ю и 6-ю батареи, вновь сформированная одна запасная батарея (4 орудия). 4-й и 6-й Оренбургские полки остались в Туркестанском военном округе, 6 запасных сотен, 6 отделений конских запасов и Оренбургская казачья запасная батарея располагались на войсковой территории¹.

Учитывая обстоятельства военного времени, отдельные Оренбургские казачьи сотни были переведены: 1-я из Оренбурга в Казань, а обе полусотни 2-й отдельной сотни из Кустанае и Тургае сведены вместе и переведены в Самару. Остальные 16 полков, 5 батарей, 33 особые конные сотни, сотня лейб-гвардии Сводно-казачьего полка находились в армии, действующей на русско-германском фронте, а запасная полусотня для Гвардейской сотни — в г. Павловске. На Кавказском фронте сражалась 2-я Оренбургская казачья батарея. Всего на действительной службе к 1 января 1915 г. находилось 146 сотен и команд, 3 местные пешие команды, 6 отделений конских запасов и 40 орудий.

Перечисленные строевые части на 1 января 1915 г. распределялись так. В Казанском военном округе насчитывалось 8 конных сотен и команд, 9 пеших сотен и команд, 4 орудия, в Туркестанском военном округе — 10 конных сотен и команд, в Кавказской армии 6 орудий, в Действующей армии — 128,5 конной сотни и команды, 30 орудий².

¹ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 год. Часть военная. Б. М. и Г., с. 5.

² Там же, с. 6.

О распределении находившихся во всех строевых частях и командах офицеров и нижних чинов по округам на 1 января 1915 г. дают представление следующие данные: в строевых частях Казанского военного округа находилось 52 генерала, штаб- и обер-офицера и 1649 нижних чинов, в Туркестанском военном округе соответственно 62 и 1706, в Действующей армии соответственно 460 и 21 013, в Кавказской армии соответственно 5 и 208.

К 1 января 1915 г. в строевых частях, по войску и в должностях насчитывалось 636 офицеров и 25 815 нижних чинов. На эту же дату всех казаков, обязанных отбывать воинскую повинность в возрасте от 20 до 38 лет включительно, числилось 57 156 человек, а также 636 офицеров войскового сословия — 57 792 человека¹. Состояние служилого состава на 1 января 1915 г. позволяют представить такие данные².

Приготовительный разряд — 3814 человек (9,2% к служилому составу), строевой разряд (12 возрастов — 21—33 лет) — 29 131 человек (70,4% к служилому составу), запасной разряд (5 возрастов — 33—38 лет) — 8408 человек (20,3% к служилому составу). Всего лиц, относившихся ко всем трем разрядам, насчитывалось 41 353 человека — 15,81 процента ко всему войсковому населению мужского пола.

Из подготовительного разряда в 1914 году было переведено в строевой разряд 3008 человек, из которых для пополнения строевых частей было отправлено 1722 человека³.

Цифровой материал, приведенный выше, показывает, что представлял из себя военный состав Оренбургского казачьего войска на 1 января 1915 г. Столь подробная статистика позволяет проследить изменения, которые произошли в войске к 1 января 1916 г. по сравнению с 1 января 1915 г. Эти изменения, прежде всего, сказались на увеличении количества строевых частей и их личного состава. Так на 1 января 1916 г. в Оренбургском казачьем войске насчитывалось 79 строевых частей. В состав их входило 152 конных сотни, вместо 76 частей и

¹ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 год. Часть военная. Б. М. и Г., с. 10.

² Там же, с. 11.

³ Там же, с. 12.

146 конных сотен. Все они были отправлены на фронт, где к 1 января 1916 г. от Оренбургского войска находилось 134 конных сотни¹.

На действительной службе во всех строевых частях со дня объявления всеобщей мобилизации (18 июля 1914 г.) к 1 января 1916 г. находились 731 офицер и 26 079 нижних чинов, из них в действующей армии — 626 офицеров и 21 900 нижних чинов, в Кавказской армии — 5 офицеров и 208 нижних чинов².

Всех казаков, обязанных отбывать воинскую повинность в возрасте от 20 до 38 лет включительно, к 1 января 1916 г. числилось 55 356 человек вместо 57 156 человек, т. е. произошло уменьшение на 1800 человек. К тому же из общего числа обязанных к службе казаков неспособных оказалось 14 035 человек³. О состоянии служилого состава на 1 января 1916 г. дают представление такие данные.

Приготовительный разряд — 4062 человека (7,34% к служилому составу), строевой разряд (12 возрастов — 21—33 лет) — 26 537 человек (47,9% к служилому составу), запасной разряд (5 возрастов — 33—38 лет) — 10 722 человека (19,3% к служилому составу). Всего тех, кто относился ко всем трем разрядам, насчитывалось 41 321 человек — 15,6 процента к войсковому населению мужского пола.

Как видно, казаки подготовительного разряда составляли 7,34 процента к служилому составу вместо 9,2 процента на 1 января 1915 г. Но особенно большие изменения произошли в строевом разряде, где казаков в возрасте от 21 до 33 лет насчитывалось 26 537 человек — 47,9 процента к служилому составу вместо 70,4 процента на 1 января 1915 г., или уменьшилось на 22,5 процента⁴.

Таким образом отмечается сокращение количества казаков, относящихся к самому работоспособному, боеспособному возрасту (с 21 до 33 лет). Потенциальные возможности войска начали уменьшаться. И если на

¹ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1915. Часть военная. Б. М. и Г., с. 6.

² Там же, с. 8.

³ Там же, с. 9.

⁴ Подсчитано автором.

1 января 1916 г. в других разрядах и не произошло значительных изменений, то это означало, что здесь появились симптомы сокращения количества служилых казаков.

В 1915 г. из приговорительного разряда было переведено в строевой разряд 3802 казака. Из этого количества для пополнения строевых частей было передано 3240 казаков. Всего же Оренбургское казачье войско направило на укомплектование всех первоочередных частей 3240 казаков. Это составило 47,9 процента всех откомандированных к штатному числу казаков по штатам мирного времени, что значительно больше, чем в 1914 г. Тогда все откомандированные казаки, согласно штатному количеству мирного времени, составляли 26,6 процента. Пользуясь приводимыми ниже данными, можно представить состояние служилого состава Оренбургского казачьего войска на 1 января 1915 г. и 1 января 1916 г. и видеть те изменения, которые произошли здесь в течение этого времени.

Приговорительный разряд на 1 января 1915 г. насчитывал 3814 человек — 9,2 процента к служилому составу, на 1 января 1916 г. — 4062 человека — 7,34 процента к служилому составу, строевой разряд (12 возрастов — 21—33 лет) на 1 января 1915 г. — 29 131 человек — 70,4 процента к служилому составу, на 1 января 1916 г. — 26 537 человек — 47,94 процента к служилому составу, запасной разряд (12 возрастов — 33—38 лет) на 1 января 1915 г. — 8408 человек — 20,63 процента к служилому составу, на 1 января 1916 г. — 10722 человека — 19,3 процента к служилому составу. Всего лиц, относившихся ко всем трем разрядам, на 1 января 1915 г. было 41353 (15,81 процента к войсковому населению мужского пола), на 1 января 1916 г. — 41321 (15,6 процента).

Какими же резервами располагало Оренбургское казачье войско, каков был его военный потенциал в 1916, 1917 гг. и в последующие годы, когда на Южном Урале, как и во многих других районах страны, началась вооруженная борьба за установление Советской власти? Об этом можно судить как по данным, которые приводились выше, так и на основании списочного состава Оренбургского казачьего войска, в которое на 1 января 1916 г. были включены все офицеры, находившиеся на льготе,

в строевых частях и числящиеся в войсковой артиллерии, а также офицеры, призванные по мобилизации из запаса, и отставные.

На эту же дату всех казаков в возрасте от 20 до 38 лет включительно, подлежащих службе, числилось 55 356 человек, а также 758 офицеров войскового сословия — всего 56 114 человек. Из них неспособных к военной службе насчитывалось 14 035 казаков; приготовительно-го разряда — 4062 человека, строевого разряда (12 возрастов — 21—33 лет) — 26 537 человек, запасного (5 возрастов — 33—38 лет) — 10 732, а всего 41 321 казак служилого состава. Ко всему войсковому населению мужского пола это составило 15,6 процента. На 1 января 1916 г. на службе в строевых частях, согласно постановлению о мобилизации от 18 июня 1914 г., находилось 26 097 человек¹.

Таким образом в резерве оставалось 15 242 казака. Если к этому прибавить 10 младших возрастов ополчения (20 304 чел.), то ближайший резерв Оренбургского казачьего войска имел 35 546 человек. Кроме того, войско насчитывало 49 563 отставных казака². В условиях чрезвычайной мобилизации отставники могли дать до 1/3 бойцов, а тотальной — до 50 процентов своего состава. Следовательно, Оренбургское казачье войско могло дополнительно выставить от 52 до 60 тысяч казаков и более, способных носить оружие.

И если царизм не успел призвать ополченцев, то после его свержения, в условиях борьбы за установление Советской власти, особенно в период гражданской войны, внутренняя контрреволюция неоднократно прибегала не только к чрезвычайной, но и к тотальной мобилизациям.

В орбиту острой политической, а затем и военной борьбы в разное время было втянуто более 80 тысяч оренбургских казаков.

§ 2. Участие оренбургских казаков на фронтах первой мировой войны

Первая мировая война убедительно показала, насколько возросла роль военной техники. В военных дей-

¹ Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1915 г. Часть военная. Оренбург, 1915, с. 9.

² Там же, с. 10.

ствиях впервые приняли широкое участие авиация и танки. Война, как известно, носила позиционный характер и в этих условиях большая роль принадлежала фортификационному искусству.

В условиях позиционной войны и появления новых родов войск роль кавалерии понизилась. Она уже не решала самостоятельные боевые задачи, как это было раньше, а использовалась лишь для преследования отступающего противника. Кроме того, кавалеристы выполняли функции разведки, охранения, связи и конвоя и т. д., поэтому они не входили в состав отдельных пехотных полков, дивизий и не смешивались с другими родами войск. Кавалерия придавалась армейским корпусам лишь в виде частей особого назначения.

Большинство в русской кавалерии составляли казачьи части. На 1 января 1917 г. на фронтах в общей сложности сражались 292 000 казаков, из них 36 674 оренбургских. Оренбуржцы принимали участие во многих операциях действующей армии (Лодзинской, 1914 г., Горлицкой, 1915 г. и др.). Оренбургские казаки участвовали и в знаменитой летней операции 1916 г., известной как «Брусиловский прорыв».

На фронтах первой мировой войны казачьи части подтвердили свои высокие ратные качества. Они выполняли трудные боевые задачи, показав образцы храбрости и отваги.

Но казаки, как и весь народ, тяготились бременем войны. И это закономерно, ибо война оказала пагубное воздействие и на казачьи хозяйства. Вследствие призыва в армию особенно страдали бедняцко-средняцкие казачьи хозяйства. Острый недостаток рабочих рук испытывали зажиточные казаки.

Нехватка рабочей силы вынуждала казаков обращаться к войсковому начальству с просьбой разрешить им использовать в своих хозяйствах и на полевых работах военнопленных.

Следует отметить, что войсковое начальство с разрешения царского правительства стремилось поддерживать казачьи хозяйства. С начала войны и до 20 декабря 1915 г. только 7522 семействам войскового сословия 3-го военного отдела были выданы значительное количество пайков и крупная сумма денежного пособия. Немалую сумму получили и 3446 семей невойскового сословия.

Войсковое хозяйственное правление оказывало помощь семьям, главы которых были призваны по мобилизации. Помощь заключалась в обработке пашни, выдаче семян, в уборке хлебов, в выдаче на прокат различных сельскохозяйственных машин и орудий и в уборке трав. В 1915 г. казенное пособие получили 24 000 семей войскового и невойскового сословия.

Война оказала отрицательное влияние и на экономику Оренбургского казачьего войска как военного учреждения. Приходило в упадок его хозяйство, сокращался войсковой капитал. Об упадке войскового хозяйства в годы войны подробно говорилось в рапорте помощника наказного атамана Оренбургского войска, предпринявшего в декабре 1915 г. инспекторскую поездку по станицам, поселкам и строевым частям 2-го и 3-го отделов. В частности, сообщалось, что казачьи сотни 3-го отдела расквартированы крайне неудовлетворительно. Верхне-Уральская команда и оружейная команда 2-го отдела помещались в старых ветхих зданиях. Троицкая местная команда и оружейная мастерская занимали тесные помещения. Подобных примеров приводилось много.

Крайне неудовлетворительное размещение казаков, плохие условия в казармах ставили казачьи сотни в тяжелое положение как в смысле обучения нижних чинов, так и их питания. Особенно страдали фронтовики.

Все это обусловило то, что казаки стали безразлично относиться к военной службе и к строевому обучению. Эта служба в годы первой мировой войны превратилась для казака в ненавистную повинность, он все больше относился к ней, как к тяжелой обязанности. Среди казачества ширился протест против службы царю. Формы протеста носили самый разнообразный характер. Если до первой мировой войны, например, почти не отмечалось случаев добровольной сдачи казаков в плен, то в годы войны такие случаи имели место. Об этом, в частности, сообщалось в официальном документе Управления военной повинности Военного ведомства.

Под влиянием войны, а затем февральской буржуазно-демократической революции среди казачества растет классовая сознательность, стремление к участию в классовой борьбе. В горниле ее значительная часть казачества, особенно трудовая, безоговорочно переходит на сторону революционных масс.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Историография, литературные и документальные источники Оренбургского казачьего войска	3
---	---

Раздел I

Оренбургское казачье войско в период своего образования

<i>Глава I.</i> Внешнеполитическая обстановка Российской империи до начала деятельности оренбургской экспедиции	35
<i>Глава II.</i> Деятельность оренбургской экспедиции и строительство крепостей на Южном Урале	43
<i>Глава III.</i> Заселение крепостей Оренбургской линии и создание Оренбургского казачьего войска	53
<i>Глава IV.</i> Военно-административное устройство Оренбургского нерегулярного войска и Оренбургского нерегулярного корпуса. Органы управления войском и корпусом	80
<i>Глава V.</i> Первоначальные источники материальной основы Оренбургского казачьего войска. Земельные отношения на территории войска	95
<i>Глава VI.</i> Экономическое положение казаков на Оренбургской пограничной линии. Классовая борьба	104

Раздел II

Преобразования в Оренбургском казачьем войске в XIX — начале XX веков

<i>Глава I.</i> Оренбургское казачье войско в первой половине XIX века	115
<i>Глава II.</i> Оренбургское казачье войско в пореформенный период	120
<i>Глава III.</i> Земельные отношения на территории Оренбургского казачьего войска в пореформенный период	127
<i>Глава IV.</i> Изменения в Оренбургском войске и в казачьем сословии	157
<i>Глава V.</i> Оренбургское казачье войско в годы первой мировой войны	183

Михаил Дмитриевич Машин

ИЗ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

Редактор Г. О. Абрамович. Худож. редактор Н. А. Кудричев. Техн. редактор О. Я. Понятовская. Корректор Р. М. Цветкова, В. И. Мельник
Сдано в набор 9/XII-1975 г. Подписано к печати 16/IV-1976 г. ФБ04587. Формат бумаги 84 × 108/32 — 6 физ. п. л., 10,08 усл. п. л., 10,73 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Бумага № 1.

Южно-Уральское книжное издательство, г. Челябинск, пл. Революции, 2. Областная типография Челябин. обл. управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Челябинск, ул. Творческая, 127. Заказ № 2813. Цена 1 р. 17 к.

1 р. 17 к.

